

считаютъ собаку нечистымъ животнымъ и находятъ, что прахъ отъ ногъ ея оскверняетъ человѣческое жилище. Я хотѣлъ отучить Джолчи отъ этого глупаго предразсудка, но нельзя было заставить ее переступить порогъ кибитки ни добромъ, ни угрозой. Она никогда въ жизни не ставила своей ноги въ кибитку и, должно быть, твердо забрала себѣ въ голову, что ей тамъ и дѣлать нечего.

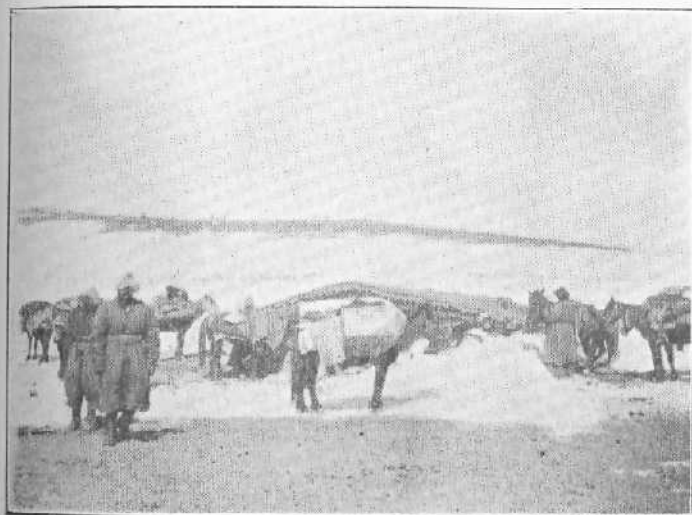
Климатъ въ этой области имѣетъ свои особенности. Съ одной стороны солнце такъ и палитъ вамъ лицо, а другая сторона лица, находящаяся въ тѣни, почти мерзнетъ. Въ тихую погоду, при ясномъ небѣ, въ полдень становится такъ жарко, что сбрасываешь съ себя бараній тулупъ, но достаточно облачка, или тѣни отъ горы, которая бы загородила солнце, и васъ насквозь прохватитъ холодомъ. Кожа на лицѣ лущится, сходитъ нѣсколько разъ, а потомъ становится сухой, жесткой, какъ пергаментъ, и бронзоваго цвѣта, какъ у индуса. 5-го марта около полудня термометръ въ тѣни показывалъ — 10°, а инсоляционный термометръ — 52°.

Скоро начало смеркаться, и у меня спина устала отъ тяжелого тулупа. Такъ какъ навьюченные лошади шли слишкомъ тихо, и намъ оставалось еще тащиться такимъ образомъ часа два до стоянки, то я въ сопровожденіи Минъ-баши оставилъ караванъ и отправился въ потьмахъ впередъ. Минъ-баши ѣхалъ впереди, а за нимъ по слѣдамъ его лошади я. Тяжелый выдался путь; если-бы не яркія звѣзды, было бы темно, хоть глазъ выколи. Время все шло, и будь тутъ въ маленькомъ караванъ-сарай Боръ-доба хозяинъ, онъ былъ-бы навѣрное сильно изумленъ, увидавъ въ такую позднюю пору у своихъ дверей двухъ занесенныхъ снѣгомъ путниковъ.

Чтобы читатель не возмѣлъ преувеличеннаго представленія объ этомъ караванъ-сарай, или „рабатъ“, я поясню, что это ни что иное, какъ маленькая землянка съ крышей, подпертой кольями; посреди пола четырехугольное возвышеніе, служащее мѣстомъ отдыха для путешественниковъ. По распоряженію Ферганскаго губернатора такія лачуги разбросаны во многихъ пунктахъ между Маргеланомъ и Памирскимъ постомъ ради облегченія почтовыхъ сообщений. Этотъ караванъ-сарай былъ расположенъ у подошвы одинокаго холма и потому носилъ названіе Боръ-доба, правильнѣе „Бозъ-тепе“.

т. е. „сѣраго холма“. Мы немедленно заснули и проснулись только, когда съ шумомъ и гамомъ подошелъ караванъ. Тутъ мы напились чаю и отлично поужинали.

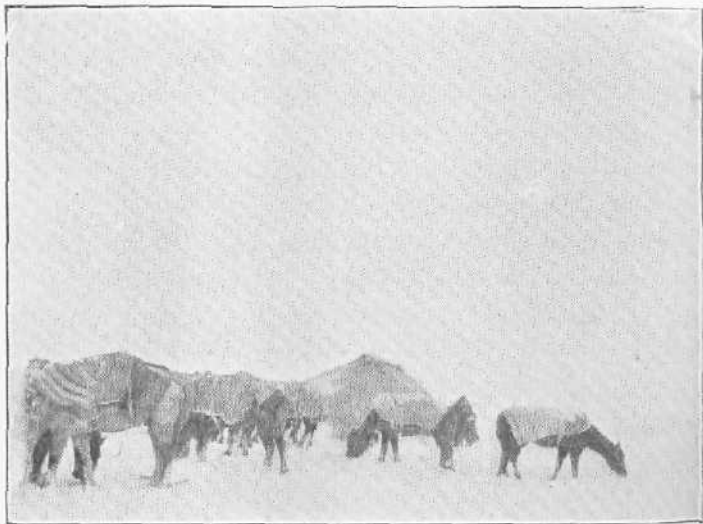
По пути въ Боръ-доба мы видѣли слѣды восьми волковъ, бѣжавшихъ вразсыпную по направленію отъ Алайскаго хребта къ Заалайскому. Дальше, на спускѣ между холмами слѣды соединились; тутъ было мало дорогъ, и выбирать было не изъ чего. Киргизы сказали, что здѣсь проходитъ старая извѣстная волчья тропа. Когда на зарѣ люди встали посмотрѣть лошадей, то видѣли семь волковъ, рысцой направлявшихся къ Кызыль-арту.

Караванъ-сарай Боръ-доба.
(Съ фотографіи автора).

Въ этихъ областяхъ волки встрѣчаются очень часто. Лѣтомъ они обыкновенно держатся въ долинѣ Алая и таскаютъ у киргизовъ барановъ. Собаки чуютъ волковъ за версту, за дѣй, но тѣ нерѣдко надуваютъ ихъ; волки недѣлями слѣдятъ за стадомъ и стерегутъ удобный случай для нападенія. Кровавожадны они невѣроятны и, если нападутъ на стадо безъ пасти, то перерѣжутъ всѣхъ барановъ. Мнѣ рассказывали, что недавно одинъ волкъ зарѣзалъ ночью 180 барановъ у одного киргиза изъ Учъ-тепе. Зато горе подстрѣленному волку, попадающемуся живьемъ въ руки своего врага, киргиза! Въ разинутую пасть ему всовываютъ короткій толстый коль, ко-

торый прикручивается къ скуламъ, другую-же палку привязываютъ къ ногѣ, чтобы звѣрь не могъ удрать, и начинаютъ всячески мучить и терзать его, пока въ немъ остается хотя искра жизни. Я разъ положилъ конецъ мученіямъ одного такого несчастнаго грѣшника. Когда въ долинѣ Алая выпадаетъ глубокой зимній снѣгъ, волки уходятъ на Памиръ и бродятъ по берегамъ Кара-куля, гдѣ живутъ главнымъ образомъ охотой на великолѣпныхъ архаровъ (горные бараны — *ovis poli*), кикковъ (дикихъ козъ) и зайцевъ. За архарами волки охотятся съ большими хитростями, устраивая на нихъ настоящія облавы.

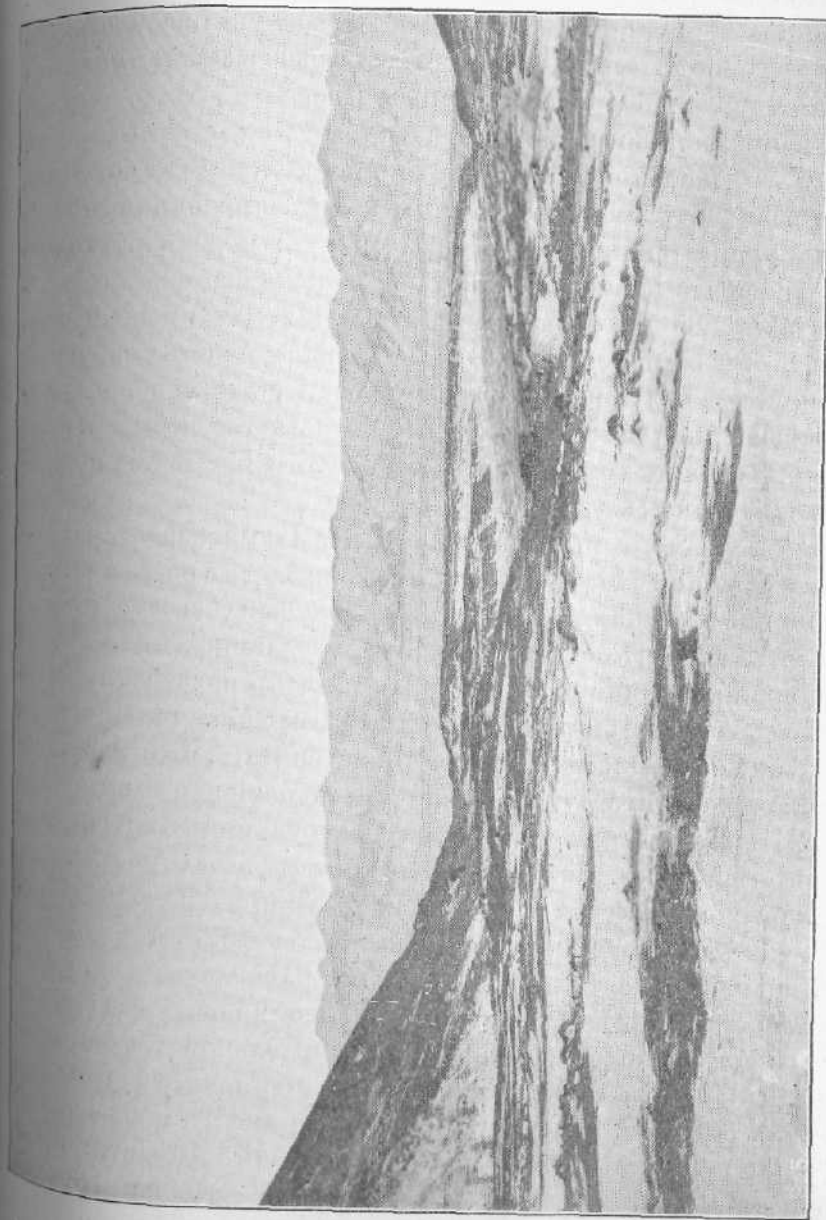
Наши лошади ищутъ подвожнаго корма подъ снѣгомъ.

(Съ фотографіи автора)

Обыкновенно хищники отбиваютъ отъ стада одного или нѣсколькихъ изъ этихъ быстроногихъ животныхъ, которые затѣмъ и загоняются разставленными по пути волками-загонщиками или въ какой нибудь тупикъ въ ущельѣ, или на круго обрывающуюся скалу, гдѣ преслѣдователи и окружаютъ ихъ. Не умѣя карабкаться на высокіе уступы, волки терпѣливо ждутъ, пока тонкія ноги архара онѣмѣютъ отъ усталости, и бѣдняга скатится прямо въ когти голодныхъ хищниковъ.

Около Кара-куля мы часто видѣли цѣлыя стада мирно пасущихся архаровъ въ какой нибудь одной-двухъ верстахъ отъ

насъ. Киргизы различали ихъ на невѣроятныхъ разстояніяхъ, мнѣ же приходилось прибѣгать къ лучшимъ моимъ биноклямъ,

Сѣверовосточный край озера Большаго Кара-куля. Видъ съ перевала Учъ-булакъ.
(Съ фотографіи автора).

чтобы слѣдить за движеніями животныхъ. По дорогѣ часто видѣли мы также выбѣленные солнцемъ черепа архаровъ, съ

ихъ красиво выгнутыми рогами, — должно быть остатки волчьихъ жертвъ.

По словамъ киргизовъ, встрѣча съ парюю волковъ представляетъ для одинокаго путника серьезную опасность. Въ подтвержденіе своихъ словъ киргизы рассказывали мнѣ много ужасныхъ исторій о волкахъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, волки напали на перевалѣ Талдыкъ на одного киргиза, и черезъ нѣсколько дней нашли отъ послѣдняго только одну черепъ, да кости. Въ другой разъ одинъ киргизъ погибъ во время бурана на перевалѣ Кызыль-артъ; черезъ нѣсколько дней трупъ его нашли въ снѣгу, но лошадь его оказалась целикомъ съѣденной волками. Одинъ изъ моихъ проводниковъ киргизовъ и одинъ джигитъ были прошлою зимою окружены двѣнадцатью волками; по счастью, люди были хорошо вооружены и застрѣлили двухъ волковъ, которые тотчасъ же и были пожраны своими товарищами; послѣ того послѣдніе обратились въ бѣгство.

Въ Боръ-добѣ мы оставались день, и я произвелъ различныя наблюденія. Между прочимъ сдѣланъ былъ разрѣзъ снѣжного покрова, толщина котораго равнялась здѣсь 91 сантим., и оказалось, что онъ состоялъ изъ шести различныхъ слоевъ. Самый нижній, толщиной въ 21 сантим., былъ грязень, плотный и твердый почти какъ ледъ; самый верхній, толщиной въ 43 сантим., былъ чистъ и рыхлъ. Можно считать, что эти различные слои соотвѣтствуютъ различнымъ періодамъ выпаденія снѣга. Нижніе слои сдавлены тяжестью верхнихъ и видно, что зимою снѣгъ доходитъ тутъ до двухъ метровъ глубины.

Хотя температура въ 3 часа пополудни равнялась — 13.6°, а инсоляціонный термометръ показывалъ 46.6°, температура въ снѣгу всего на глубинѣ 3 сантим., равнялась — 22.5°; это показываетъ, что колебанія суточной температуры воздуха едва замѣтны даже на такой незначительной глубинѣ (въ предшествующую ночь минимальный термометръ показывалъ — 28.2°). По мѣрѣ приближенія къ поверхности почвы температура понемногу повышалась и на глубинѣ 43 сантим. равнялась — 11°, на глубинѣ 58 сантим. — 8°, на глубинѣ 65 сантим. — 7.8°, на глубинѣ 70 сантим. — 5.7° и у поверхности почвы, на глубинѣ 91 сантим. подъ снѣжнымъ покровомъ — 4.4°.

Съ помощью заступа и кирки была вырыта въ замерзшей, какъ камень, почвѣ яма въ 61 сантим. глубины; на этой глубинѣ термометръ показалъ — 0.9°. Произведенныя здѣсь наблюденія выяснили, что почва промерзла на глубину свыше одного метра, что и совпадало съ результатами наблюденій, сдѣланныхъ мною въ другихъ мѣстахъ Памира. Лѣтомъ почва, по словамъ киргизовъ, оттаиваетъ совершенно.

Утромъ 9 марта всѣ мои киргизы пали на колѣна въ снѣгъ, вознося Аллаху мольбы о счастливомъ перевалѣ черезъ опасный Кызыль-артъ, гдѣ часто разражаются внезапные гибельные бураны. Я ждалъ тяжелаго перехода, но оказалось, что Кызыль-артъ далеко не представлялъ такихъ трудностей, какъ Тенгисъ-бай; да и надо прибавить, что съ погодой намъ повезло на рѣдкость. Уже около Боръ-доба подымаешься на такую высоту, что подъемъ на самый перевалъ, находящійся на самомъ гребнѣ Заалайскаго хребта, не кажется особенно крутымъ. Ручеекъ, который весной и лѣтомъ струится внизъ съ перевала, замерзъ теперь до самаго дна, и въ прозрачномъ чистомъ льду его ясно отражалось голубое небо. Горы состояли по большей части изъ кирпично и кроваво-краснаго песчаника, бураго или свѣтло-зеленаго и сѣраго сланца, а дно долины все было усыпано щебнемъ и гальками — продуктами процесса вывѣтриванія.

Выше подъемъ на перевалъ становился понемногу круче, и снѣгъ глубже. Но мы счастливо достигли гребня (4,271 м.), гдѣ дулъ ледяной, сѣверный вѣтеръ, пронизывавшій насъ до костей сквозь тулупы и валенки. На самомъ перевалѣ возвышается курганъ-могила святого Кызыль-арта, представляющій кучу камней, украшенную „тугами“, т. е. шестами, на которыхъ навѣшаны разныя тряпки, лохмотья и рога антилопъ — дары благочестивыхъ киргизовъ. Около кургана киргизы мои опять упали на колѣна и возблагодарили Аллаха за благополучный перевалъ.

Они сообщили мнѣ, что Кызыль-артъ былъ „ауліе“, т. е. святой, который во времена пророка направился изъ долины Алая на югъ, чтобы распространять истинную вѣру, и во время своего странствованія открылъ перевалъ, носящій теперь его имя и служащій, какъ говорятъ, и мѣстомъ его погребенія. Другіе киргизы давали болѣе правдоподобное объ-

ихъ красиво выгнутыми рогами, — должно быть остатки волчьихъ жертвъ.

По словамъ киргизовъ, встрѣча съ парой волковъ представляетъ для одинокаго путника серьезную опасность. Въ подтвержденіе своихъ словъ киргизы рассказывали мнѣ много ужасныхъ исторій о волкахъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, волки напали на перевалѣ Талдыкъ на одного киргиза, и черезъ нѣсколько дней нашли отъ послѣдняго только одну черепъ, да кости. Въ другой разъ одинъ киргизъ погибъ во время бурана на перевалѣ Кызыль-артъ; черезъ нѣсколько дней трупъ его нашли въ снѣгу, но лошадь его оказалась цѣликомъ съѣденной волками. Одинъ изъ моихъ проводниковъ киргизовъ и одинъ джигитъ были прошлою зимою окружены двѣнадцатью волками; по счастью, люди были хорошо вооружены и застрѣлили двухъ волковъ, которые тотчасъ же и были пожраны своими товарищами; послѣ того послѣдніе обратились въ бѣгство.

Въ Боръ-добѣ мы оставались день, и я произвелъ различныя наблюденія. Между прочимъ сдѣланъ былъ разрѣзъ снѣжнаго покрова, толщина котораго равнялась здѣсь 91 сантим., и оказалось, что онъ состоялъ изъ шести различныхъ слоевъ. Самый нижній, толщиной въ 21 сантим., былъ грязень, плотень и твердъ почти какъ ледъ; самый верхній, толщиной въ 43 сантим., былъ чистъ и рыхлъ. Можно считать, что эти различные слои соотвѣтствуютъ различнымъ періодамъ выпаденія снѣга. Нижніе слои сдавлены тяжестью верхнихъ и видно, что зимою снѣгъ доходитъ тутъ до двухъ метровъ глубины.

Хотя температура въ 3 часа пополудни равнялась — 13.6°, а инсоляціонный термометръ показывалъ 46.6°, температура въ снѣгу всего на глубинѣ 3 сантим., равнялась — 22.5°; это показываетъ, что колебанія суточной температуры воздуха едва замѣтны даже на такой незначительной глубинѣ (въ предшествующую ночь минимальный термометръ показалъ — 28.2°). По мѣрѣ приближенія къ поверхности почвы температура понемногу повышалась и на глубинѣ 43 сантим. равнялась — 11°, на глубинѣ 58 сантим. — 8°, на глубинѣ 65 сантим. — 7.8°, на глубинѣ 70 сантим. — 5.7° и у поверхности почвы, на глубинѣ 91 сантим. подъ снѣжнымъ покровомъ — 4.4°.

Съ помощью заступа и кирки была вырыта въ замерзшей, какъ камень, почвѣ яма въ 61 сантим. глубины; на этой глубинѣ термометръ показалъ — 0.9°. Произведенныя здѣсь наблюденія выяснили, что почва промерзла на глубину свыше одного метра, что и совпадало съ результатами наблюденій, сдѣланныхъ мною въ другихъ мѣстахъ Памира. Лѣтомъ почва, по словамъ киргизовъ, оттаиваетъ совершенно.

Утромъ 9 марта всѣ мои киргизы пали на колѣна въ снѣгъ, вознося Аллаху мольбы о счастливомъ перевалѣ черезъ опасный Кызыль-артъ, гдѣ часто разражаются внезапные гибельные бураны. Я ждалъ тяжелаго перехода, но оказалось, что Кызыль-артъ далеко не представлялъ такихъ трудностей, какъ Тенгисъ-бай; да и надо прибавить, что съ погодой намъ повезло на рѣдкость. Уже около Боръ-доба подымаешься на такую высоту, что подъемъ на самый перевалъ, находящійся на самомъ гребнѣ Заалайскаго хребта, не кажется особенно крутымъ. Ручеекъ, который весной и лѣтомъ струится внизъ съ перевала, замерзъ теперь до самаго дна, и въ прозрачномъ чистомъ льду его ясно отражалось голубое небо. Горы состояли по большей части изъ кирпично и кроваво-краснаго песчаника, бураго или свѣтло-зеленаго и сѣраго сланца, а дно долины все было усеяно щебнемъ и гальками — продуктами процесса вывѣтриванія.

Выше подъемъ на перевалъ становился понемногу круче, и снѣгъ глубже. Но мы счастливо достигли гребня (4,271 м.), гдѣ дулъ ледяной, сѣверный вѣтеръ, пронизывавшій насъ до костей сквозь тулупы и валенки. На самомъ перевалѣ возвышается курганъ-могила святого Кызыль-арта, представляющій кучу камней, украшенную „тугами“, т. е. шестами, на которыхъ навѣшаны разныя тряпки, лохмотья и рога антилопы — дары благочестивыхъ киргизовъ. Около кургана киргизы мои опять упали на колѣна и возблагодарили Аллаха за благополучный перевалъ.

Они сообщили мнѣ, что Кызыль-артъ былъ „ауди“, т. е. святой, который во времена пророка направился изъ долины Алая на югъ, чтобы распространять истинную вѣру, и во время своего странствованія открылъ перевалъ, носящій теперь его имя и служащій, какъ говорятъ, и мѣстомъ его погребенія. Другіе киргизы давали болѣе правдоподобное объ-

ясненіе, что курганъ только сложенъ въ честь этого святого, а не представляетъ его могилы. Кромѣ того киргизы вѣрятъ, что не открой святой мужъ перевала Кызыль-арта, и до сихъ поръ нельзя было-бы проникнуть въ Памиръ. Преданіе говоритъ еще, что шесть братьевъ Кызыль-арта были также святыми и назывались Музь-артъ, Кокъ-артъ, Хатынь-артъ, Калынъ-артъ, Гезъ-артъ и Агъ-артъ. Всѣ эти имена и приурочены къ другимъ переваламъ, ведущимъ въ Памиръ. „Артъ“ — одно изъ многихъ, существующихъ въ киргизскомъ языкѣ словъ, обозначающихъ „проходъ“.

На южной сторонѣ перевала оказалось сначала очень много снѣга, но затѣмъ снѣжный покровъ становился мало по малу тоньше. Послѣ восьмичасовой ходьбы мы достигли маленькаго караванъ-сарая Кокъ-сая.

Мнѣ этотъ пунктъ особенно памятенъ потому, что я отмѣтилъ тамъ самую низкую температуру за все время моего путешествія по Азій; ртуть понизилась до — 38,2°, т. е. была недалеко отъ точки своего замерзанія.

Къ югу отъ Кызыль-арта ландшафтъ пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ. Снѣгу становится совсѣмъ мало, почва на большихъ протяженіяхъ обнажена отъ него, и покрыта щебнемъ и пескомъ; формы горъ становятся болѣе округленными; относительныя высоты уменьшаются, и гребни горъ отдѣляются другъ отъ друга широкими отлогими и корытообразными долинами. Между Кызыль-артомъ и Акъ-байталомъ простирается около Кара-куля область, не имѣющая стока водъ въ Аму-дарью, и такимъ образомъ продукты вывѣтриванія горъ остаются здѣсь и содѣйствуютъ нивелировкѣ мѣстности. Здѣсь можно въ маломъ масштабѣ найти тѣ же области, на какія подраздѣляетъ Рихтгофенъ весь азіатскій материкъ вообще, т. е. „не имѣющія стока водъ“, „периферическія“ и „переходныя“.

10 марта мы цѣлый день ѣхали на юго-востокъ; сначала пересѣкли открытую корытообразную долину, окруженную низкими, одѣтыми снѣгомъ гребнями горъ; на самомъ-же днѣ долины снѣгъ лежалъ рѣдкими жиденькими клоками. Прямо передъ нами вырисовывалась обособленная гористая область; на право долина расширялась и граничила съ низкими округленными холмами. Налѣво выступалъ къ юго-западу низкій

горный отрогъ, примыкавшій къ обособленной гористой области.

Мѣстность по тому направленію, по которому мы шли, все повышалась, и послѣ четырехчасовой ходьбы мы достигли небольшого перевала Учъ-булака, съ вершины котораго открылась на юго-востокѣ чудесная панорама. Далеко внизу видѣлась сѣверо-восточная часть озера Кара-куля, покрытая льдомъ и снѣгомъ и окруженная мощными горами, также окутанными отъ подошвы до вершины сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ. На самомъ перевалѣ снѣгъ доходилъ до 4 дюймовъ глубины и былъ покрытъ настомъ — твердой и сухой корою, жесткой, какъ пергаментъ, и такой крѣпкой, что она зачастую сдерживала лошадей. Мы какъ будто шли по туго натянутой барабанной кожи.

Отъ Учъ-булака дорога опять пошла черезъ широкую степь, которая почти незамѣтно спускалась отъ подошвы горъ къ сѣверному берегу озера и была покрыта, хоть и не сплошь, снѣгомъ. Отъ вліянія преобладающихъ здѣсь западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, снѣжный покровъ образуетъ мѣстами точно дюны, а мѣстами напоминаетъ лужицы изъ пролитыхъ и мало по малу застывшихъ сливокъ. Степь покрыта рѣдкой порослью терескена, твердаго, какъ дерево, искривленнаго, сухого кустарника, доставляющаго прекрасное топливо.

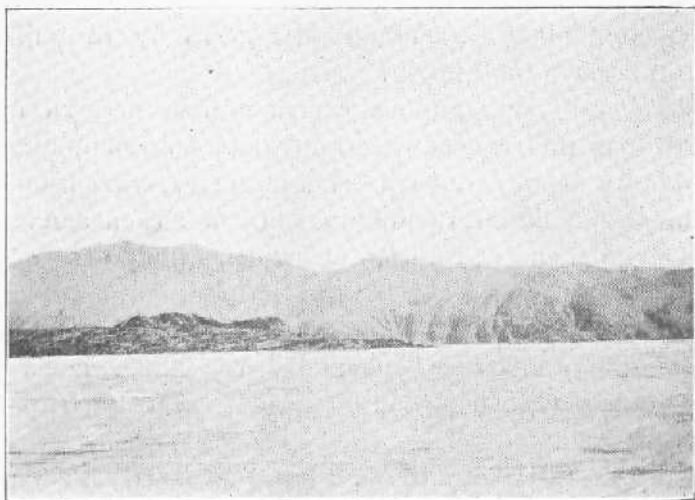
Въ 6 часовъ солнце сѣло. Тѣни отъ горъ на западѣ такъ быстро набѣжали на равнину, что взоръ еле могъ услѣдить за ними. На востокѣ тѣни болѣе медленно сползали по скатамъ горъ; скоро лишь высочайшія пирамидальныя вершины ихъ остались еще освѣщенными солнцемъ. Черезъ четверть часа вся мѣстность была окутана сумерками. Горы на востокѣ вырисовывались на фонѣ темнаго неба голубовато-бѣлыми холодными призраками, тогда какъ западныя темнѣли черными силуэтами на блестящемъ яркими лазурными и пурпурными тонами горизонтѣ.

Мы пріютились въ землянкѣ неподалеку отъ берега Кара-куля и нашли тамъ теплый и удобный ночлегъ.

Съ маленькимъ, хорошо подобраннымъ караваномъ, состоящимъ изъ двухъ сартовъ-джигитовъ, двухъ закаленныхъ киргизовъ, пяти верховыхъ и двухъ вьючныхъ лошадей, вы-

ступилъ я 11 марта на юго-западъ по льду Кара-куля. Мы взяли съ собой продовольствія и топлива на два дня, небольшую островерхую киргизскую палатку, кирки, топоры, заступы и бичевку съ лотомъ. Остальные люди и лошади должны были отправиться къ слѣдующей стоянкѣ, неподалеку отъ юго-восточнаго берега Кара-куля, и тамъ ждать насъ.

Площадь Кара-куля равняется 30 — 40 кв. верстамъ; соленое озеро это окружено значительными горными хребтами, которые, впрочемъ, на сѣверѣ, на востокѣ и на юго-востокѣ отступаютъ отъ озера и отдѣляются отъ него равниной въ нѣсколько верстъ ширины. Киргизы называли его „Чернымъ

Островъ въ озерѣ Кара-куль.

(Съ фотографіи автора).

озеромъ“ (Кара-куль), потому что воды его кажутся лѣтомъ черными въ сравненіи съ окружающими горами, нерѣдко покрытыми снѣгомъ даже въ это время года. Максимумъ длины озера — 20 верстъ, а ширины 15. Выступающимъ на южномъ берегу полуостровомъ и островомъ, расположеннымъ у противоположнаго сѣвернаго берега, озеро дѣлится на два бассейна, — восточный, очень мелководный, и западный, обширный и съ круто обрывающимися берегами. Восточная часть озера и была цѣлью нашихъ изслѣдованій въ первый день экскурсіи.

Пройдя четыре версты по льду, мы сдѣлали привалъ; за-

тѣмъ были пущены въ ходъ топоры, кирки и заступы, и послѣ тяжелой часовой работы мы пробили ледяной покровъ, толщина котораго доходила здѣсь до 91 сантим. Ледъ былъ ровный, какъ стекло, прозрачный и хрупкій. Послѣдній ударъ кирки открылъ темновеленую прорубь, въ которую шипя полилась хрустальная, горькая на вкусъ вода, и не дошла до краевъ ледяного колодца всего на нѣсколько сантиметровъ. Бичевка съ лотомъ, раздѣленная узлами на концы въ 10 метр. каждый, была погружена въ воду. Глубина оказалась только 12.57 метр. Вода въ проруби имѣла -0.4° , а на днѣ озера $+1.2^{\circ}$.

Рехимъ-бай и Исламъ-бай измѣряютъ глубину въ проруби на льду озера Кара-куль.

(Съ фотографіи автора).

На прорубку льда пошелъ часъ; прорубь на поверхности имѣла въ діаметрѣ больше метра. Какъ только она была готова, ледъ началъ трещать и стрѣлять; своеобразные звуки, выходящіе какъ будто изъ подъ низу, слѣдовали одинъ за другимъ.

Еще 4 версты, и новая прорубь; отъ нея мы пошли къ сѣверо-западу по направленію къ острову; по дорогѣ прорубили еще третью прорубь и въ сумерки вышли на берегъ глубоко вдающейся въ островъ бухты. По этому острову, гдѣ не было ни дорогъ, ни тропинокъ и гдѣ, по словамъ моихъ

киргизовъ, до сихъ поръ не бывало ноги человѣческой, мы ѣхали съ частъ, пока нашли удобное мѣсто для стоянки. Здѣсь разбили небольшую войлочную палатку; передъ входомъ развели костеръ и, поужинавъ, провели среди Кара-куля, на высотѣ почти 4,000 метр. надъ уровнемъ моря холодную (-29°) и дождливую ночь.

Окоченѣлые, промокшіе и вялые выступили мы на другой день раннимъ утромъ и направились прямо къ западу отъ острова. Пройдя $4\frac{1}{2}$ версты, пачали дѣлать измѣренія въ западномъ бассейнѣ озера. Внутреннее напряженіе въ массѣ льда, обусловленное одинаковымъ давленіемъ со всѣхъ сторонъ, безъ сомнѣнія, до нѣкоторой степени нарушилось нашей ѣздой по льду, вызывавшей усиленное давленіе сверху, и насъ все время преслѣдовали самыя страшныя звуки. То слышались басовые тоны органа, то какъ будто подъ нами перекатывали большіе барабаны и били въ нихъ, то слышался стукъ захлопываемой двери кареты, то какъ будто швыряли въ озеро большой камень. Визжащія и скрипящія звуки смѣнялись одинъ другой; иногда слышались даже словно мощныя взрывы подводныхъ минъ.

При особенно громкихъ выстрѣлахъ лошади испуганно настораживали уши, люди удивленно прислушивались и переглядывались. Сарты полагали сначала, что это „бьются о ледъ“ головами большія рыбы“, но болѣе свѣдущіе киргизы разъяснили имъ, что въ Кара-кулѣ рыбы не водятся. На мой-же вопросъ, откуда идутъ эти странные звуки и что происходитъ тамъ, въ глубинѣ, они отвѣчали: „Богъ вѣсть!“ Во всякомъ случаѣ, если это злоумышляла противъ насъ коварная Рана*) то ошиблась въ расчетахъ: ледъ выдержалъ подъ нами, да сдержалъ-бы и цѣлый Стокгольмъ.

И въ этотъ день чудесная погода вполне благоприятствовала работѣ; въ воздухѣ не шелухнулось, небо было безоблачно, и твердый въ 7 сантим. толщины снѣговой покровъ на льду не давалъ лошадямъ скользить и спотыкаться. Какъ непохоже это было на устрашающія описанія Кара-куля, слышанныя мною въ Туркестанѣ. Мнѣ говорили, что тутъ постоянно

*) По Скандинавской мифологіи Рана — богиня водяной бездны.

Примеч. по...

свирѣпствуютъ бураны, что каждую снѣжинку мгновенно подхватываетъ вѣтромъ, и что вѣтеръ снесетъ весь караванъ по гладкому, какъ зеркало, льду. Старались даже увѣрить меня, что проруби придется прорубать въ самой палаткѣ, а вмѣсто того мы работали теперь на волѣ, наслаждаясь солнечнымъ свѣтомъ!

Въ теченіе дня мы сдѣлали переходъ съ сѣвера на югъ, черезъ западную половину озера и прорубили по пути еще четыре проруби. Въ нижеслѣдующей таблицѣ первый столбецъ показываетъ номера прорубей, второй глубину озера въ метрахъ, третій температуру воды на днѣ озера, и четвертый толщину льда.

Восточная половина.	I	12.57 м.	+ 1.2°	91 сантим.
	II	13.05 „	+ 1.6°	106 „
	III	19.15 „	+ 1.8°	76 „
Западная половина.	IV	221.40 м.	+ 3.4°	48 сантим.
	V	228.10 „	+ 3.5°	46 „
	VI	230.50 „	+ 3.5°	42 „
	VII	78.10 „	+ 2.1°	53 „

Таблица показываетъ, что восточная половина озера мелководна, тогда какъ западная очень глубока. Да и одного взгляда на карту, а тѣмъ болѣе на самое озеро, достаточно, чтобы составить себѣ такое-же понятіе о рельефѣ дна озера, какое подтверждаетъ эта таблица. Восточная половина окаймлена отлогой равниной, а западная крутыми горами.

Питается озеро ключами, впадающими въ него въ формѣ небольшихъ ручейковъ, а также водой, получающейся при таяніи мѣстныхъ снѣговъ и наполняющей ложбинки. Особенно много ключей на восточномъ берегу, гдѣ они образуютъ большія болота и озера. Таблица указываетъ еще на одно явленіе, настолько естественное, что оно и не требуетъ объясненій, а именно, что чѣмъ выше глубина, тѣмъ выше и температура воды на днѣ озера и тѣмъ тоньше ледяной покровъ въ данномъ мѣстѣ.

Когда мы направились къ послѣдней проруби и прошли выступающую въ озеро косу, передъ нами открылся чудесный видъ на южную бухту Кара-куля. Фонъ образовывали мощныя,

одѣтыя въ снѣга горы, на западѣ къ озеру спускались горные скаты, падающіе подѣ угломъ 20°; на восточномъ берегу къ подошвѣ горъ шелъ ровный подъемъ. Рельефъ мѣстности показывалъ, что глубина южной части бухты врядъ ли превышаетъ 50 метровъ.

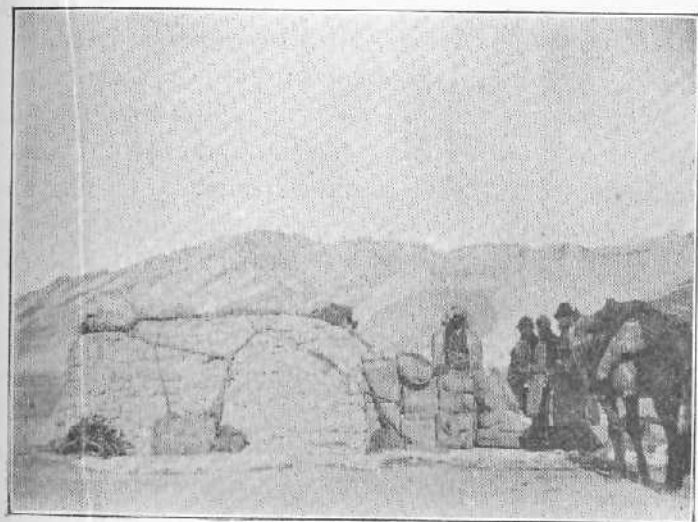
Последнюю прорубь вырубилъ посреди устья бухты. Когда прорубь была готова, трое изъ моихъ людей попросились ѣхать впередъ съ вьючными лошадьми, чтобы успѣть разбить къ моему приѣзду палатку на мѣстѣ условленной почевки у Акъ-тама къ югу отъ восточной части озера. Я остался съ джигитомъ Ширь, произвелъ въ сумеркахъ наблюденія, и двинулся въ путь, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Около 5 верстѣ ѣхали мы по льду черезъ бухту по слѣдамъ моихъ людей, ясно виднымъ на тонкомъ снѣговомъ покровѣ. Около берега, однако, мы потеряли слѣдъ и часть за часомъ ѣхали въ темнотѣ по полуострову, покрытому щебнемъ, пескомъ и проч. продуктами разложенія горныхъ породъ, наугадъ.

Скоро взошелъ серповидный мѣсяцъ и освѣтилъ пустынный ландшафтъ, гдѣ не было и признака жизни, не слышно было ни звука. Время отъ времени мы останавливались и подавали голосъ, но никто не откликался намъ. Разъ мы было напли слѣдъ въ небольшомъ сугробѣ, но опять потеряли его, когда мѣсяцъ заволокло вечернимъ туманомъ. Послѣ четырехчасовой ѣзды мы достигли восточнаго берега озера, но здѣсь не было видно ни верховыхъ, ни сигнальных костровъ, никакого бивуака. Очевидно, люди мои отправились другой дорогой, но какой?

Еще съ часъ ѣхали наугадъ, но такъ какъ поиеки наши оставались тщетными, то мы сдѣлали привалъ на низкой, ровной песчаной площадкѣ, покрытой мѣстами тонкимъ налетомъ снѣга. Разбили примитивный бивуакъ; чемоданъ съ картами, записными книжками, термометрами и проч. послужилъ мнѣ изголовьемъ; лошадей связали вмѣстѣ, чтобы онѣ не ушли. Бѣдные животныя, не ѣвшія цѣлый день, разгребали песокъ передними копытами, но не находили ничего, кромѣ твердыхъ какъ дерево, корней терескена, которые, однако, и жевали съ жадностью.

Мы сидѣли и болтали до 1 часу утра, пугая другъ друга равными исторіями о волкахъ. Ширь полагалъ, однако, что

лошади почуяли-бы волковъ и предупредили насъ об опасности, если-бъ она грозила намъ. Наконецъ, прекративъ за усталостью бесѣду, мы закутались въ тулупы и улеглись на киргизскій ладъ, т. е. припавъ, скорчившись, на колѣни, лицомъ внизъ, и упираясь лбомъ въ чемоданъ, а каблуки подставивъ вѣтру. Но надо родиться киргизомъ, чтобы быть въ состояніи заснуть въ такомъ положеніи! Ширъ похрапывалъ, я же глазъ не могъ сомкнуть; пробовалъ было принять болѣе европейскую позу, но ночной холодъ прохватывалъ меня насквозь; пришлось время отъ времени вставать и разминаться. Лошади то

Каменная хижина около Акъ-тама.

(Съ фотографіи автора).

и дѣло тыкались о насъ мордами, какъ-бы желая напомнить намъ, что мы забыли сегодня попотчивать ихъ изъ обычныхъ мѣшковъ съ кормомъ. Счастье еще, что ночной вѣтеръ не былъ особенно свѣжъ, и температура не превышала — 15.5°.

Въ 6 ч. утра, на зарѣ, мы встали, окочевѣлые, голодные, встѣзли на лошадей и съ часъ ѣхали къ югу, пока не напали на небольшое пожелтѣвшее и тощее пастбище; послѣднія пасшіяся на немъ стада барановъ выщипали траву не до чиста, и мы пустили на нее нашихъ лошадей. Онѣ ѣли часа два, а мы въ это время хорошо выспались, такъ какъ солнце уже начало пригрѣвать.

Затѣмъ мы продолжали путь къ югу и на дорогѣ отъ Рангъ-куля въ долину Алая встрѣтили киргиза. Своими соколиными глазами послѣдній высмотрѣлъ въ трехъ верстахъ разстоянія кучку верховыхъ и лошадей. Скоро мы съ Широмъ сидѣли между своими, согрѣвая и подкрѣпляя наши окоченѣвшіе члены горячимъ чаемъ, консервами и бараниной. Лошади тоже получили свой давно желанный кормъ.

14 марта. Отъ Кара-куля мѣстность медленно повышается къ югу, и скоро попадаешь въ широкую долину, идущую между двумя расположенными по меридіану горными цѣпами, слегка покрытыми снѣгомъ. Дальше, въ глубинѣ долины снѣгъ становится обыкновенно глубже, хотя въ общемъ глубина его не превышаетъ 1 дюйма. Надъ горами стоятъ шапкой облака; остальной горизонтъ чистъ. Около полудня поднялся порывистый, мучительный вѣтеръ. Мы ѣхали почти пять часовъ на SSW до того мѣста, гдѣ долина развѣтвляется. Тамъ мы свернули влѣво, т. е. къ SSO. Здѣсь на пути попалась намъ могила киргизскаго святого Оксалы-мазаръ; на большомъ холмѣ возвышалась куча камней, украшенная тугами и рогами.

Затѣмъ передъ нами открылась долина Мусъ-колъ, съ подъемомъ къ перевалу Акъ-байталъ. Снѣгу тутъ было мало, а почва вся усеяна продуктами вывѣтриванія.

Вечеромъ я былъ очень любезно встрѣченъ на привалѣ четырьмя одѣтыми въ почетные халаты киргизами, высланными съ Памирскаго поста. Они уже пять дней ждали меня тутъ съ кибиткой, бараниной и топливомъ и сообщили, что въ фортѣ были очень обезпкоены моимъ замедленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ сугробы въ долинѣ Алая основательно задержали насъ.

„Мусъ-колъ“ означаетъ „ледяная долина“, а „Суокъ-Чубырь“ (такъ называлось мѣсто нашего привала) означаетъ, вѣроятно, „холодная Сибирь“, такъ какъ на тюркскомъ нарѣчій эта страна обыкновенно зовется „Чубырь“. Если послѣднее истолкованіе вѣрно, то по справедливости можно сказать, что оба прозвища очень мѣткі, такъ какъ область эта отличается рѣзкими зимними холодами, и кромѣ того въ долинѣ наблюдается особенное явленіе, которое я сейчасъ опишу.

Рѣка Мусъ-колъ питается главнымъ образомъ ключами,

которые, замерзая зимою, покрываютъ все дно долины похожими на замерзшія горныя озера, обширными, блестящими, какъ зеркала, ледяными полями, въ которыхъ ясно отражаются небо и горы. Самое большое изъ нихъ имѣетъ 3 килом. въ длину и 1 килом. въ ширину, и часть его льда не таетъ и лѣтомъ. Мы проѣхали на середину его, чтобы измѣрить толщину льда. Вслѣдствіе давленія съ боковъ и напора воды снизу образуются длинные, часто въ метръ вышиною бугры съ трещинами наверху.

Съ помощью топоровъ и кирокъ мы прорубили одинъ такой бугоръ. Толщина самого льда оказалась всего 28 сантим. Затѣмъ слѣдовало пустое пространство въ 24 сантим., доходившее до воды, глубина которой до песчаного дна долины равнялась въ свою очередь почти 1 метру. Вода была прозрачна, какъ хрусталь, свѣтлозеленаго цвѣта; температура ея равнялась — 0.2°. Когда мы заглянули въ отверстіе, то увидѣли идущій въ обѣ стороны какъ-бы длинный туннель надъ тихой ясной поверхностью воды, а также нижнюю поверхность ледяного свода, одѣтаго ледяными цвѣтами, иглами и кристаллами. Все это отливало чудеснѣйшими голубыми и зелеными тонами.

Всѣхъ ледяныхъ озеръ было три, и на берегу самаго маленькаго изъ нихъ, гдѣ былъ разбитъ нашъ бивуакъ, возвышались два типичныхъ „ледяныхъ вулкана“. Изъ ровной горизонтальной почвы бьютъ здѣсь два ключа; поздней осенью вода, разливающаяся кругомъ, замерзаетъ, но самые ключи все бьютъ и мало по малу образуются высокіе ледяные конусы на разстояніи метровъ 50 другъ отъ друга. Одинъ имѣлъ 5 м. высоты и 68 м. въ окружности; другой 8 м. высоты и 206 м. въ окружности. Отъ жерла маленькаго вулкана шли четыре глубокия трещины, теперь наполовину наполненные льдомъ. Самый конусъ былъ изъ свѣтлозеленаго льда, въ которомъ можно было различить многочисленныя слои, образовывавшіеся по мѣрѣ застыванія воды. Жерло было также затянато бѣлымъ, пористымъ льдомъ, и текущей воды такимъ образомъ не было замѣтно. Итакъ это былъ „потухшій вулканъ“.

Большой вулканъ имѣлъ два конуса — одинъ надъ другимъ. Нижній былъ очень низокъ, уголъ паденія его склоновъ равнялся всего 5°, и состоялъ онъ изъ бѣлаго льда; верхній

имѣлъ куполообразную форму; уголъ его паденія равнялся 30° , въ діаметрѣ же онъ имѣлъ 20 м. и состоялъ изъ чистаго прозрач-

Киргизы у Тонгелекь-байгала.
(Изъ фотографій автора).

наго льда. Весь онъ былъ покрытъ сѣтью мелкихъ, перекрещивающихся трещинъ. Жерло его было также затянута льдомъ,

но вода нашла себѣ новый истокъ черезъ одну изъ боковыхъ трещинъ, гдѣ и имѣла температуру — 0.3° . Мои киргизы сообщили, что въ этихъ двухъ мѣстахъ каждый годъ вырастаютъ по два такихъ вулкана, которые, однако, таютъ раннею весной. Нынѣшнюю зиму они были больше обыкновеннаго. Вода, вытекающая изъ боковой трещины вулкана застываетъ, точно лава, едва достигаетъ берега ледяного острова.

Вокругъ насъ разстилалась настоящая ледяная область; къ сожалѣнію, туманъ и снѣгъ застлали видъ. Если глядѣть на западъ вдоль озера, можно вообразить, что стоишь у узкаго морского залива. Горизонтъ, окутанный туманомъ, представляется удаленнымъ безконечно. Направо и налево возвышаются горные хребты; изъ тумана выступаютъ только ближайшія ихъ окраины. Маленькія озера начинаютъ замерзать уже въ началѣ ноября, и только въ серединѣ іюня большая часть льда стаиваетъ, и вода стекаетъ тогда въ озеро Каракуль. Только въ одномъ изъ озеръ ледъ таетъ не весь. Почти каждый годъ въ немъ цѣлое лѣто остается на тѣневой сторонѣ ледяная глыба, а въ концѣ сентября вокругъ ея начинаютъ намерзать новые слои льда.

15 марта мы ѣхали по отлого поднимающейся долинѣ Мусь-коль до самаго конца ея, гдѣ сдѣлали привалъ у сѣвернаго подножья Акъ-байгала, а 16 перевалили черезъ него на высотѣ 4,682 метр., что стоило большихъ трудовъ и взяло десять часовъ времени. Поднялась вьюга и разыгрался небольшой буранъ, окутавшій насъ большими облаками снѣга. Больше-же всего затрудняетъ и истощаетъ силы лошадей до крайности высокое атмосферное давленіе. Онѣ безпрестанно падали, часто останавливались и судорожно втягивали въ себя воздухъ.

Перевалъ представляетъ какъ-бы сѣдло между двумя гребнями; около получаса по крайней мѣрѣ мы ѣхали по почти ровному полю, занесенному снѣгомъ глубиною въ 4—5 дюймовъ. На самой высшей точкѣ мы сдѣлали небольшой привалъ. Дулъ сильный югозападный вѣтеръ, и караванъ былъ какъ въ туманѣ изъ снѣжной пыли. Температура равнялась — 11° ; вода закипала при 84.61° .

Восточный спускъ съ перевала очень крутъ, но затѣмъ мѣстность опять отлого понижается до слѣдующаго привала

въ Корней-тарты. Мы потеряли еще одну изъ нашихъ изнуренныхъ лошадей, которая пала на Акъ-байталѣ. Одинъ киргизъ купилъ ея шкуру у караваннаго проводника Исламъ-бая за два рубля.

Корней-тарты узкая долина, бока и дно которой наполнены продуктами вывѣтриванія, щебнемъ, гальками и цѣлыми глыбами, между которыми извивается маленькій ручеекъ, покрытый теперь толстымъ льдомъ. На днѣ долины снѣгъ лежалъ сплошнымъ покровомъ, но въ горахъ онъ покрывалъ

Караванъ на перевалѣ Акъ-байталѣ.
(Съ фотографіи автора).

толстой пеленой только сѣверные склоны. Нигдѣ не было и слѣда растительности.

По такой мѣстности шли мы дальше на SO. и OSO; около Акъ-гура (бѣлая могила) передъ нами открылись упирающіяся въ долину горы. Здѣсь встрѣтилъ меня высланный комендантомъ Памирскаго поста толмачъ, татаринъ Куль Маметьевъ, въ парадной одеждѣ, увѣшанный шестью медалями, и подалъ мнѣ письмо съ привѣтомъ отъ коменданта. Затѣмъ, мы направились къ Тонгелекъ-батыку (круглая котловидная долина), гдѣ долина Рангъ-куля упирается въ долину Акъ-байтала.

18 марта намъ оставалось только пройти нижнюю часть

послѣдней, которая впадаетъ въ широкую долину Мургаба, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній конецъ пути до нашей ближайшей цѣли. Въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣлось небольшое русское укрѣпленіе; на сѣверозападной башнѣ развивался русскій флагъ „на крышѣ міра“. Мы приблизились; 160 солдатъ и казаковъ выстроились на стѣнѣ и привѣтствовали насъ громкимъ ура. Около воротъ меня сердечно встрѣтилъ комендантъ, капитанъ Зайцевъ съ шестью офицерами. Для меня еще съ недѣлю тому назадъ была приготовлена комната въ офицерскомъ флигелѣ, а для моихъ людей кибитка.

Приведя свой багажъ въ порядокъ, я побывалъ въ прекрасной банѣ, а затѣмъ мы все сошлись къ обѣду въ офицерскомъ собраніи. Я передалъ поклоны изъ Маргелана, меня осыпали тысячею вопросовъ о полномъ приключеніи зимнемъ странствіи на Памиръ, потомъ было подано горячащее туркестанское вино, и комендантъ торжественно провозгласилъ тостъ за короля Оскара. И, если гдѣ былъ выпить отъ души благодарственный бокалъ, и гдѣ либо радость была такъ черезъ край, такъ это именно здѣсь на „крышѣ міра“, на высотѣ 3,610 метр., вдали отъ шумнаго свѣта, въ сердцѣ Азіи, въ области, гдѣ ближайшими нашими сосѣдями были обитатели скалъ архары, степные волки, да горные королевскіе орлы!

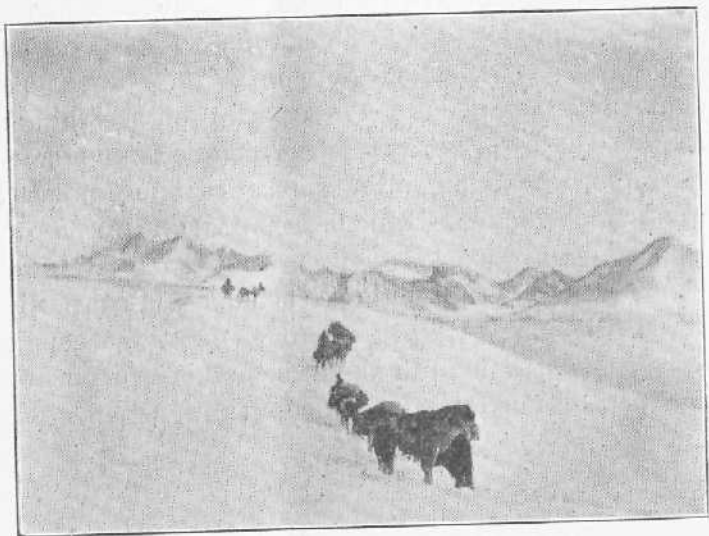
VII.

Народонаселеніе. — Географическій обзоръ. — Памирскій постъ.

Изъ предыдущаго читатель знаетъ, что ведшій насъ на Памиръ путь, шелъ большею частью по необитаемымъ областямъ. Въ русскомъ Памирѣ въ октябрѣ 1893 г. было только 1,232 жителя, между тѣмъ какъ долины Алая и Сары-кола заселены сравнительно гораздо гуще. Въ административномъ отношеніи долина Алая распадается на двѣ половины; западная принадлежитъ къ Маргеланскому уѣзду, восточная къ Опскому. Если свѣдѣнія, полученные мною отъ живущихъ

здѣсь киргизскихъ старшинъ, и не безусловно достовѣрны, то все-же не могутъ быть особенно далеки отъ истины и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ быть приведенными.

Въ долині Алая, говорятъ, разбросано 15 кышлаковъ, или зимнихъ поселковъ, въ которыхъ насчитывается 270 кибитокъ. Владѣльцы ихъ или остаются въ кышлакахъ цѣлый годъ, или проводятъ нѣкоторое время на плато. Распределены эти 270 кибитокъ, по словамъ киргизовъ, слѣдующимъ образомъ: въ Дараутъ-курганѣ 20, Кокъ-су 120, Кызыль-ункурѣ 50, Алтынъ-дере 5, Тусъ-дере 45, Кашка-су 20 и Джиптыкѣ 10.

Караванъ въ долині Алая.
(Съ фотографіи автора).

Въ этнологическомъ отношеніи населеніе, говорятъ, подраздѣляется такъ: въ Дараутъ-курганѣ, Алтынъ-дере и Тусъ-дере живутъ *теитъ*-киргизы; въ Кашка-су *теитъ* и *чалъ-теитъ*-киргизы; въ Джиптыкѣ *тjоj*-киргизы; въ Кокъ-су *найманъ*-киргизы и въ Каратегинѣ *кипчакъ*, *найманъ*- и *кара-теитъ*-киргизы.

Значительная часть алайскихъ киргизовъ доходитъ зимою до Рангъ-куля, чтобы пасты тамъ свои стада на поросшихъ густою травою безсѣжныхъ степяхъ. Часть киргизовъ зимуетъ, какъ мы это видѣли изъ предыдущаго, въ долині Алая.

Въ концѣ мая, или въ началѣ іюня, когда снѣгъ смѣняется густой сочной травой, въ долину Алая являются богатые и

Въ кругу офицеровъ Памирскаго поста.)
(Съ фотографіи автора).

просто зажиточные киргизы, чтобы разбить свои лѣтнія кибитки на берегахъ Кызыль-су. Здѣсь они устраиваютъ свои «байги» или игрища, приглашаютъ другъ друга въ гости,

празднуютъ свадьбы, словомъ, проводятъ лѣто въ свое удовольствіе. Большинство остается здѣсь только два мѣсяца, а по истеченіи трехъ въ лѣтнихъ поселкахъ не остается уже никого, — всѣ возвращаются въ зимніе кышлаки въ Фергану. Лѣтомъ въ Кашка-су бываетъ, примѣрно, до 150 кибитокъ.

Киргизы изъ Ошскаго и Андижанскаго уѣздовъ уходятъ лѣтомъ черезъ перевалы Талдыкъ и Джиптыкъ, киргизы изъ Маргеланскаго и Коканскаго уѣздовъ — черезъ Тенгисъ-бай. Такъ какъ Талдыкъ почти каждую зиму бываетъ загражденъ снѣгами, то въ это время года пользуются большей частью переваломъ Тенгисъ-бай. Таджики, которые теперь въ большомъ количествѣ прибываютъ въ Фергану искать заработковъ, всегда направляются черезъ Тенгисъ-бай и почти всегда пѣшкомъ. По самой долинѣ Алая проходитъ важный трактъ, соединяющій Восточный Туркестанъ и Каратегинъ, Бухару, Мекку и Медину, и въ теплое время года по этому тракту проѣзжаетъ и проходитъ множество купцовъ и паломниковъ.

Часть собственнаго Памира, принадлежащая Россіи, подраздѣляется на двѣ волости и семь эминствъ: I Памирская волость дѣлится на 5 эминствъ: 1) Кара-кульское (131 жит.), 2) Мургабское (253 жит.), 3) Рангъ-кульское (103 жит.), 4) Акъ-ташское (239 жит.) и 5) Аличурское (256 жит.); II Кударанская волость на эминства: 1) Сарезское (95 жит.) и 2) Кударанское (155 жит.). Памирская область населена исключительно киргизами; Кударанская главнымъ образомъ таджиками. По возрасту и полу населеніе русскаго Памира, равняющееся въ общемъ 1,232 чел., распредѣляется такъ: 320 мужч., 369 женщ., 342 мальч. и 201 дѣвоч. Всѣ они чистокровные теитъ-киргизы.

Статистическія свѣдѣнія эти собраны были въ октябрѣ 1893 г. капитаномъ Зайцевымъ. Предшественникъ его, капитанъ Кузнецовъ, предпринялъ въ октябрѣ 1892 года народную перепись, давшую слѣдующіе результаты: 255 мужч., 307 женщ., 299 мальч., 194 дѣвоч., итого 1,055 чел. Такимъ образомъ въ слѣдующемъ году приростъ населенія оказался въ 177 человекъ. Большую часть этого прироста надо отнести на счетъ переселенія въ русскій Памиръ киргизовъ изъ соседнихъ китайскихъ и афганскихъ областей, привлекаемыхъ

сюда тѣмъ, что подѣ мудрымъ и гуманнымъ управленіемъ русской администраціи живется куда легче.

Наиболѣе населенные зимніе кышлаки лежатъ около Рангъ-куля, Кошъ-агыла и Акъ-таша. Въ Аличурскомъ Памирѣ много ауловъ, и даже расположенная на югъ отъ Кара-куля долина Пшарта обитаема. На Мургабѣ, недалеко отъ укрѣпленія, расположенъ небольшой Мургабскій аулъ.

По вычисленіямъ капитана Кузнецова выходитъ, что вышеупомянутые 1,055 киргизовъ занимаютъ 227 кибитокъ и имѣютъ 20,580 головъ овецъ, 1,703 домашнихъ яковъ, 388 верблюда и 280 лошадей. Таджиковъ въ западномъ Памирѣ онъ насчитывалъ около 35,000 челов.

Восточный Памиръ, или та часть нагорья, которая простирается къ востоку отъ хребта Сары-коль, принадлежитъ Китаю, и относительно этой части, разумѣется, не существуетъ никакихъ достовѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній. Бекъ изъ Су-баши (къ югу отъ Малаго Кара-куля) сообщилъ мнѣ, что въ области около этого озера обитаютъ 300 теитъ-киргизовъ, имѣющихъ 60 кибитокъ. Самъ онъ былъ старшиною 286 кибитокъ, большинство которыхъ находилось, однако, къ востоку отъ Мустагъ-аты. Всѣ памирскіе киргизы зовутся своими ферганскими соплеменниками попросту сары-кольцами.

Приведенныя цифры показываютъ, насколько рѣдко населено Памирское плато, да и нельзя ожидать много отъ области, гдѣ свирѣпствуютъ холода и бураны и гдѣ пастбища рѣдки и тощи. Изъ двухъ „не имѣющихъ стока водъ“ областей Кара-кульской и Рангъ-кульской обитаема осѣдлыми киргизами только послѣдняя. Киргизы Кара-кульской области чистые кочевники. Кибитки ихъ были въ мое посѣщеніе разбросаны на югъ и югозападъ отъ озера, берега котораго оставались, напротивъ, совершенно необитаемыми. Весною, лѣтомъ и осенью пастбища вокругъ Кара-куля посѣщаются тѣми киргизами, которые направляются къ озеру Рангъ-куль, или оттуда. Къ зимѣ пастбища бываютъ совершенно объѣденными скотомъ, который пасется здѣсь поздней осенью.

Подобно тому, какъ Рихтгофенъ подраздѣляетъ весь азіатскій материкъ на три различныя области: *центральную*, не имѣющую стока водъ въ моря, *периферическую*, въ которой

воды стекаютъ по направленію къ берегамъ материка, и *переходною*, представляющую среднее между двумя вышеназванными, можно и на Памирскомъ нагорьѣ различить въ малыхъ масштабахъ подобныя-же области или зоны. Въ „центральной“ воды стекаютъ въ озера Кара-куль и Рангъ-куль, въ „периферической“ въ Аму-дарью (Аральское море) и въ Таримъ (Лобъ-норъ).

Неимѣющія стоковъ области прежде всего отличаются непрерывнымъ процессомъ нивелированья, происходящимъ въ ихъ границахъ и состоящимъ въ томъ, что всѣ продукты вывѣтриванья горныхъ породъ и ихъ механическихъ передвиженій переносятся съ окраинъ въ глубочайшія впадины поверхности, чтобы, отлагаясь тамъ, сгладить неровности почвы.

Хотя это общее правило находить подтвержденіе и въ области Кара-куля, мы находимъ здѣсь значительныя относительныя высоты: горы, расположенныя къ западу отъ озера, возвышаются надъ его уровнемъ почти на 1,200 метр.; самое-же озеро, лежащее на абсолютной высотѣ 4,000 метр. имѣетъ глубину до 230.5 метр., для соленого озера центрального азиатскаго бассейна необычайно значительную. Здѣсь нивелирующій процессъ еще не успѣлъ заполнить впадинъ. Дно озера, какъ я констатировалъ при промѣрѣ лотомъ, однако, все покрыто тонкимъ слоемъ ила.

Горныя цѣпи, окаймляющія не имѣющія стока области Кара-куля и Рангъ-куля, достигаютъ значительной высоты, и ведущіе черезъ нихъ перевалы представляютъ весьма неглубокія впадины въ гребняхъ. Переваль Кальта-даванъ имѣетъ высоту Монблана (4,810 м.), Кызыль-артъ 4,271 м., Акъ-байталъ 4,682 м. и Джагатай 4,730 м. Озеро Рангъ-куль отмѣчаетъ глубочайшую впадину области, имѣющую 3,731 м. абсолютной высоты. Площадь названныхъ переваловъ равняется только 5,500 кв. килом. или немного больше, нежели поверхность озера Иссыкъ-куль.

Хотя такимъ образомъ относительныя высоты и значительны, путешественникъ, направляющійся изъ Ферганской долины въ восточный Туркестанъ, не можетъ не замѣтить, что нагорье между Кызыль-артомъ къ сѣверу, Акъ-байталомъ къ югу и Джагатаемъ къ востоку имѣетъ совершенно иной ха-

рактерь, нежели область внѣ этихъ границъ. Здѣсь собственно нѣтъ нагорья, а плато, которое на сѣверѣ и на югѣ огра-

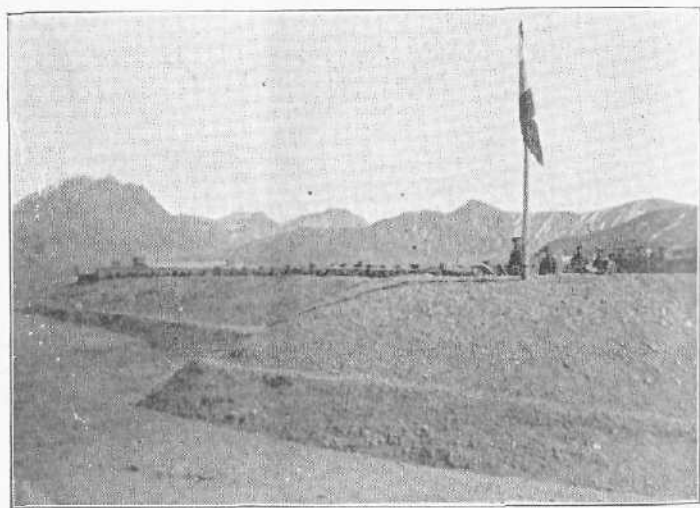

Группа, снятая во время пребыванія на Памирскомъ посту. Третья фигура слѣва татаринъ Куль Маметовъ, участвовавшій въ первомъ восхожденіи на Мустагъ-агу. (Съ фотографіи автора).

ничено поперечными горными хребтами, а на востокъ продольными. Путешественникъ, покинувъ богатый отрогами

Алайскій хребетъ и перерѣзавъ долину Алая, достигаетъ по отлогой долинѣ гребня Заалайскаго хребта съ переваломъ Кызыль-артъ, откуда открывается широкій видъ на плато съ его сравнительно отлогими склонами и округленными формами; горныя цѣпи здѣсь не имѣютъ какого-либо преобладающаго направленія, а просто нагромождены на вообще ровномъ полѣ плато.

Съ теченіемъ времени здѣсь накопились массы продуктовъ разложенія горныхъ породъ; повсюду виднѣются щебень и камни различной величины, а у подножія горъ образовались цѣлыя бугры изъ щебня. Словомъ, разложеніе здѣсь уже

Памирскій постъ. Сѣверная стѣна.
(Съ фотографіи автора).

далеко шагнуло, и только въ высшихъ поясахъ, гдѣ вѣтру полный просторъ, еще выступаютъ кое-гдѣ оголенные скалы.

Долины плато очень широки и отлоги, и дно ихъ часто кажется горизонтальнымъ; посреди нихъ весной и лѣтомъ струятся небольшія рѣчки, питаемая горными ключами и тающими снѣгами и впадающія въ Кара-куль и Рангъ-куль. Виды здѣсь часто попадаются очень величественные, но всегда безотрадны однообразные, особенно зимою. Ни одно живое существо не оживляетъ этихъ пустынныхъ картинъ; только съ помощью очень хорошаго бинокля можно открыть вдалекѣ мирно пасущіяся стада архаровъ или каменныхъ барановъ. Ни

гдѣ не видно ни людей, ни жилья человѣческаго; пастбища малочисленны и тощи; повсюду голая безжизненная почва, напоминающая поверхность луны.

Въ противоположность другимъ, не имѣющимъ стока водъ, бассейнамъ Центральной Азіи, область Кара-куля очень бѣдна пескомъ. Мельчайшіе продукты разложенія горныхъ породъ, безъ сомнѣнія, уносятся постоянными сильными вѣтрами и осѣдаютъ въ болѣе укромныхъ областяхъ. Песчаные и пыльные бураны, однако, не въ рѣдкость на Памирскомъ плато; они-то, вѣроятно, и создали названіе „Сары-каръ“ — желтый снѣгъ, посыпающій снѣжные сугробы пылью.

Вѣтры и рѣзкіе переходы въ температурѣ сильнѣйшіе факторы, способствующіе разложенію горныхъ породъ. На Кара-кульскомъ озерѣ я видѣлъ причудливо и красиво обточеныя вѣтромъ и пескомъ, часто глубоко выдутыя сіэнитовыя и сланцевыя глыбы. Переходы температуры здѣсь и зимой и лѣтомъ необычайно рѣзки; такъ на Памирскомъ посту наблюдалось 11 января 1894 г. въ 7 ч. утра — 37.8° , а въ 1 часъ пополудни $+12^{\circ}$ (на солнцѣ), т. е. на протяженіи всего 5 ч. разница въ 50° ! Инсоляція здѣсь невѣроятная, и даже въ такихъ случаяхъ, когда температура атмосферы выражалась въ градусахъ холода, инсоляціонный термометръ показывалъ 56 и 58° . Процессъ вывѣтриванья идетъ, такимъ образомъ, безостановочно вѣками, и здѣсь передъ нами типичная картина искаженія этимъ процессомъ земной поверхности.

Не имѣющая стока водъ область, какъ кольцомъ, охвачена переходной областью, ограниченной на сѣверѣ Алайскимъ хребтомъ, на востокѣ хребтомъ Сары-коль, на югѣ хребтомъ Гинду-ку, на западѣ 73° вост. д. Согласно Рихтгофену, подъ переходной областью надо разумѣть такую, которая въ позднѣйшее время вслѣдствіе процесса разложенія горныхъ породъ превращается изъ не имѣющей стока въ периферическую, или наоборотъ и еще въ сильной степени сохраняетъ свой прежній характеръ. На Памирѣ такая область мало отличается отъ центральной, и процессъ разложенія еще не уничтожилъ продуктовъ вывѣтриванья; формы земной поверхности здѣсь округленныя и долины широкія.

Такимъ образомъ периферическая область расширяется за счетъ центральной. На юго-западѣ, напримѣръ, рѣка Кокуй-

бель простираетъ свои щупальцы, не достигая всего на 10 килом. рѣки Мусъ-коль, впадающей въ Кара-куль. Источники, питающіе Кокуй-бель, лежатъ чуть повыше поверхности озера, и рѣка, говоря языкомъ геологовъ, не нынче, завтра превратится въ стокъ для озера, которое черезъ это станетъ понемногу убывать и вмѣстѣ съ тѣмъ центральная область переходитъ въ периферическую.

Периферическая, благодаря процессу разложенія, потеряла свой прежній характеръ, свойственный плато, и отличается теперь болѣе сложнымъ развитіемъ рельефа. Формы ея поверхности становятся все рѣзче выступающими наружу, все болѣе дикими, относительныя высоты все увеличиваются, нагорье прорѣзывается глубокими ущельями и узкими долинами, гдѣ горный скелетъ является обнаженнымъ и гдѣ, на днѣ, пѣнятся между каменными глыбами глубокия, узенькія рѣчки.

Къ западу отъ границъ плато рѣки, питающія Аму-дарью, Мургабъ, Гунтъ и Пянджъ, во многихъ мѣстахъ низвергаются между вертикальными стѣнами скалъ, словно по узкимъ корридорамъ, гдѣ могутъ пробираться только бывалые таджики, жители этихъ областей. Есть такія мѣста, гдѣ они переходятъ по вбитымъ ими высоко надъ рѣкою въ трещины отвѣсныхъ скалъ жердямъ, переходятъ съ тяжелыми ношами съ обезьяньей увѣренностью и ловкостью, придерживаясь кое-гдѣ за выступы, углубленія и образованные самой природой карнизы.

Въ пограничныхъ съ Памиромъ областяхъ мы находимъ главныя соотвѣтственныя географическія черты. На сѣверѣ Кызыль-су течетъ между двумя параллельными хребтами Алайскимъ и Заалайскимъ; на востокѣ по долину Сары-коль между хребтами Мусъ-тагъ и Сары-коль, протекаютъ рѣки Гезъ и Яркендъ-дарья; на югѣ между хребтами Ваханъ и Гинду-ку течетъ Ваханъ-дарья, а на западѣ течетъ Пянджъ между менѣе значительными хребтами.

Долины, по которымъ протекаютъ эти рѣки, образуютъ съ точки зрѣнія живописности переходныя формы отъ расположенныхъ съ наружной стороны горныхъ хребтовъ, глубоко прорѣзанныхъ обильными водами рѣками, къ расположенному внутри этихъ горныхъ хребтовъ ровному плато. Хотя рѣки

Гезъ и Яркендъ-дарья, по Рихтгофену, принадлежатъ въ сущности къ громадной центральной азиатской области,

Таджики изъ Гюшана.
(Съ фотографіи автора).

область, которую онѣ видоизмѣняютъ и оживляютъ своими бурными водами, носитъ характеръ периферической области. Внутри рѣчной области р. Гезъ лежатъ четыре озера;

7,800 м. высоты и являющаяся въ то же время достойнымъ продолженіемъ мощныхъ хребтовъ: Гималайскаго, Кунь-луна, Кара-корума, Гинду-ку, собранныхъ на „крышѣ міра“. Гора эта представляетъ кульминаціонную точку идущаго по меридіану хребта, охватывающаго Памиръ съ востока и носящаго названіе „Мусъ-тагъ“ или „ледяныя горы“; имя Мустагъ-ата, т. е. „отецъ ледяныхъ горъ“ показываетъ ея превосходство передъ хребтомъ.

Это дѣйствительно знаменательное имя: какъ настоящій отецъ, вздымаетъ гора свою сѣдловласую макушку надъ головами дѣтей, хотя и они, какъ онъ, всѣ рослые великаны, одѣтые въ бѣло-снѣжные плащи и ледяныя брони. Словно гигантскій маякъ льетъ Мустагъ-ата свое серебряное сіяніе далеко на необозримое пространство песчанаго моря пустыни. Я много разъ видѣлъ ее издали, мѣсяцами бродилъ по ея склонамъ, притягиваемый ея чарами.

Что-же касается киргизовъ въ Су-баши, то они менѣе пессимистически относились къ подъему на Мустагъ-ату, нежели ихъ соплеменники на Памирѣ. Всѣ соглашались сопровождать меня и стараться до послѣдняго, но думали все-таки, что экспедиція не удастся. У охотниковъ, которымъ случалось заблудиться на большихъ высотахъ, начинала кружиться голова отъ „тяжелаго“ воздуха, и даже ловкіе и быстроногіе архары, когда ихъ загоняютъ къ отвѣснымъ ледянымъ стѣнамъ, отступаютъ назадъ. Даже у королевскихъ орловъ слабѣютъ крылья на такихъ высотахъ.

Поэтому мы снарядились, какъ въ настоящій походъ, рѣшившись во что-бы то ни стало одолѣть великана. Мы положили подстерегать минуту, т. е. благоприятной погоды, въ какомъ нибудь укромномъ мѣстечкѣ и тогда сразу взять его приступомъ. Рѣшено было разбить третій лагерь на возможно большей высотѣ, а оттуда уже производить рекогносцировки и наступленіе.

Въ продолжительныхъ, богатыхъ приключеніями путешествіяхъ часто, однако, бываетъ, что разныя препятствія и прерватности идутъ наперекоръ планамъ путешественника, сбиваютъ его на другіе пути, нежели по какимъ онъ рѣшилъ слѣдовать. Подобное пораженіе ожидало и меня на Мустагъ-атѣ. Моимъ намѣреніемъ было, если возможно, добраться до самой

вершины горы и изслѣдовать ея геологическое строеніе, ея ледяной покровъ и гигантскіе ледники, ползущіе по склонамъ съ быстротой маленькой часовой стрѣлки.

Вмѣсто того, чтобы осуществить этотъ планъ и насладиться сознаніемъ, что находишься превыше всѣхъ земныхъ царствъ и народовъ и попираешь ногами пять частей свѣта, имѣя надъ собой только нѣсколько вершинъ азіатскихъ горъ, я принужденъ былъ, ослабѣвшій и полуслѣпой вернуться въ болѣе теплыя области.

Утромъ 17 апрѣля около моей кибитки выстроился готовый выступить живописный горный караванъ. Состоялъ онъ изъ шести киргизовъ въ теплыхъ бараньихъ тулупахъ, съ посохами въ рукахъ, девяти большихъ черныхъ добродушныхъ яковъ и двухъ барановъ. Яки были навьючены необходимымъ провіантомъ, кирками, заступами, топорами, канатами, тулупами, кошмами и коврами, фотографическими аппаратами и проч. Хрупкіе приборы и бинокли везли въ сакъ-воляжахъ киргизы.

Остальные яки были подъ сѣдломъ. Мы усѣлись на нихъ, простились съ бекомъ Тогдасынъ и пустились въ дальній путь въ гору по направленію SSO. Управляютъ яками посредствомъ бичевки, продѣтой въ носовой хрящъ. Впрочемъ, якомъ немного накомандуешь; онъ большей частью изволитъ идти, какъ ему самому вздумается, уткнувъ носъ въ землю, и его хрюканье раздается точно шумъ отдаленной лѣсопильни.

Мы прошли первый ледникъ, отливавшій на склонѣ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ. У подножья его конечной морены лежала гигантская разбившаяся пополамъ гнейсовая глыба. Мѣсто это называется Кемпиръ-кышлакъ, или „бабій поселокъ“. Преданіе гласитъ, что когда ханъ Шугнанскій воевалъ съ киргизами, всѣ разбѣжались отсюда, кромѣ одной старухи, спрятавшейся здѣсь между двумя обломками глыбы.

Подъемъ очень крутъ; нигдѣ не видно твердыхъ, нетронутыхъ разложеніемъ скалъ; мѣстность вся усѣяна гнейсовыми обломками всѣхъ сортовъ и величинъ. Гора состоитъ почти исключительно изъ гнейса и кристаллическаго сланца. Выше въ продуктахъ разложенія горныхъ породъ я находилъ обломки чернаго порфира и сильно спрессованнаго блестящаго сланца; послѣдній находился также въ скалахъ, сложенныхъ

изъ твердыхъ, нетронутыхъ еще процессомъ вывѣтриванья горныхъ породъ, на высотѣ 5,000 м.

Къ вечеру мы достигли свободного отъ снѣга мѣстечка, въ защитѣ отъ вѣтра, на высотѣ 4,439 м. Такимъ образомъ мы поднялись отъ Су-баши, расположеннаго на высотѣ 3,756 м., почти на 700 м. Здѣсь мы сдѣлали привалъ и разбили свой простой бивуакъ. Изъ кошмъ и ковровъ, альпійскихъ палокъ и веревокъ киргизы соорудили родъ ширмы, защитившей насъ отъ южнаго вѣтра. Зарѣзавъ одного изъ барановъ, киргизы произнесли молитву: „Аллаху экберъ, бисмиллахъ эр-рахманъ эррахманъ!“ и мясо еще не успѣло остыть, какъ уже было брошено въ котелъ со снѣговой водой, кишѣвшей надъ костромъ изъ сухого помета.

Вечеромъ подошелъ киргизъ съ еще двумя яками, нагруженными терескеномъ. Развели чудесный огонь, вокругъ котораго мы и усѣлись трапезовать. Живое пламя прыгало и металось туда и сюда, словно легкомысленная танцовщица, цѣлуя окружающихъ и обжигая бороду какого нибудь зазѣвавшагося замерзшаго киргиза, подавая тѣмъ поводъ къ общему веселью. Изъ-за Мустагъ-аты выплылъ мѣсяцъ, окруженный сияющимъ вѣничкомъ; огонь мало по малу потухъ и мы спокойно заснули подъ открытымъ небомъ на горѣ Хазретъ-и-Муза.

На слѣдующій день 18 апрѣля погода была неблагоприятная, холодная, вѣтряная, небо все въ тучахъ, но мы все-таки рѣшили сдѣлать попытку. Взято было лишь три яка, такъ какъ киргизы захотѣли лучше идти пѣшкомъ. По крутымъ извилистымъ тропинкамъ стали мы взбираться по склонамъ становившимся все круче. Яки подвигаются съ удивительной увѣренностью, но зато часто отдыхаютъ. Когда тучи временами рѣдѣли, глазамъ открывались чудныя картины. Долина Сары-коль развертывалась внизу, какъ на ладони; на сѣверѣ виднѣлись Малый Кара-куль и Булюнь-куль, на югозападѣ горные хребты Мургаба, и глубоко внизу подъ нами на западѣ могила батыря Чумъ-кара-кашки; изъ долины она кажется лежащею на большой горѣ; отсюда-же послѣдняя смотрѣла ничтожнымъ холмомъ.

Дойдя до ущелья ледника Ямбулакъ, мы остановились. Находились мы на высотѣ 4,850 м., т. е. выше всѣхъ евро-

пейскихъ горъ. Съ королевскимъ величіемъ выступаетъ ледникъ изъ воротъ своего дворца—глубокаго и широкаго ущелья. Выйдя изъ горъ на открытое мѣсто, онъ становится втрое, вчетверо шире, зато во столько-же разъ тоньше. Старыя и новыя конечныя морены, боковыя и береговыя, ледниковыя дожа — всѣ видны отсюда съ высоты птичьего полета.

На высотѣ 5,336 м. насъ застигъ буранъ, да такой жестокой, что нѣсколько часовъ пришлось не двигаться съ мѣста, пока, наконецъ, мы рѣшились съ величайшей осторожностью повернуть назадъ по свѣжимъ сугробамъ, скрывавшимъ предательскія ямы и каменные глыбы. Въ два часа термометръ показывалъ — 4.5°.

Когда мы послѣ многихъ мытарствъ и приключеній вернулись въ нашъ лагерь, мы нашли тамъ кибитку, любезно доставленную мнѣ бекомъ Тогдасыномъ вмѣстѣ съ провіантомъ и топливомъ.

19 апрѣля буранъ разразился и на высотѣ, гдѣ былъ разбитъ лагерь. Ясно было, что хорошей погоды придется ждать долго, и я послалъ Куль Маметыева въ долину запасти продовольствіемъ на нѣсколько дней. Самъ-же я предпринялъ экскурсію съ Исламъ-баемъ и двумя киргизами. Остальные, у которыхъ сдѣлалась наканунѣ сильная головная боль и тошнота — остались.

Эккурсія вышла въ высшей степени интересной и поучительной; дошли мы до мыса ледника Ямбулака; была снята точная топографическая карта, сдѣланы разрѣзы и измѣренія, а также снято съ десятокъ фотографій. Вооружившись веревками, топорами и пестами мы двинулись по леднику и прошли отъ края 320 м.; тутъ насъ остановила трещина въ 18 м. глубины. Если судить по выпуклостямъ льда по близости, доходившимъ до 30 м. высоты, ледникъ долженъ былъ имѣть въ этомъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ 50 м. толщины. Во время этого опаснаго странствія по льдамъ, намъ часто приходилось перепрыгивать черезъ зіяющія трещины, причѣмъ принимались разумѣется, всевозможныя мѣры предосторожности.

Вечеромъ былъ составленъ планъ подняться на другой день съ кибиткой на южный склонъ горы и отсюда сдѣлать новую попытку. Тутъ, словно по мановенію злого духа у меня

началось воспаленіе глазъ, которымъ я страдалъ прежде, сопровождающееся сильной болью. Всѣ аптечныя средства были испробованы тщетно, и на слѣдующій день боль такъ усилилась, что мнѣ пришлось оставить своихъ и вернуться въ Су-баши. Грандіозный планъ разрушился, съ такимъ трудомъ организованная экспедиція не удалась. Я рассчитался съ киргизами, и Мустагъ-ата, вся залитая теперь солнечнымъ блескомъ и представлявшая чудное зрѣлище — для тѣхъ, кто не страдалъ глазами, — была оставлена на этотъ разъ въ покоѣ.

Такъ какъ болѣзнь глазъ, не смотря на отдыхъ и тепло, все продолжала ухудшаться, то я дня черезъ два счелъ за лучшее отправиться въ Булюнь-куль, гдѣ осталась половина моихъ вещей, двое людей и шесть лошадей. При отъѣздѣ жители аула и даже нѣкоторые изъ китайскихъ солдатъ распростились со мной истинно сердечнымъ образомъ. Все населеніе аула собралось на проводы и держало себя, точно на похоронахъ, тихо и молчаливо. Черезъ часъ насъ нагнала по дорогѣ кучка солдатъ; служба помѣшала имъ проститься съ нами, и они теперь явились пожелать намъ счастливаго пути. Они провожали насъ добрыхъ полчаса, распѣвая въ нашу честь заунывныя пѣсни; въ общемъ похоже было, какъ будто караванъ нашъ — погребальное шествіе, пѣсенники эти — плакальщицы, а я самъ — покойникъ.

Да, печально было наше шествіе въ это утро 25 апрѣля. Я напринимался салицила и морфина и чувствовалъ себя и глухимъ и взбѣшеннымъ. На лѣвомъ глазу была плотная повязка, а на правомъ, еще здоровомъ, но страшно чувствительномъ къ свѣту, двойное темное стекло очковъ. Весь путь до Булюнь-куля мы сдѣлали все-таки въ одинъ пріемъ, проѣхавъ безостановочно десять часовъ. Около Кара-куля опять захватили насъ буранъ, который въ вечеру усилился, и, когда мы въ темнотѣ прибыли въ Булюнь-куль, вся мѣстность кругомъ опять была въ зимнемъ нарядѣ.

Джанъ-дарынъ теперь вернулся изъ Кашгара, и я тотчасъ послалъ къ нему гонца съ просьбой доставить мнѣ приличную кибитку, но гонецъ вернулся съ отвѣтомъ, что Джанъ-дарынъ пьянъ, и его нельзя тревожить. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, жалкой кибиткой, въ которую сквозь щели

проникалъ снѣгъ. Я рѣшилъ, впрочемъ, оставаться здѣсь еще нѣсколько дней, такъ какъ мнѣ становилось все хуже.

Но не тутъ-то было. 26-го около полудня явился посланный отъ Джанъ-дарына съ приказаніемъ удалиться изъ Булюнь-куля рано утромъ на другой-же день, — иначе мнѣ помогутъ убратъ его солдаты. Выбора не было, приходилось повиноваться. Спѣшу, впрочемъ, оговориться въ пользу китайцевъ, что неприятный этотъ случай былъ единственнымъ за все время моего путешествія по китайской территоріи. Тутъ мнѣ пришлось имѣть дѣло съ грубымъ неотесаннымъ мандариномъ, вполнѣдствіи же я узналъ китайцевъ съ совершенно другой стороны.

27 апрѣля я простился съ Куль Маметьевымъ, который вернулся на Памирскій постъ и позже былъ награжденъ медалью отъ короля Оскара.

Кромѣ того, за оказанные мнѣ услуги получили знаки отличія и многіе изъ офицеровъ укрѣпленія, такъ что неудивительно, если русскіе считали меня переодѣтымъ принцемъ.

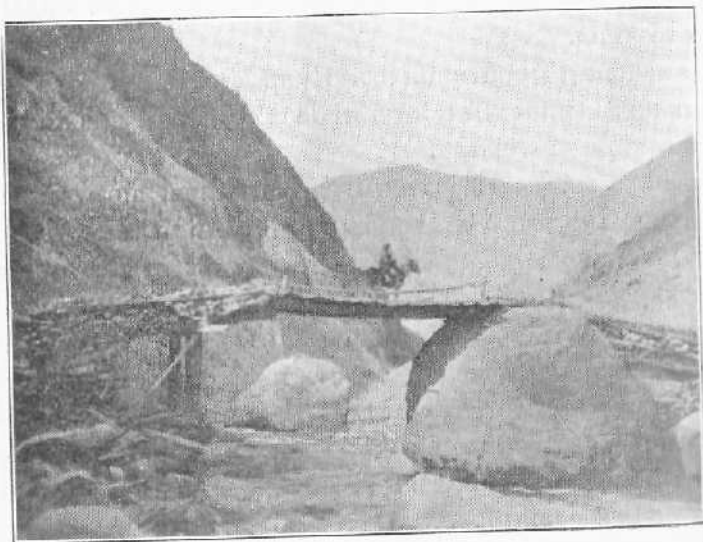
Около Тарбаши (начало узкаго прохода) мы свернули къ востоку по глубоко врѣзавшейся въ хребетъ Мусъ-тагъ долины Гезъ. Я поторопился провести по ней читателя, такъ какъ самъ не много-то видѣлъ кругомъ, — я почти все время ѣхалъ съ завязанными глазами. По крутымъ головоломнымъ тропинкамъ достигли мы во мракѣ и туманѣ Учъ-каппа („Три каменные хижины“), гдѣ провели ночь.

На слѣдующее утро предстоялъ трудный переходъ черезъ рѣку Гезъ. Она здѣсь очень быстра и глубока и протекаетъ вдоль стѣны скалъ по правой сторонѣ долины. Здѣсь тропинка круто подымается вверхъ и вьется по почти отвѣсной стѣнѣ скалы. По краю вбиты колья. Люди мои сначала предпочитали было переправу вбродъ черезъ рѣку, но послѣ того, какъ первыя лошади чуть не потеряли подъ ногами почву въ пѣнящихся, глубокихъ водахъ рѣки, рѣшили попытаться ѣхать по тропинкѣ. Медленно взбирались мы на крутой гребень скалы, пока двѣ лошади не устали и не отказались идти дальше.

Опять пришлось обратиться къ рѣкѣ, которую, наконецъ, съ большимъ трудомъ и перешли, принявъ всѣ мѣры предосторожности. Ящики мои перевозили только на лучшихъ лошадяхъ, что очень и задержало насъ, такъ какъ много времени ушло на

перегрузку. Каждую лошадь сопровождали двое верховыхъ, чтобы помочь ей въ случаѣ, если ее опрокинетъ теченіемъ. Крайне жутко въѣзжать съ лошадыю въ пѣнящуюся бурлящую рѣку, въ которой не видно дна, такъ что не знаешь, чѣмъ оно покрыто, щебнемъ или гальками, не знаешь мелка рѣка, или глубока. И надо строго держаться брода, если не хочешь выкупаться, что далеко не безопасно, если сидишь съ ногами въ стременахъ, а рѣка неподалеку оттуда круто низвергается, образуя водопадъ въ тѣнинахъ скалъ.

Послѣ того мы не разъ переправлялись черезъ рѣку, то

Мостъ черезъ рѣку Гезъ.

(Съ фотографіи автора).

вбродъ, то по болѣе или менѣе шаткимъ мостикамъ. Особенно живописенъ былъ одинъ. Передней частью онъ опирался на лежащую въ руслѣ громадную округленную глыбу. Долина спускается очень круто, и рѣка образуетъ непрерывныя водопады. Узкій проходъ между стѣнами скалъ, гдѣ звуки будятъ громко эхо, былъ наполненъ туманомъ, закрывавшимъ горизонтъ. Дорога, до крайности каменистая и бугристая, все время идетъ между высоко вздымающимися стѣнами конгломерата. Круглыя гнейсовые глыбы иногда такъ далеко высовываются изъ стѣнъ, что того и гляди оторвутся и сокрушатъ тебя. Куда легче дышется, когда пройдешь такое мѣсто.

Температура совсѣмъ измѣнилась, и мы только теперь замѣтили, что уже весна. Минимальная температура ночью равнялась -0.1° ; по мѣрѣ же нашего углубленія въ долину становилось все теплѣе: около полудня было $+8^{\circ}$; въ два часа дня $+11.6^{\circ}$; въ 3 ч. $+13^{\circ}$; въ 4 ч. $+14.5^{\circ}$ и въ 8 час. $+15^{\circ}$. Мы остановились около Купрукъ-караула, гдѣ минимальный термометръ показалъ въ ночь на 29 апрѣля $+4^{\circ}$.

Мѣстность эта пользуется дурной славой, какъ пристанище китайскихъ и кашгарскихъ разбойничьихъ шаекъ. Поэтому ночному караулу приказано было глядѣть въ оба за вещами и лошадьми. Люди посоветовали мнѣ держать оружіе на готовѣ. Но о разбойникахъ не было ни слуху, ни духу, и ночь прошла такъ-же спокойно, какъ и всѣ предыдущія.

На слѣдующій день опять предстояла тяжелая переправа черезъ рѣку. Одна изъ вьючныхъ лошадей, на которой кромѣ того ѣхалъ сартъ Ходжа, чуть не захлебнулась. Всѣ бросились въ воду, кто раздѣтый, кто въ одеждѣ, и съ большимъ трудомъ спасли животное и вещи. Ходжа принялъ невольную ванну, съ головой уйдя подъ воду.

Это была не послѣдняя переправа; много разъ еще переходили мы рѣку то вбродъ, то по довольно таки опаснымъ мостамъ; долина понемногу расширилась, и показался лѣсокъ. Около полудня температура равнялась $+19^{\circ}$. Мы приближались къ болѣе низменнымъ областямъ съ болѣе мягкимъ климатомъ. Желтоватый густой туманъ стоялъ между стѣнами горъ, и такъ какъ вдобавокъ глаза у меня все болѣли, то я и не много видѣлъ изъ живописныхъ мѣстностей кругомъ.

30 апрѣля сдѣланъ былъ послѣдній переходъ по горамъ, которыя еще съ утра пошли ниже, потомъ смѣнились холмами, стали развѣтвляться и, наконецъ, исчезли въ туманѣ. Мѣстность становилась все ровнѣе, показались поросшія травой поля, и лошади забыли всякую дисциплину. Вѣдныя животныя, прошедшія на Памирѣ черезъ настоящее леченіе голодомъ, не могли удержаться, чтобы не щипать мимоходомъ аппетитную траву.

Перейдя черезъ три небольшіе моста, мы оставили долину Гезъ далеко влѣво. Послѣдній мостъ былъ очень опасенъ, и мы чуть не лишились тамъ одной лошади, которая застряла ногами между перекладинами. Лошадь развьючили и соединен-

ными силами высвободили. Затѣмъ люди исправили мостъ, заткнувъ дыры комками земли.

Около Ташъ-мелька (собственно Ташъ-балыка, т. е. „каменной рыбы“) находится небольшая китайская крѣпость, комендантъ которой задержалъ насъ просмотромъ паспортовъ. Последнюю ночь мы провели въ городкѣ Тарымъ (земледѣліе) и вечеромъ 1 мая прибыли въ Кашгаръ, гдѣ я нашелъ сердечный пріемъ у моего стараго друга консула Петровскаго и его секретаря Люча.

IX.

Воспоминанія о Кашгарѣ.

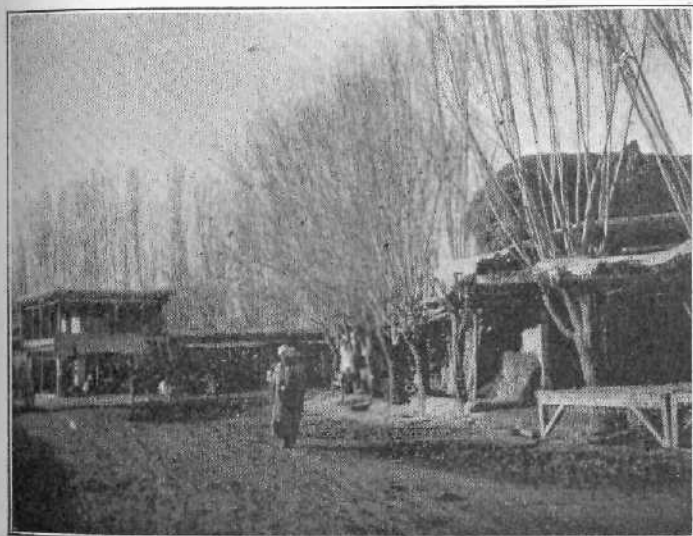
Въ Кашгарѣ я пробылъ 50 дней, дожидаясь, пока поправятся мои глаза, и работалъ: приводя въ порядокъ мои наблюденія и разрабатывая набросанные мною карты. Пребываніе въ гостеприимномъ домѣ консула являлось для меня пріятнымъ и необходимымъ отдыхомъ, — всѣ услуги цивилизаціи были тутъ въ моемъ распоряженіи.

Консулъ Петровскій — одинъ изъ милѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей въ свѣтѣ; бесѣда съ нимъ доставляла мнѣ столько-же пользы, сколько удовольствія, такъ какъ онъ чловѣкъ науки въ полномъ смыслѣ слова, и сдѣланныя имъ въ окрестностяхъ Кашгара открытія, которыя онъ собирается опубликовать, имѣютъ большое значеніе для археологіи и исторіи. Въ библиотекѣ его собраны всѣ лучшіе труды по описанію Центральной Азіи; рабочая комната его похожа на физическій кабинетъ, обладающій самыми дорогими приборами. Лучшей, нежели этотъ домъ, точки опоры для путешественника по внутренней Азіи, нельзя было-бы и представить себѣ.

Такъ какъ я въ своей первой книгѣ „По Хоррасану и Туркестану“ подробно описалъ и Кашгаръ и его ближайшія окрестности, то не буду тратить здѣсь времени и мѣста на описаніе этого западнѣйшаго изъ китайскихъ городовъ, расположеннаго на западномъ берегу Кызыль-су и представляющаго все такой-же сѣрый и пустынный видъ. Скажу только нѣсколько словъ объ европейцахъ и китайцахъ, съ которыми мнѣ пришлось здѣсь столкнуться.

Начну съ персонала русскаго консульства, состоявшаго изъ самого консула Петровскаго, его супруги, секретаря, двухъ офицеровъ, таможеннаго чиновника и 50 казаковъ.

Кромѣ того, за столомъ консула ежедневно появлялось еще одно лицо, Адамъ Игнатьевичъ, полякъ, прибывшій въ Кашгаръ десять лѣтъ тому назадъ въ качествѣ католическаго миссіонера. Это былъ видный старикъ, съ чисто выбритымъ лицомъ и бѣлоснѣжными волосами, носившій бѣлое одѣяніе, а на шеѣ четки съ крестомъ; въ общемъ онъ напоминалъ кардинала на покоѣ. Мы часто подшучивали надъ нимъ за сто-

Базаръ въ среднеазиатскомъ городѣ.

(Съ фотографіи автора).

ломъ; но онъ на самые щекотливые вопросы отвѣчалъ добродушно-веселымъ смѣхомъ и гнался только за хорошимъ глоткомъ водочки.

Никто кромѣ него самого и не вѣрилъ въ его миссіонерство, — за всѣ десять лѣтъ онъ не обратилъ никого, да и не пытался обратить. Самъ онъ, впрочемъ, хвалился что обратилъ на смертномъ одрѣ одну сартскую старуху, но злые языки увѣрили, что старуха была уже мертва, когда онъ обращалъ ее. Въ эту зиму Адамъ Игнатьевичъ частенько захакивалъ ко мѣ, и мы коротали въ бесѣдѣ цѣлые вечера; иной

разъ, увлекаясь разказами изъ его полной удивительныхъ приключеній жизни, мы засиживались далеко за полночь.

Между прочимъ, онъ рассказывалъ, что во время польскаго возстанія помогалъ повѣсить одного русскаго священника, и за то былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ около тридцати лѣтъ. По рожденію онъ принадлежалъ къ польскому дворянскому роду Догвилло, но теперь доживалъ свой вѣкъ почти безъ средствъ, одинокимъ, всѣми забытымъ, заброшеннымъ, безъ друзей, безъ привязанностей, не имѣя никого, кто-бы поплакалъ на его могилѣ, когда онъ умретъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ и жизнерадостенъ. Мы сидѣли съ нимъ, болтая у камелька, словно двое отшельниковъ.

Точно такъ-же, какъ и Адамъ Игнатьевичъ, застрялъ въ Кашгарѣ мой старый другъ патеръ Гендрикъ, во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ замѣчательный. По рожденію голландецъ, онъ прожилъ въ Азіи двадцать пять лѣтъ, говорилъ на двадцати языкахъ, неукоснительно слѣдилъ за всѣми событіями міра и былъ вообще богато одареннымъ отъ природы и всесторонне образованнымъ человѣкомъ, составляя въ этомъ отношеніи прямой контрастъ съ Адамомъ Игнатьевичемъ; проживалъ онъ въ индусскомъ караванъ-сараѣ, въ какой-то тѣсной конурѣ безъ оконъ, въ крайней бѣдности, и, повидимому, давно забытый своими европейскими друзьями, такъ какъ почти не получалъ никакихъ писемъ.

Бесѣда-же съ нимъ доставляла большое удовольствіе; онъ бывалъ остроуменъ и веселъ, пѣлъ французскія пѣсни такъ-же хорошо, какъ латинскую обѣдню, и вообще являлся рѣдкимъ оригиналомъ; быстро шагая по мусульманскимъ базарамъ въ своемъ длинномъ одѣяніи, въ шляпѣ съ широкими полями, съ посохомъ въ рукахъ, съ длинной бородой и круглыми очками на носу, онъ напоминалъ монаха ордена Сѣрыхъ братьевъ. Одиночество было лозунгомъ и его жизни. Въ одиночествѣ аккуратно служилъ онъ обѣдню, на которой не присутствовало живой души, кромѣ него самого, одиноко сидѣлъ по вечерамъ съ книжкой у дверей своей конуры, не замѣчая шума и гама входящихъ и уходящихъ каравановъ, одинъ готовилъ себѣ необходимую пищу, на какую хватало его ничтожныхъ средствъ, одиноко бродилъ по улицамъ вечерами — вѣчно былъ одинокъ. Встрѣчи съ нимъ радовали меня,

и мы часто сиживали и философствовали съ нимъ вдвоемъ, — и тоже былъ одинокъ, какъ и онъ.

Третій миссіонеръ былъ крещеный магометанинъ, по имени Юганъ. Онъ изучалъ Коранъ въ Эрзерумѣ и взывалъ съ его минаретовъ: „Ла иллаха иль Алла, Мухаммедъ расуль Улла!“ (Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его). Потомъ онъ принялъ христіанство, два года посѣщалъ миссіонерскую школу въ Швециі, а теперь переводилъ на кашгарско-тюркское нарѣчіе библію и разыгрывалъ по вечерамъ на скрипкѣ шведскіе псалмы.

Таковы были здѣшніе представители религіи, символомъ которой является крестъ. Я жалѣлъ ихъ: всѣ старанія ихъ были тщетны, труды безплодны, жизнь пуста, тяжела и безцѣльна.

Въ первое мое посѣщеніе Кашгара около Рождества 1890 г. я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться здѣсь съ тремя любезными и симпатичными англичанами: капитаномъ Юнгусбондомъ и г. Мэкэртнеемъ. Первый уже возвратился въ Индію, но второй оставался еще въ Кашгарѣ и проживалъ въ расположенномъ около общественнаго сада, прекрасномъ комфортабельномъ домѣ, гдѣ онъ не разъ угощалъ насъ съ патеромъ Гендриксомъ чудесными, веселыми обѣдами. Мэкэртней, агентъ индійскаго правительства въ Китаѣ, человѣкъ прекрасно воспитанный и основательно образованный, бѣгло говорящій на всѣхъ главныхъ европейскихъ и восточныхъ языкахъ, особенно на китайскомъ. Занимаемое имъ положеніе далеко не соотвѣтствуетъ его способностямъ и знаніямъ; онъ могъ-бы быть полезнымъ своей странѣ и на болѣе выдающемся посту.

Теперь остается упомянуть о наиболѣе выдающихся китайцахъ, съ которыми я имѣлъ сношенія.

Во главѣ каждой изъ 19 провинцій Китая стоитъ губернаторъ, ближайшіе помощники котораго: вице-губернаторы, управляющій финансовой частью, начальникъ сѣдебнаго вѣдомства и „дао-тай“ *). Власть первыхъ четверыхъ простирается на всю провинцію, послѣдній-же имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи лишь извѣстную область. Такъ, напримѣръ, въ новой

*) „Столбъ закона“.

провинціи Силь-цзянь, которая охватываетъ весь Восточный Туркестанъ, Или, часть Джунгаріи и часть Гоби, есть много „дао-таевъ“ или „людей, показывающихъ правые пути“. Въ Урумчи, главномъ городѣ провинціи, свой дао-тай, въ Акъ-су—свой, въ Кашгарѣ свой и т. д.

Если такимъ образомъ районъ власти дао-тая и меньше, зато самая власть его во многихъ отношеніяхъ значительнѣе власти первыхъ названныхъ чиновниковъ: онъ какъ-бы контролируетъ ихъ и можетъ обжаловать ихъ дѣйствія. Поло-

Городскія ворота въ Кашгарѣ.

(Съ рисунка автора).

женіе, занимаемое имъ, живо напоминаетъ положеніе русскихъ провинціальныхъ прокуроровъ при Екатеринѣ II, которые, однако, имѣли право лишь протестовать противъ дѣйствій высшихъ чиновъ, тогда какъ китайскіе дао-таи иногда могутъ и распоряжаться.

Мой другъ Шань, дао-тай кашгарскій, управляетъ обширною областью, которая на сѣверовостокѣ граничитъ съ Акъ-су и, кромѣ самаго Кашгара, обнимаетъ еще Мараль-баши, Яркендъ, Хотанъ, Кэрію и Черченъ. Должность его

почти исключительно гражданскаго характера, но власть его простирается и на военную область: онъ платитъ жалованье солдатамъ и наблюдаетъ за интендантскимъ вѣдомствомъ. Сары-коль, или восточный Памиръ, чисто военная область съ временнымъ управленіемъ, организованнымъ приблизительно по образцу русскаго и афганскаго управленій на Памирѣ, носящихъ чисто военный характеръ. Дао-тай, однако, и въ Сары-колѣ пользуется извѣстнымъ вліяніемъ. Онъ даетъ совѣты и разныя свѣдѣнія, но не имѣетъ права распоряжаться.

Дао-тай Шань въ молодости былъ просто писцомъ у одного мандарина, но отличился въ первое возстаніе дунганъ и мало-по-малу, повышаясь въ чинахъ, достигъ нынѣшняго своего высокаго положенія. Онъ былъ поистинѣ человѣкомъ честнымъ и благороднымъ. По наружности онъ, конечно, не былъ Адонисомъ, зато его шафранно-желтая тѣлесная оболочка была обыкновенно облечена въ роскошное одѣяніе изъ голубого шелка, въ складкахъ котораго играли въ жмурки золотые драконы и карабкались по причудливо извивающимся гирляндамъ золотые львы. На его шелковой шапочкѣ торчалъ шарикъ, означавшій, что онъ былъ „дарынъ“ второго класса, а на шеѣ онъ носилъ длинную цѣпь изъ твердыхъ рѣзныхъ плодовыхъ косточекъ.

Одной изъ первыхъ моихъ обязанностей былъ, разумѣется, визитъ къ этому важному господину, который принялъ меня съ откровенной любезностью. Обиталъ онъ въ обширномъ „яменѣ“, гдѣ можно было запутаться въ лабиринтѣ четырехугольныхъ дворовъ, съ купами тутовыхъ деревьевъ посреди и деревянными верандами вокругъ; столбы, поддерживающіе веранды были украшены китайскими письменами, а стѣны живописью, изображавшею по большей части драконовъ и другихъ фантастическихъ звѣрей.

Дао-тай встрѣтилъ меня у первыхъ воротъ и, улыбаясь, повелъ въ пріемную залу, гдѣ мы усѣлись другъ противъ друга за маленькій четырехугольный деревянный столъ и при-нялись пить чай и курить изъ серебряныхъ трубокъ. У воротъ стояли на стражѣ солдаты съ длинными аллебардами. Важные чиновники съ тщательно заплетенными косами и желтыми фузіономіями, тоже съ шариками на черныхъ шелковыхъ

шапочкахъ, стояли, точно статуи, по стѣнамъ залы и во время рта не раскрывали. Чтобы не отстать отъ дао-таю, разряженнаго согласно своему достоинству, я облекся въ черную пару и явился въ сопровожденіи казаковъ на бѣломъ какъ снѣгъ, конѣ.

Битыхъ два часа длился разговоръ, являвшійся, собственно говоря, состязаніемъ въ искусствѣ говорить другъ другу любезности. Когда я на вопросъ хозяина, какъ понравился мнѣ его чай, отвѣтилъ единственнымъ китайскимъ словомъ, которое зналъ: „Хао“ (хорошо), онъ всплеснулъ руками и сказалъ: „Что за ученый человѣкъ нашъ гость! Зато когда онъ затѣмъ сообщилъ мнѣ, что воды Тарима, впадающаго въ Лобъ-норъ, черезъ нѣсколько тысячъ „ли“ снова выходятъ на свѣтъ Божій, чтобы образовать Хуанъ-хо, я отплатилъ ему восклицаніемъ: „Какъ ваше превосходительство учены; все знаете!“

Но пришлось ему выслушать и немножко правды. Я напрямикъ высказалъ ему свое удивленіе, что, несмотря на имѣющійся у меня китайскій паспортъ и рекомендательное письмо, я былъ такъ дурно принятъ въ первомъ-же китайскомъ пунктѣ, куда прибылъ, въ Булюнь-кулѣ, и прибавилъ, что буду жаловаться вышшимъ властямъ; фізіономія важнаго китаецца сразу омрачилась, и онъ сталъ упрашивать меня не подымать исторіи, обѣщаясь лично пробрать Джанъ-дарыня. Я обѣщалъ на этотъ разъ не жаловаться, чего, конечно, въ сущности, и не намѣревался дѣлать, а сказалъ это ради того лишь, чтобы поддержать свой престижъ: въ обхожденіи съ китаеццами вообще надо быть твердымъ и неуступчивымъ, иначе они-же надъ вами посмѣются.

Въ заключеніе онъ напомнилъ мнѣ, что въ Кашгарѣ два начальника: одинъ онъ, а другой русскій генеральный консулъ (о которомъ мусульмане говорятъ, что онъ истинный преемникъ хана Джагатая). Такъ какъ я по прибытіи поселился у второго, то теперь справедливость требовала, чтобы и оказалъ ту-же честь и ему, дао-таю. Но я только поблагодарилъ за такую честь.

На другой день дао-тай явился отдать мнѣ визитъ съ чисто азіатской пышностью и блескомъ. Сначала ѣхалъ герольдъ, и черезъ каждые пять минутъ билъ въ огромный

гонгонгъ, за нимъ ѣхали всадники, вооруженные копьями и кинжалами, которыми они и угощали каждого, кто не сторонился немедленно передъ такимъ важнымъ господиномъ. Самъ послѣдній ѣхалъ въ небольшомъ, крытомъ, на двухъ высокихъ колесахъ, экипажѣ съ тремя окнами; надъ впряженнымъ въ экипажъ муломъ возвышался, для защиты отъ солнца, укрѣпленный на оглобляхъ балдахинъ. Экипажъ окружали люди, несшіе огромные зонтики и желтые флаги съ черными письменами. Поѣздъ замыкали солдаты въ самыхъ фантастическихъ мундирахъ, ѣхавшіе на прекрасныхъ бѣлыхъ лошадяхъ.

Шанъ дао-тай Кашгарскій.

(Съ фотографіи автора)

Не могу покончить съ моими желтолицыми друзьями въ Кашгарѣ, не упомянувъ о китайскомъ обѣдѣ, котораго никогда не забуду. Я едва успѣлъ опомниться отъ такого обѣда у Шанъ-далоя (нѣчто вродѣ бургомистра), какъ былъ со всеѣмъ консульствомъ приглашенъ на парадный обѣдъ къ дао-таю.

Существуютъ рассказы о богѣ классической древности, похравшемъ собственнаго сына, о троллѣ Зохакѣ, который стѣбалъ въ день по парѣ человѣчьихъ мозговъ, объ африканскихъ дикаряхъ, приглашающихъ миссіонеровъ на обѣдъ, на которомъ гости сами попадаютъ въ котель, и о разныхъ обжорахъ, глотающихъ однимъ духомъ разбитыя бутылки,

раскрытые перочинные ножи и старые сапоги. Но что все это въ сравненіи съ китайскимъ обѣдомъ, за которымъ подають до 46 блюдъ изъ самыхъ удивительныхъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства, какіе только можно представить себѣ! Копченая ветчина въ сахарѣ не можетъ быть особенно вкусной, не говоря уже о многомъ другомъ.

Приглашеніе на обѣдъ — маленькая карточка, посылаемая китайцами гостямъ за день, за два, въ огромномъ конвертѣ; если гость принимаетъ приглашеніе, онъ оставляетъ карточку у себя, если нѣтъ, отсылаетъ ее обратно. Если къ обѣду звали въ 12 часовъ, то нельзя являться раньше 2-хъ, иначе застанешь весь домъ спящимъ и не найдешь ни гостей, ни поваровъ, ни обѣденнаго стола. Когда у хозяевъ все готово, другой слуга обходитъ гостей съ визитной карточкой хозяйна, являющейся въ данномъ случаѣ сигналомъ, означающимъ: „Ну, теперь можете потихоньку одѣваться“.

Наше шествіе вышло поистинѣ блестящимъ. Во главѣ ѣхалъ акакаль изъ проживающихъ въ Кашгарѣ русскихъ купцовъ-сартовъ изъ Западнаго Туркестана, сартъ, какъ и они, одѣтый въ красный бархатный халатъ; вся грудь была увѣшана русскими золотыми медалями. Затѣмъ ѣхалъ казакъ съ шелковымъ флагомъ консульства изъ красныхъ и бѣлыхъ полосъ съ маленькимъ косымъ крестомъ въ углу. За нимъ слѣдовали въ коляскѣ консулъ Петровскій и я въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и Адама Игнатьевича, въ его длинномъ бѣломъ балахонѣ, съ четками и крестомъ на шеѣ. Замыкали поѣздъ двѣнадцать казаковъ, одѣтыхъ въ бѣлые парадные мундиры и ѣхавшихъ на горячихъ коняхъ.

Такимъ торжественнымъ образомъ, разодѣтые въ парадныя одѣянія ѣхали мы потихоньку по солнцепеку по узкимъ и пыльнымъ улицамъ Кашгара, черезъ Регистанскій рынокъ, гдѣ сгучились сотни лавченковъ съ соломенными кровлями, подпертыми жердями, поставленными наискось, мимо мечетей, медресе, караванъ-сараявъ, и „толкучки“, гдѣ продавалось поношенное платье. Время отъ времени мы сталкивались съ караваномъ верблюдовъ или съ вереницей ословъ, несущихъ воду въ маленькихъ боченкахъ, и, наконецъ, очутились въ китайскомъ кварталѣ съ его оригинальными лавками, изогнутыми крышами, намалеванными драконами и красными афи-

шами. Мы въѣхали въ широкія ворота „ямена“ дао-тай, гдѣ стояли на вытяжку морщинистые, безбородые солдаты, и гдѣ встрѣтилъ насъ самъ хозяинъ.

Благодаря присутствію Адама Игнатьевича, разговоръ уже за закусочнымъ столомъ перешелъ на дѣятельность миссіонеровъ въ Китаѣ. Дао-тай сказалъ, что христіанскіе миссіонеры, простившіеся со всѣми удобствами цивилизаціи и ведущіе полную трудовъ и лишеній, далеко не завидную жизнь въ чужой странѣ, достойны всякаго уваженія. Но, — прибавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, — они только сѣютъ здѣсь рознь. Въ одномъ городѣ, напримѣръ, часть населенія перешла въ христіанство и во время китайскихъ религіозныхъ праздниковъ держится особнякомъ; остальная часть населенія смотритъ на нихъ, какъ на изменниковъ, и такимъ образомъ они становятся во враждебныя отношенія другъ къ другу. Въ одной семьѣ сынъ принялъ христіанство и возстаетъ противъ родителей, въ другой жена-христіанка вѣчно воюетъ съ мужемъ и т. п. Когда-же я напомнилъ дао-таю о недавнемъ убійствѣ двухъ шведскихъ миссіонеровъ въ Санпо, то онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто и не зналъ объ этомъ.

Потомъ хозяинъ провелъ насъ и своихъ китайскихъ гостей въ маленькій павильонъ въ саду, гдѣ долженъ былъ состояться обѣдъ. Этикетъ требуетъ, чтобы хозяинъ прежде, чѣмъ предложить гостямъ кубки, приложилъ ихъ ко лбу; съ такою-же церемоніею предлагаются и деревянные палочки, служація для ѣды за столомъ. Кромѣ того хозяинъ беретъ на каждый стулъ и трясетъ его, чтобы убѣдить гостей въ его прочности, а также проводитъ рукой по сидѣньямъ стульевъ, какъ-бы для того, чтобы смахнуть пыль. Когда все это было продѣлано, мы усѣлись вокругъ большого краснаго лакированного стола. Вошла вереница слугъ, каждый несъ фарфоровую мисочку съ какимъ нибудь блюдомъ. Мисочки дюжинами были разставлены на столѣ и по мѣрѣ опустошенія замѣнялись новыми. Передъ каждымъ гостемъ стояли кромѣ этого маленькія чашечки съ приностями и соусами.

Если гости не угощаются сами, хозяинъ собственноручно накладываетъ имъ своихъ любимыхъ блюдъ. Въ числѣ кушаний фигурировали чешуя, хрящи и плавники разныхъ морскихъ рыбъ, грибы, соленые ломтики ба-

раньяго сала, саламандры, ветчина въ различныхъ видахъ и множество диковинныхъ блюдъ, истинной сущности которыхъ я такъ и не узналъ и которыхъ не рѣшился отвѣдать по причинѣ ихъ подозрительнаго вида и сквернаго запаха. Финаломъ обѣда были китайскія конфекты, которыя запивались чаемъ и китайской водкой, крѣпкой и страшно горячей.

Большинство подававшихся блюдъ были приготовлены изъ продуктовъ Собственнаго Китая и потому страшно дорогихъ здѣсь въ пустыняхъ далекаго запада. Дао-тай, обыкновенный столъ котораго очень простъ, хотѣлъ, вѣроятно, принять насъ самымъ отминымъ образомъ. Но мы не оказали чести китайской кухнѣ.

Единственнымъ человѣкомъ, поддержавшимъ престижъ европейца, оказался Адамъ Игнатьевичъ, возбуждившій всеобщее удивленіе. Онъ добросовѣстно отвѣдалъ всѣхъ 46 блюдъ и выпилъ 17 чашекъ водки, этого питья, которое обжигало глотку—по крайней мѣрѣ мою, словно раскаленные желѣзные опилки въ сѣрной кислотѣ. Тѣмъ не менѣе къ концу трехчасоваго обѣда онъ смотрѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, точно сейчасъ только сѣлъ за столъ.

Я же вынесъ по отношенію къ китайскимъ обѣдамъ такое убѣжденіе, что нужно извѣстное время для того, чтобы привыкнуть къ этимъ необычнымъ блюдамъ. Въ концѣ концовъ и сталъ находить нѣкоторыя блюда вкусными и съ удовольствіемъ принималъ приглашенія. Самое тонкое блюдо—супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, которое, однако, въ этой отдаленной мѣстности появлялось очень рѣдко по своей дороговизнѣ.

На одной изъ стѣнъ павильона красовались какія-то черныя каракули, означавшія: „Пей и рассказывай пикантныя анекдоты!“ Но и безъ этого напоминанія настроеніе за обѣдомъ было самое веселое, и мы, навѣрно, то и дѣло самымъ неприличнымъ образомъ нарушали строгія постановленія китайскаго этикета, и дао-тай съ его туземными гостями должны были-бы блѣднѣть отъ негодованія, не будь они отъ рожденія желтыми, какъ вяленые лещи.

Во время обѣда, не переставая, игралъ оркестръ музыкантовъ-сартовъ; гремѣли барабаны, свистѣли флейты, пѣли пѣвцы, и подъ монотонную музыку плясало двое мальчиковъ, точно у насъ и безъ того не шумѣло въ головѣ.

Когда послѣднее блюдо съѣдено, гости, по требованіямъ этикета, должны немедленно выйти изъ-за стола, чему мы были по истинѣ очень рады, такъ какъ жаждали выкурить по сигарѣ и запить ледяной водой съ хересомъ этотъ диковинный обѣдъ.

Когда мы возвращались домой, на улицахъ и на рынкѣ было уже пустынно и тихо; кое гдѣ только попадались одинокіе пѣшеходы—какой нибудь дервишъ или прокаженный индѣецъ. Солнце сѣло за западнымъ краемъ Терекъ-давана, минутныя сумерки предупредили о наступленіи ночи, и востокъ снова заснулъ на своей собственной могилѣ.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю часы, проведенные мною въ обществѣ консула Петровскаго; какъ я уже говорилъ выше, онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ незаурядный, и я обязанъ ему большой благодарностью не только за его безграничное гостепримство, но и за многіе поданные имъ мнѣ добрые совѣты, обусловленные его богатою опытностью. Петровскій живетъ въ Кашгарѣ двѣнадцать лѣтъ и никто лучше его не знаетъ этой области. Можно было-бы думать, что пребываніе въ такой глуши равняется для такого образованнаго человѣка ссылке; ничуть не бывало! Онъ полюбилъ этотъ городъ за его неисчерпаемыя археологическія и историческія сокровища.

Еще одна черта дѣлала общество консула особенно приятнымъ,—его неизмѣнно хорошее, веселое расположеніе духа; ничто такъ не оживляетъ и не подбодряетъ, какъ встрѣча съ такими жизнерадостными людьми, видящими все въ свѣтлыхъ краскахъ, и вполне довольными своей судьбой. вмѣстѣ съ тѣмъ консулъ былъ философъ и критикъ и бичевалъ маленькія слабости свѣта съ ѣдкимъ остроуміемъ и ироніей, особенно, если дѣло касалось низкопоклонства и угодничанья. Ни одинъ человѣкъ изъ встрѣченныхъ мною во время моихъ странствій по свѣту не производилъ на меня такого незыблемо-глубокаго впечатлѣнія, какъ именно онъ, и ни съ кѣмъ также я не встрѣчался бы почаще такъ охотно, какъ съ нимъ.

Вообще пребываніе въ Кашгарѣ было для меня въ высшей степени приятнымъ. Я занималъ уютный павильонъ въ саду консула и послѣ завтрака бродилъ въ тѣни тутовыхъ деревьевъ и платановъ до терассѣ, съ которой виднѣлись пустынные

области, по которымъ я долженъ былъ скоро направиться на крайній востокъ. Нѣсколько ласточекъ, свившихъ гнѣзда подъ крышей, составляли мнѣ компанію и чувствовали себя здѣсь настолько дома, что то и дѣло влетали и улетали въ постоянно открытыя въ такое тепло окна и двери павильона.

Въ Троицынъ день меня разбудилъ въ моемъ павильонѣ серебряный звонъ церковнаго колокола, который наканунѣ былъ привезенъ изъ Нарынска для строящейся русской часовни. Въ этомъ павильонѣ я работалъ съ утра до вечера и написалъ нѣсколько статей. Словомъ, лучше мнѣ не могло житья нигдѣ. Вѣтеръ что-то шепталъ въ листьяхъ платановъ; я не понималъ, что онъ говорилъ, но иногда воображалъ себя, что онъ мнѣ приноситъ поклоны съ родины. Тогда я не подозрѣвалъ, что мнѣ оставалось еще три года тяжелаго странствованія по внутренней Азій.

Одиночества здѣсь мнѣ не приходилось испытывать, такъ какъ консульство, кромѣ постояннаго персонала, кипима кипѣло приходящими по дѣламъ сартами, китайцами и слугами магометанами. Кромѣ того къ живому населенію консульства принадлежали триста куръ, множество утокъ, гусей, индѣекъ, мартышка, четыре попугая и четырнадцать собакъ. Я былъ въ ладу со всѣми, исключая мартышки, благосклонности которой мнѣ не удавалось пріобрѣсти даже яблоками и грушами.

За эти семь недѣль, проведенныхъ въ Кашгарѣ, я не разъ имѣлъ съ консуломъ разговоръ о моихъ планахъ, о томъ, какъ-бы такъ устроиться, чтобы, сообразуясь съ временами года, сдѣлать мои путешествія наиболѣе успѣшными и плодотворными. Въ концѣ концовъ мы пришли къ выводу, что надо устроиться совершенно иначе, нежели я намѣтилъ первоначально. вмѣсто одной большой экспедиціи, мнѣ слѣдовало предпринять нѣсколько отдѣльныхъ, избравъ исходнымъ пунктомъ Кашгаръ и возвращаясь туда всякій разъ для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ, проявленія фотографическихъ снимковъ, отправки на родину коллекцій и приготовленій къ новому „походу“.

Цѣлью первой экспедиціи должно было явиться озеро Лобъ-норъ, куда меня особенно влекло, но въ началѣ іюня произошла быстрая перемена погоды, азіатское лѣто приближалось быстрыми шагами, солнце палило, словно гигантской

горнѣ, температура доходила до 38° въ тѣни (инсоляціонный термометръ показывалъ 66°), даже ночь не приносила прохлады, и каждый вечеръ прежняя столица Якубъ-бека завлаживалась удушливымъ туманомъ отъ палящей жары и насыщенныхъ песчаной пылью стенныхъ вѣтровъ. Чѣмъ дальше къ востоку, въ глубь Азій, и чѣмъ ближе къ серединѣ лѣта, тѣмъ сильнѣе должны были становиться жары.

Я съ ужасомъ думалъ о насыщенномъ пылью и пескомъ раскаленномъ воздухѣ, о смерчахъ на берегахъ Тарима и о 150 миляхъ тяжелаго долгаго пути черезъ безконечныя, безводныя пустыни. Мы только что испытали 40° мороза на Памирѣ и тѣмъ чувствительнѣе должна была отозваться на насъ жара. Поэтому въ самую послѣднюю минуту я принялъ рѣшеніе держаться лѣтомъ нагорныхъ областей и продолжать прерванныя работы въ Восточномъ Памирѣ, а зимою или весною пробраться къ Лобъ-нору.

Я оставилъ Кашгаръ 21 іюня вечеромъ. Караванъ состоялъ изъ 6 вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ продовольствіемъ, приборами, рабочими инструментами, халатами, матеріями, разноцвѣтными платками и остроконечными шапками для подарковъ киргизамъ, между которыми такія вещи служажь ходячей монетой; затѣмъ — постельными принадлежностями, зимними одѣянными, войлоками, оружіемъ и боевыми припасами. Для чтенія были взяты только нѣсколько научныхъ сочиненій, да номера за полугодіе одной шведской газеты, старой, какъ смертный грѣхъ, но тѣмъ не менѣе способной оживить и подбодрить читающаго, такъ какъ каждая строка навѣвала воспоминанія о Швеціи.

Сопровождали меня: евангелической миссіонеръ Іоганнъ, Целамъ-бай изъ Оша, замѣстившій уволеннаго Рехимъ-бая, таранча Даодъ изъ Кульджи, исполнявшій обязанности китайскаго толмача, и Экбаръ-ходжа, караванъ-баши изъ Ферганы, давшій намъ въ наемъ лошадей. Кромѣ того, каждый дневной переходъ насъ должны были сопровождать двое знающихъ дорогу киргизовъ; дао-тай въ любезности превзошелъ самого себя: кромѣ двухъ большихъ пестрыхъ рекомендательныхъ писемъ, которые онъ вручилъ мнѣ, онъ послалъ еще коменданту Сары-кола и Тагармы увѣдомленіе, что я равенъ по чину мандарину 2-го класса и поэтому со мной должно обходиться,

какъ съ таковымъ. Въ противоположность тому, что было въ первое мое посѣщеніе, китайцы вообще проявили на этотъ разъ сравнительно большую предупредительность.

Медленно двинулся нашъ маленькій караванъ подъ жгучими еще лучами заходящаго солнца между рядами ивъ и тополей по широкому шоссе, проложенному Якубъ-бекомъ. По случаю базарнаго дня на шоссе было большое движеніе; ѣхали въ своихъ маленькихъ голубыхъ повозкахъ, запряженныхъ мулами, увѣшанными бубенчиками и погремушками, мандарины разныхъ классовъ, гарцовали на коняхъ китайскіе офицеры и солдаты въ пестрыхъ мундирахъ, двигались въ большихъ, съ выпуклыми соломенными верхами, арбахъ, запряженныхъ четырьмя увѣшанными бубенчиками и колокольчиками лошадьми (изъ которыхъ одна была впряжена въ оглобли, а другія припряжены грубыми веревками впереди) цѣлыя компаніи сартовъ и китайцевъ, отправлявшихся въ Янги-гиссаръ или Яркендъ. Эти практическіе экипажи замѣняютъ въ Восточномъ Туркестанѣ дилижансы; за ничтожную плату 10 тенегъ (приблиз. 1 рубль) можно такимъ образомъ доѣхать до Яркенда, т. е. сдѣлать четырехдневный путь.

Караванъ слѣдовалъ за караваномъ; около придорожныхъ канавъ расположились калѣки нищіе всѣхъ сортовъ, водоносы со своими большими глиняными кувшинами, пекари и торговцы плодами, а въ мутной водѣ канавъ купались загорѣлые мальчишки. Мы проѣхали мимо ряда могилъ святыхъ, памятника Адольфу Шлагинтвейту, разрушеннаго наводненіемъ, развалинъ дворца (Даулетъ-багъ) Якубъ-бека, мимо Кызыль-су, текущей, словно красная глиняная каша, подъ двойнымъ мостомъ.

Китайскій городъ Янги-шаръ остался влѣво, и мы вступили въ пустынную и тихую мѣстность, которая простирается къ югу и востоку ровной полосой насколько хватаетъ глазъ. Стало темно, хоть глазъ выколи, и мы въ 9 ч. вечера остановились въ мѣстечкѣ Джигды-арыкъ, чтобы поужинать и дожидаться людей. Только въ 2 часа утра достигли мы Яичана, ближайшей цѣли нашего путешествія.

X.

Возвращеніе въ Китайскій Памиръ.

22 іюня температура была такъ высока (33.1° въ 1 ч. пополудни), что мы предпочли держаться въ тѣни; только къ вечеру стало чуть прохладнѣе, такъ что мы могли снова выступить въ путь. Вскорѣ насъ встрѣтилъ бекъ съ двумя спутниками, посланный янги-гиссарскимъ амбанемъ (правитель области), чтобы привѣтствовать меня въ его области, снабдить меня продовольствіемъ, а также сдѣлать всѣ нужныя распоряженія ради облегченія моего путешествія.

Они сопровождали насъ нѣкоторую часть пути, а затѣмъ поѣхали впередъ, чтобы на подорогѣ устроить для насъ удобную вечернюю стоянку и ужинъ.

Древесныя аллеи и воздѣланныя поля смѣнялись теперь все чаще песками, а часахъ въ двухъ пути за Япчаномъ попадались уже дюны высотой въ 5 м., вытянутыя въ направленіи NW — SO или N — S; онѣ уже настолько закрѣплены растительностью, что не особенно затрудняютъ сообщеніе. Послѣ краткаго отдыха въ Согулукѣ, гдѣ проѣзжіе китайцы подняли ужасный гвалтъ, мы въ темнотѣ продолжали путь въ Янги-гиссаръ, куда и прибыли рано утромъ. Для насъ было приготовлено помѣщеніе въ индусскомъ караванъ-сарай. Наше прибытіе произвело большой переполохъ, такъ какъ всѣ постояльцы „караванъ-сарая“ спали прямо на дворѣ подъ открытымъ небомъ.

23 іюня меня разбудилъ одинъ изъ мандариновъ низшаго класса, доставившій мнѣ барапа, двухъ куръ, мѣшокъ пшеницы, мѣшокъ кукурузы, охапку сѣна и топлива — все отъ амбана, съ прибавленіемъ привѣтствій и увѣреній въ безграничной дружбѣ. Весь день всѣ три бека сидѣли у моихъ дверей, готовые къ моимъ услугамъ по первому знаку.

Въ эти двое сутокъ, проведенныхъ мною въ Янги-гиссарѣ, мѣстный амбанъ продолжалъ осыпать насъ любезностями. Когда-же я въ благодарность послалъ ему револьверъ и перочинный ножъ, онъ прислалъ мнѣ цѣлый обѣдъ изъ удивитель-

нѣйшихъ китайскихъ деликатесовъ, разложенныхъ по блюдамъ и чашечкамъ, которыя окружали жаренаго поросенка, красовавшагося посреди огромнаго подноса; послѣдній былъ подвѣшенъ къ большой толстой палкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ амбанъ поручилъ передать мнѣ свое сожалѣніе, что, по случаю нездоровья, не можетъ самъ принять участія въ обѣдѣ. Это подало мнѣ законный поводъ отвѣтить, что такъ какъ одинъ и не въ силахъ справиться съ такимъ обиліемъ блюдъ, то и принужденъ вернуть ихъ все обратно.

Я заодозрилъ, что все это вниманіе было хитростью, рассчитанною на то, чтобы связать меня долгомъ признательности, который-бы принудилъ меня сдѣлаться покорнымъ слугою желаній господина амбана. А желанія эти клонились къ тому, чтобы я отказался отъ своего намѣренія отправиться черезъ Кинколь и Тарбаши, т. е. по тракту, находившемуся въ его области. Онъ очевидно боялся, что я нанесу на карту эту область, которую до сихъ поръ европейцы оставляли въ покоѣ. Онъ и совѣтовалъ мнѣ лучше отправиться черезъ Яркендъ, ссылаясь на разлитіе горныхъ ручьевъ, что угрожаетъ моему каравану опасностями, а вѣдь, ему, амбану, въ случаѣ, если мой багажъ будетъ попорченъ водой, придется отвѣчать передъ дао-таемъ.

Стороною-же мы узнали, что даже караваны ословъ переходятъ черезъ ручьи. Кромѣ того самое время года мало располагало къ долгому путешествію черезъ чумной Яркендъ.

Узнавъ о моемъ рѣшеніи, амбанъ отвѣтилъ, что позаботится о проводникахъ для меня, и такъ какъ ему собственно не о чемъ было больше спрашивать меня, то онъ послалъ ко мнѣ бека узнать, какъ заставить „воду течь кверху“. Я сдѣлалъ модель вѣтряной мельницы изъ бумаги и приложилъ къ ней болѣе или менѣе легко понятныя объясненія.

Около Янги-гиссара близость горъ уже даетъ себя почувствовать нѣкоторою волнистостью мѣстности. Такъ отъ города тянется на востокъ длинный узкій холмъ, длиною почти въ километръ и шириною въ 20 — 25 метр. Въ общемъ онъ такъ ровень и правиленъ, что его можно было-бы принять за старый крѣпостной валъ, если-бъ онъ не состоялъ изъ песку и конгломерата. Къ сѣверу отъ него расположена главная часть города, дома и базары котораго исчезаютъ въ густой листвѣ

садовъ; къ югу-же лежитъ только рядъ глиняныхъ мазанокъ съ плоскими кровлями. У подошвы холма мы видѣли кладбище; надъ нѣкоторыми могилами возвышались небольшіе куполы; отъ кладбища струился въ эту жару неприятный трупный запахъ.

Видъ-же отсюда открывается широкій и чудесный. На SW видѣется голубовато-стальная стѣна Мустагъ-агы, сѣдая макушка которой такъ и манитъ въ болѣе прохладныя области. На W и S идутъ низкіе холмы, а въ противоположной сторонѣ разстилается ровный, безконечный, какъ даль морская, горизонтъ.

Янги-гиссаръ не представляетъ какихъ либо достопримѣчательностей; немногочисленныя мечети и медресе не отличаются архитектурой. Одно изъ послѣднихъ основано, говорятъ, 60 лѣтъ

назадъ ахуномъ Халимомъ. Оно обращено фасадомъ изъ голубого и зеленого каолина, украшеннымъ двумя башенками, на открытую площадь съ мутнымъ бассейномъ посреди.

Кара-чинакъ—мазаръ (т. е. могила святого) представляетъ небольшую типичную азиатскую мечеть, окруженную верандой со столбами; стѣны украшены простыми орнаментами, изреченіями и флагами. На дворѣ возвышаются старые тополя съ

Киргизъ изъ восточнаго Памира (Кара-джилга).

(Съ рисунка автора).

могучими стволами. Одинъ изъ нихъ остроумно приспособленъ къ роли минарета. Наконецъ, видѣли мы мазаръ Супурга Хакима съ зеленымъ куполомъ и четырьмя башенками.

Городъ вообще грязенъ и похожъ на деревню; улицы узки и пыльны; базары защищены отъ солнца и дождя деревянными навѣсами и соломенными циновками. Мужчины ходятъ голыми или полуголыми; мальчишки совѣмъ голешенькими, а дѣвочки въ красныхъ рубашонкахъ; головы же и ноги голы. Взрослыя женщины, которыя здѣсь рѣдко носятъ чадры, часто сидятъ передъ своими лавками на базарахъ или съ корзинками плодовъ прямо на открытыхъ площадяхъ. Типъ ихъ красотою не отличается; густые черные волосы онѣ, какъ и женщины другихъ областей Восточнаго Туркестана, носятъ заплетенными въ двѣ косы.

Китайскій городъ, который называется также Янгишаромъ (новый городъ) расположенъ рядомъ съ магометанскимъ и защищенъ высокой зубчатой стѣной съ башнями и рвами. Здѣсь находится „ямень“ амбана; антуражемъ служатъ длинноносые китайцы въ длинныхъ бѣлыхъ кофтахъ и широкихъ голубыхъ шароварахъ.

Индусскій караванъ-сарай, гдѣ мы остановились, окаймленъ галлереей со столбами, внутри-же находится небольшой четырехугольный дворъ; здѣсь проживаютъ десять индусовъ изъ Шикарпура, которые занимаются ввозомъ матерій изъ Индiи черезъ Ле, Каракорумъ, Шахъ-и-дулахъ и Яркендъ. Главное-же занятiе ихъ ростовщичество, и они такъ ловко обдѣлываютъ свои незаконныя дѣла, что забрали все населенiе въ свои руки, и большая часть доходовъ съ полей остается въ ихъ карманахъ.

Медлить въ Янги-гиссарѣ намъ было некогда; вѣтеръ съ горъ тянулъ насъ въ путь, и много предстояло намъ еще сдѣлать, прежде чѣмъ опять расположиться на отдыхъ. Хозяинъ нашъ, Оди изъ Шикарпура, ни за что не хотѣлъ брать платы за свое гостепрiимство, но я выпутался изъ затрудненiя, подаривъ ему присланные амбанемъ барана и топливо, да перочинный ножъ въ придачу. До канала Манчинъ-устанъ (8 куб. м. мутной воды въ секунду) насъ сопровождалъ бекъ Касимъ; тутъ онъ соскочилъ съ коня и простился съ нами, а другой бекъ Ниязъ сопровождалъ насъ весь путь.

Около 6 часовъ вечера насъ захватилъ сильный ураганъ съ NW., поднявшiй густыя облака пыли и песку и заволокнувшiй ими всю окрестность. Въ какiя нибудь пять минутъ набѣжала туча и обдала насъ ливнемъ. Мы промокли порядкомъ, пока нашли защиту въ лачужкѣ около дороги. Зато песокъ и пыль были примяты этимъ ливнемъ, и воздухъ очистился.

Отъ города Кара-баша (черная голова) мы направились прямо на югъ, оставивъ дорогу на Яркендъ влѣво. Отсюда и далеко на востокъ тянутся песчаные, глинистые и конгломератовые холмы; но наша дорога, отличная для ѣзды, вела черезъ покрытую рѣдкими кочками равнину. Послѣ двухчасового отдыха въ Сугетѣ (ива) мы отправились дальше ночью; было такъ темно, что мы и не выбрались-бы изъ лабиринта городскихъ улицъ безъ проводника съ фонаремъ. Около двухъ часовъ ночи добрались до кышлака Игизъ-яръ (высокая терраса), гдѣ и расположились во дворѣ, красиво лежащемъ на высотѣ 1,736 м. надъ уровнемъ моря.

25 iюня бекъ Эминъ, посланный въ горы на развѣдки амбанемъ, вернулся съ извѣстiемъ, что горныя рѣчки и ручьи дѣйствительно сильно разлились въ послѣднее время, но каравану всетаки пройти можно. Въ награду за хорошия вѣсти его пригласили на чашку чая и, къ его большому удовольствию, угостили арiей на шарманкѣ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей сыгралъ на цитрѣ, а мулла, окруженный правовѣрной толпою, прочелъ вслухъ изъ корана.

На одинъ „ташъ“ (8 килом.) къ югу отъ города находится рудникъ Кокъ-буйнакъ, гдѣ добывается желѣзная руда, которая затѣмъ отвозится въ Игизъ-яръ для разработки по весьма примитивному способу. Въ сараѣ, изъ высушенной въ солнцѣ глины и досокъ, сложена печь, имѣющая въ вышину два метра, а въ диаметрѣ едва одинъ метръ. Печь до половины наполняется углемъ. Для тяги въ нижней части ея продѣланы шесть отверстiй, передъ которыми день деньской сидятъ шесть человекъ, дѣйствуя мѣхами изъ козихъ шкуръ. Поверхъ угля кладется слой руды въ двѣ ладони шириною, и въ вечеру желѣзо, расплавляясь, начинаетъ стекать внизъ подъ уголь. Просовывая въ небольшое боковое отверстiе желѣзный пруть, удостовѣряются въ томъ, какъ идетъ плавленiе. Послѣ каждой топки печь должна быть очищена отъ шлака и золы.

Добытое такимъ способомъ желѣзо, разумѣется, плохого качества, не годится дляковки и идетъ только на выдѣлки самыхъ простыхъ земледѣльческихъ орудій, для подковъ-же, напримѣръ, не годно. Нужно очень много руды, чтобы получить 5 чэрекъ (1 чэрекъ = 12 гинь; 1 гинь = 1½ русск. фунта), стоящихъ въ Янги-гиссарѣ 30 тенегъ. Владѣлецъ печи, игизъ-ярскій юзъ-баши (сотникъ, городской голова), самъ ведетъ дѣло, слѣдитъ за рабочими и платитъ каждому изъ своихъ семерыхъ рабочихъ всего по 6 „да-пянь“ (китайская монета изъ сплава мѣди, цинка и олова), стоимостью меньше эре*).

Славно было выступить изъ Игизъ-яра раннимъ утромъ 26 іюня; передъ нами открывался трубообразный входъ въ долину Тазгунъ. У подошвы горъ, неясно рисовавшихся въ насыщенномъ пылью воздухѣ, виднѣлись еще нѣсколько кышлаковъ съ зеленѣющими рошицами. Мало по малу горы вырисовывались яснѣе и скучивались все тѣснѣе; около входа въ самую долину скалы образуютъ такой узкій проходъ, что для защиты его достаточно маленькой крѣпостцы Игизъ-яръ-караулъ съ гарнизономъ въ 24 человекъ. За этимъ пунктомъ проживаютъ одни только киргизы кочевники, и небольшія боковыя долины, открывающіяся въ Тазгунъ, ведутъ къ ихъ лѣтнимъ кочевьямъ. Въ глубинѣ одной такой долины Махмудъ-терекъ-джилга (долина тополя Махмуда) виднѣлись горы съ блестящими горными вершинами. Вшивая чистый мягкій вечерній воздухъ, отдохнули мы въ небольшой пещеркѣ около сіэнитовыхъ скалъ урочища Тукай-баши.

Здѣсь соединяются двѣ долины Кэптиколъ и Кинколъ; обѣ онѣ почти одинаково глубоки, и мы поэтому, вступивъ въ долину Кинколъ, избавились отъ половины водъ долины Тазгунъ и безъ труда перешли рѣку Кинколъ. Долина сильно суживается, но тамъ и сямъ попадаются всетаки небольшія луговины и пастбища, гдѣ разбиваютъ лѣтомъ свои кибитки кипчакъ-киргизы; зимою-же они уходятъ дальше къ устью долины. Попадаютъ еще тополя, и вообще растительность здѣсь не бѣдна. Скалы, состоящія изъ сіэнита, порфира и чернаго сланца сильно изъѣдены; дно долины во многихъ мѣ-

*) Эре — шведская, датская и норвежская монетная единица = ½ коп.
Примѣч. перев.

стахъ совсѣмъ засыпано продуктами вывѣтриванья; вообще же грунтъ здѣсь мягкій.

Абдуль Магометъ, аксакалъ (сѣдая борода, т. е. старшина) аула Кинколъ (широкая долина) приютить насъ въ своей большой юртѣ, гдѣ мы, спасаясь отъ упорнаго ливня, и провели весь день 29 іюня. Въ аулѣ было около 20 жител., проводящихъ здѣсь ежегодно три лѣтнихъ мѣсяца. Каждый вечеръ овецъ и козъ пригоняютъ въ аулъ доить, а на ночь загоняютъ въ обширные загоны, гдѣ ихъ охраняютъ отъ водящихся въ этой мѣстности въ изобиліи волковъ злыя длинношерстыя собаки. Какъ только ночью подымется лай, кто-нибудь изъ людей бѣжитъ къ опасному мѣсту и дикимъ крикомъ обращаетъ волковъ въ бѣгство. Лежалъ аулъ на высотѣ 3,369 м.

Около полудня въ аулъ явилась цѣлая толпа разряженныхъ мужчинъ и женщинъ, отправлявшихся въ ниже лежащій аулъ, гдѣ должно было состояться погребеніе около ближняго мазара одного мальчика. Нѣкоторымъ показалось, что веселѣе будетъ остаться съ нами, что они и сдѣлали, а остальные отправились дальше. Въ нашу большую юрту набралось гостей — двѣнадцать мужчинъ, восемь женщинъ, и шестеро ребятъ, и всетаки не стало особенно тѣсно.

Зрѣлище было самое пріятное. Одинъ изъ мужчинъ игралъ на „дутарѣ“ (двухструнный инструментъ), другіе болтали, разбившись на кучки; нѣкоторыя женщины въ колоссальныхъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ ѣли хлѣбъ съ молокомъ изъ большихъ деревянныхъ мисокъ, дѣти прыгали и рѣзвились кругомъ, а наша хозяйка, наклонясь надъ колыбелью, гдѣ лежалъ ея мѣсячный ребенокъ, кормила его грудью. Самъ хозяинъ, старый Абдуль Магометъ, повидимому, одинъ исполнялъ постановленія религіи, точно соблюдая часы молитвы въ то время, какъ другіе продолжали болтать. Посреди юрты горѣлъ обычный костеръ.

Около аула Кинколъ наблюдаются значительные покровы растительной земли, одѣтой сочной травой. Кибитки расположены по правому берегу рѣки, а на другомъ берегу, какъ разъ противъ аула, скалистые выступы сланца перемежаются твердыми кристаллическими горными породами. Рѣчка была теперъ совсѣмъ ничтожнымъ ручейкомъ; вода въ ней

текла чистая, холодная и вкусная. Послѣ послѣдняго дождя ожидалась значительная прибыль воды. Собственно время дождей приходится здѣсь на май и июнь; сибгъ-же въ этой мѣстности выпадаетъ только въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ.

По мѣрѣ продолженія пути, ландшафты становились все

Дѣвушка-киргизка.
(Съ рисунка автора).

разнообразнѣе, а горная природа все болѣе дикой. Намъ предстояло оставить долину Кинкола и направиться по долинѣ Чаарлина одного изъ притоковъ Яркендъ-дарьи. Раздѣляющій рѣки Кинколѣ и Чаарлинѣ перевалъ называется, какъ и оба вытекающіе оттуда ручья, Кашка-су (пестрый ручей).

Маленькая долина, ведущая къ перевалу, очень узка, и

подъемъ, чѣмъ дальше, становится круче. По причинѣ измѣнчивости почвы мнѣ время отъ времени приходилось измѣрять базисъ, чтобы получить единицу времени для опредѣленія скорости нашего передвиженія и пройденнаго разстоянія. Въ долинѣ Кашка-су выючныя лошади проходили въ $4\frac{1}{2}$ минуты 400 метр.; обыкновенная-же наша скорость была 20—30 килом. въ день.

По обѣимъ сторонамъ перевала выступаетъ наружу черный сланецъ, но на самомъ гребнѣ нѣтъ и слѣдовъ рѣзкихъ его выступовъ. Гребень, напротивъ, округленъ, покрытъ землей и частью поросъ сочной травой, на которой паслись принадлежавшіе сартскимъ купцамъ въ Яркендѣ большіе табуны лошадей. Видъ открывается отсюда великолѣпный: глубоко врѣзавшіяся долины по обѣимъ сторонамъ, а вдали сибжные гребни горъ. Борьба изъ-за водораздѣла идетъ здѣсь энергичная, — обѣ рѣки равны силами. Ручьи, слияніемъ которыхъ образуются эти рѣки, глубоко врѣзались въ стѣны горъ; послѣднія, поэтому, изобилуютъ вѣрообразными выемками. Абсолютная высота водораздѣла равняется здѣсь 3,972 м.

По ту сторону перевала идетъ крутой спускъ прямо на югъ, къ состоящему изъ 6 юртъ аулу Кой-джолы (овечья дорога) и дальше къ Чегиль-гумбезу (караулъ сорока куполовъ), гдѣ раскинулись нѣсколько каменныхъ и глиняныхъ хижинъ, сараевъ и юртъ, да кладбище съ маленькими украшенными куполами башенками. Жителей всего 13 ч., принадлежащихъ, какъ и въ Кинколѣ и Чаарлинѣ къ роду кипчакъ-киргизовъ. Такъ какъ здѣсь узелъ трехъ путей: изъ Яркенда, Кинкола и Тагармы, то мимо Чегиль-гумбеза часто проходятъ купеческіе караваны. Говорятъ, что обыкновенно около караула останавливается за день на отдыхъ человѣкъ десять путниковъ.

1-го іюля намъ предстояло еще перейти черезъ перевалъ Теръ-артъ (кожаный перевалъ); формой онъ напоминаетъ Кашка-су, но имѣетъ болѣе крутые скаты и достигаетъ 4,040 м. высоты. По сторонамъ гребня сланецъ торчитъ почти отвѣсными, острыми, причудливыми зубцами, плитами и глыбами; пространство между ними часто заполнено кучами щебня. Спускъ по ту сторону перевала идетъ по крайне дикой и причудливой горной долинѣ, гдѣ журчала вода. Долина тянется

между голыми стѣнами изъ сланца, а дно состоитъ изъ размытыхъ ручьями глыбъ конгломерата, сланца и бѣлаго, крупнозернистаго сіэнита, связанныхъ цементомъ желтой глины и песку.

Отъ боковой долины Борумзаль ручей принимаетъ притокъ, который значительно увеличиваетъ его. Между глыбами сіэнита растутъ кусты и трава. Долина опять расширяется, но мѣстами суживается среди мощныхъ конгломератовыхъ террасъ. Около трехъ часовъ дня юго-западный вѣтеръ нагналъ легкій туманъ, который постепенно сгущался и къ вечеру перешелъ въ мелкій, частый дождикъ. Мы были поэтому очень рады, что попали подъ крышу въ ауль Пасъ-рабата (низкій постоянный дворъ), въ которомъ насчитывается всего три юрты съ 13 жителями изъ рода *kessek* (кисякъ?) - киргизовъ. Здѣсь мы опять спустились до 2,884 м. высоты.

Пасъ-рабатъ имѣетъ значеніе только потому, что черезъ него проходитъ путь, связующій Кашгаръ, Янги-гиссаръ и Яркендъ съ главнѣйшею китайскою крѣпостью въ восточномъ Памирѣ Ташъ-курганомъ. Поэтому и здѣсь воздвигнута крѣпостца. Ручей около Пасъ-рабата впадаетъ въ Тагдумбашъ-су, притокъ Яркендъ-дарьи.

Ночью насъ нѣсколько разъ будилъ сильный дождь, весело хлеставшій по крышѣ юрты, а иногда и пробиравшійся къ намъ въ видѣ мелкихъ брызгъ. На слѣдующее утро окрестность опять укуталась въ густой туманъ.

Произошло оживленное совѣщаніе съ киргизами — ждали или выступать. Они совѣтовали идти, такъ какъ боялись, что дождь разойдется на цѣлый день, и тогда рѣку нельзя будетъ перейти. Нашъ караванъ-баши находилъ, однако, что уже поздно выступать сегодня, если хотимъ за день добраться до слѣдующей стоянки, да и къ броду подойдемъ только, когда уже совѣмъ стемнѣетъ.

Мы рѣшили переждать, и я воспользовался временемъ, чтобы произвести измѣренія въ рѣкѣ. Вода въ ней, по случаю дождя, сильно прибыла и изъ хрустально-прозрачной стала мутно-сѣрой, дико несущейся между камнями. Ширина рѣки доходила до 16 м., максимальная глубина до 55 метр.; притокъ воды до 7 куб. м. въ секунду, а температура ея равнялась около полудня 10.5° С.

Чтобы показать въ какой зависимости находятся эти горныя рѣки отъ атмосферныхъ осадковъ и температуры воздуха, я отмѣчу рядъ измѣненій, произошедшихъ въ этой рѣкѣ за день. Около трехъ часовъ дня уровень воды понижился на 1.5 сантим., — источники рѣки, находящіеся въ горахъ, замерзли за ночь, — а въ 5 часовъ дня повысилась на 3.5 сантим., такъ какъ только къ этому времени достигла Пасъ-рабата вода отъ дождя, выпавшаго въ горахъ поутру. Въ 7 часовъ вечера уровень воды повысился на 16 сантим. противъ цифры первоначальнаго измѣренія въ полдень; ширина-же рѣки по причинѣ почти отвѣсныхъ крутыхъ береговъ увеличилась только на 1 метръ.

Журчанье этой мутной водной массы отдавалось глухо, такъ какъ глыбы и камни, высовившіеся поутру изъ воды, были теперь совершенно покрыты ею. Притокъ воды увеличился вдвое съ того времени, какъ вода отъ дождя, выпавшаго въ горахъ, достигла мѣста нашей стоянки, и превышала теперь 14 куб. м. въ сек., а температура воды равнялась 9.7°. Въ 8 ч. вечера уровень воды повысился еще на 2 сантим., а температура понизилась до 9.7°. Черезъ часъ уровень воды повысился еще на 1 сантим., а температура ея понизилась до 9.4, изъ чего видно, что чѣмъ больше прибылъ воды, тѣмъ медленнѣе согрѣвается водная масса въ умѣренномъ воздухѣ долины. На слѣдующее утро въ 7 часовъ вода держалась почти на томъ-же уровнѣ, какъ и при первомъ измѣреніи, но температура упала за ночь до 7.5°.

Въ этотъ день 3 іюня выдался особенно трудный переходъ. Въ началѣ долина довольно широка и обильна пастбищами, кустарникомъ и ивами. Тамъ и сямъ выдавались изъ высокихъ почти отвѣсныхъ скатовъ горъ конгломератовыя массы, угрожая обвалами, образуя стѣны и валы съ трещинами, провалами, выемками и пещерами. За вилкообразной долиной Ямбулакъ (пещерный источникъ) проходъ еще болѣе сузился, дно оказалось заваленнымъ продуктами вывѣтриванья, и воды въ рѣкѣ, послѣ того, какъ нѣсколько изъ ея притоковъ остались ниже, позади насъ, поубавилось.

За Ямбулакомъ, гдѣ у дороги пріютилась лачуга и гдѣ изворъ ласкаютъ кусты свѣжаго зеленого шиповника, съ бѣлыми цвѣтами, долина носитъ многозначительное названіе Тенги-

таръ; „тенги“ обозначаетъ „узкій проходъ“ и „таръ“ также „узкій“, т. е. „узкій — узкій проходъ“. И, дѣйствительно, прозвище это вполне оправдывается. Здѣсь снова появляются грубо-кристаллическія горныя породы, и внутри района ихъ мѣстонахожденія пластика измѣняется, — возвышенности становятся болѣе округленными куполообразными, острые гребни и вершины, которыя мы видѣли въ областяхъ мѣстонахожденія сланца, исчезаютъ. Хотя проходъ сильно загроможденъ продуктами распада горныхъ породъ, растительность здѣсь не бѣдна; особенно часто попадаются березы, шиповникъ и боярышникъ.

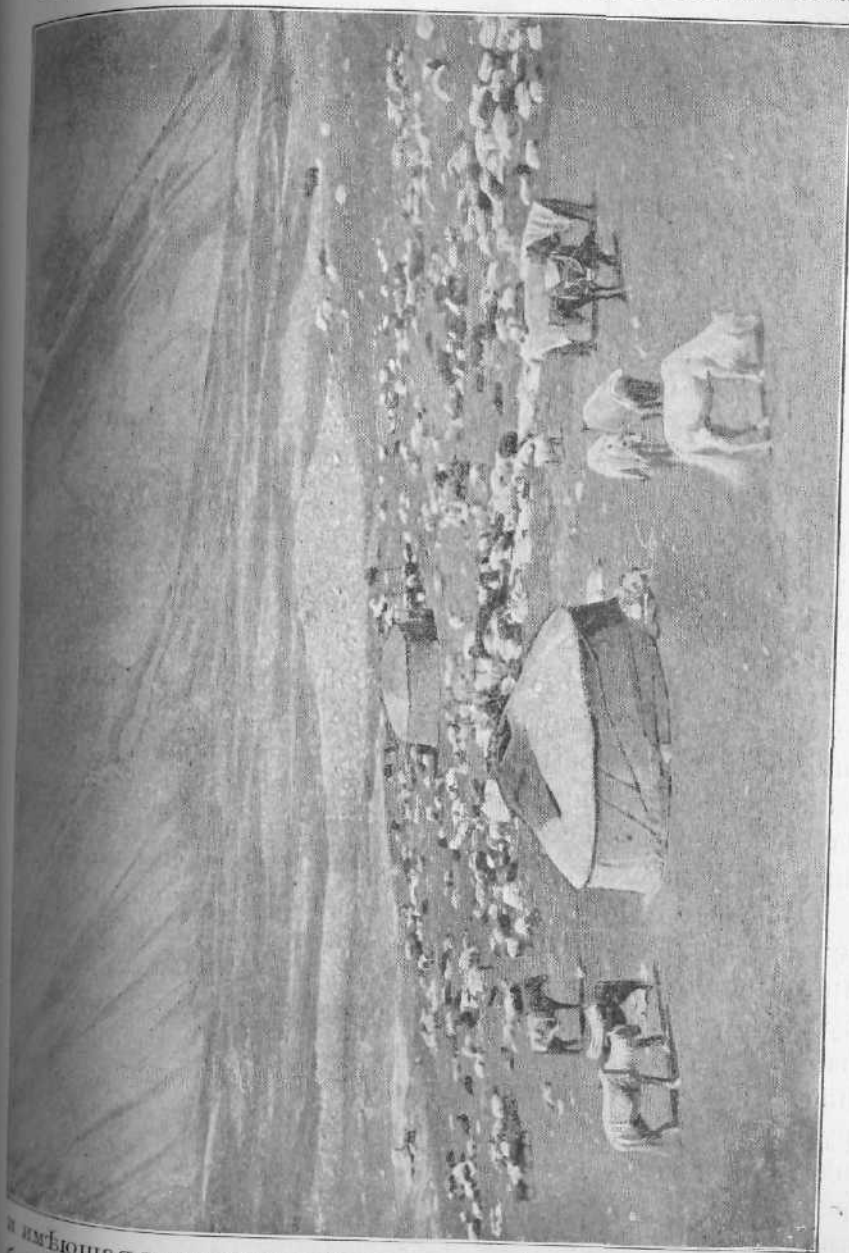
Затѣмъ долина суживается въ настоящій корридоръ съ клинообразнымъ разрѣзомъ. Дорога становится все болѣе непроходимой, мы дѣлаемъ безконечныя зигзаги, пробираясь между обрушившимися глыбами и безпрестанно должны переходить черезъ рѣку, которая теперь спять стала свѣтлою и прозрачною.

Дальше ущелье Тенги-таръ замыкается гнейсовыми скалами, которыя мѣстами прикрыты конгломератомъ. Изъ нихъ бьютъ около Исыкъ-булака, какъ показываетъ самое названіе горячіе ключи. Тремя брызжущими, но не особенно обильными струями бьетъ богатая сѣрой вода изъ подъ большой конгломератовой глыбы. Вода издаетъ непріятный запахъ и окрашиваетъ окружающіе камни въ желтый и коричневый цвѣтъ; чуть подальше уже идетъ богатая растительность. Отъ струи источника поднимаются горячіе пары; температура струи у самого выхода изъ-подъ земли 52.8° . Мѣстечко это находится всего въ семи метрахъ разстоянія отъ берега рѣки.

Вода въ рѣкѣ, въ 10 м. выше истока горячихъ ключей, имѣла 12.5° , а въ 10 м. ниже 19° . Въ двухъ минутахъ ходьбы вверхъ по рѣкѣ находится другой подобный-же горячій источникъ, значительно поменьше и съ температурой 51.7° . Выше его температура воды была 12.2° . Я привожу эти сами по себѣ мало значущія цифры, чтобы связать съ ними тотъ фактъ, что ниже истока ключей и до самого Ямбулака рѣка даже въ самыя холодныя зимы никогда не замерзаетъ, тогда какъ выше ключей наоборотъ.

За ключами ущелье имѣетъ всего нѣсколько метровъ ширины, образуя длинный прохладный корридоръ; на порогахъ

его лежалъ лошадиный остовъ, предрекая нашимъ лошадямъ такую-же участь. Рѣка, сдавленная между отвѣсными скалами

Дульъ Кара-Дзаялла.
(Съ фотографіи автора).

и имѣющая значительный уголъ паденія, сильно пѣнится, пробираясь между рухнувшими глыбами, и образуетъ маленькіе водопады.

Свѣтъ Гединъ.

Природа здѣсь дикая и величественная. Надъ нами виднѣется узенькая полоска неба. Впереди вьется оригинальная живописная ложбина, прорытая рѣкою въ кварцитовыхъ и гранитныхъ скалахъ. Часто кажется, что горы впереди смыкаются и заграждаютъ намъ путь; но это означаетъ лишь новый поворотъ, и отъ угла его открывается новая перспектива.

Не легко было благополучно провести нашихъ тяжело навьюченныхъ лошадей черезъ этотъ узкій, трудно проходимый корридоръ. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ навалены камни и глыбы, образующія импровизированные мосты и переходы; все время приходится ѣхать по самой водѣ и за бѣлою пѣной не видно, куда ступаетъ лошадь.

Переходы эти очень опасны, такъ какъ вода размываетъ тонкій цементъ, скрѣпляющій глыбы, и между ними зияютъ теперь огромныя отверстія, въ которыя лошади часто попадаютъ ногами и рискуютъ сломать ихъ. Случалось, что лошади наши падали, и людямъ приходилось входить въ воду, чтобы поднять ихъ и спасти вьюки. Душа уходитъ въ пятки,—того и гляди, что лошадь вмѣстѣ съ тобой угодитъ въ холодную ванну.

Я живо помню одно особенно неприятное мѣсто, гдѣ нѣсколько большихъ, круглыхъ валуновъ съ гладкими скользящими боками образовывали порогъ, лежавшій поперекъ ложбины. Двумъ изъ моихъ людей пришлось взобраться на два валуна и съ обѣихъ сторонъ поддерживать вьюки проходившихъ между ними лошадей, чтобы онѣ не потеряли равновѣсія.

Наконецъ, дорога измѣнилась къ лучшему. Горный отрогъ, идущій отъ лѣваго склона долины и называемый Тарнынъ-баши-муйнакъ, у подножія котораго рѣка образуетъ такую глубокую стремнину, что ея нельзя перейти вбродъ, является границей между двумя совершенно различными типами долины. Послѣ того, какъ лошади съ трудомъ вскарабкались на крутой и голый гребень отрога, передъ нами открылся чудный видъ и вверхъ и внизъ по долинѣ. Позади насъ лежалъ узкій проходъ, а впереди разстилалась широкая ровная долина съ отлогими боками горъ, округленными возвышенностями, богатой растительностью и удобной тропинкой по берегу рѣки.

По лѣвую сторону идутъ стѣны мощнаго конгломерата, по правую сіенитовыя, такъ гладко отполированныя,

что невольно наводило на мысль о дѣятельности воды или глетчернаго льда. Налѣво, на югъ отъ гребня, возвышается гора съ двумя вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, называемая Кара-джилга-баши (макушка черной долины). Около аула Кара-джилга абсолютная высота равняется 4,175 метр.

Начиная съ Тарнынъ-баши-муйнака долина носитъ названіе Тарбаши (начало узкаго прохода), показывающее какъ зорко подмѣчаютъ киргизы измѣненія рельефа.

Теперь уже недалеко было до мѣста дневного бивуака, Булакъ-баши (начало ключей). Мѣстный юзъ-баши, старый бекъ, принялъ насъ очень любезно, и тотчасъ же отвелъ намъ удобную юрту.

Въ рѣкѣ Тарбаши въ 3½ часа мы наблюдали довольно оригинальное явленіе. Вода стояла низко и была прозрачна, но вотъ послышался отдаленный шумъ и грохотъ, вода прибыла (отъ таянія снѣговъ и льда въ высшихъ поясахъ и отъ дождя въ нижнихъ), пѣнясь, быстро переполнила русло и разлилась по долинѣ. Счастье, что мы какъ разъ успѣли вырваться изъ долины, не то насъ, пожалуй, смыло-бы и унесло водой. Вотъ чего такъ боялись киргизы, около Чаарлина.

Бекъ Тогдасинъ.
(Съ рисунка автора).

XІ.

Черезъ Тагарму въ Су-баши.—Киргизскія „байги“.

Направляясь отъ Игизъ-яра, мы пересѣкли обширные, восточные склоны хребта Мусъ-тагъ, настоящей лабиринтъ гребней, вершинъ и долинъ. Изъ долины Кинкола мы попали въ долину Чаарлина, изъ послѣдней прошли къ Пасъ-рабату, переваливъ черезъ два небольшихъ гребня.

Тамъ, гдѣ одинъ изъ истоковъ послѣдней изъ названныхъ рѣкъ, подъ названіемъ Тенги-таръ, прокладываетъ себѣ русло въ кристаллическихъ горныхъ породахъ, мы нашли дикую, глубокую долину, которая живо напомнила типъ периферической области. За маленькимъ переваломъ долина расширялась, и горы становились болѣе отлогими, а относительныя высоты понижались, — въ маломъ масштабѣ переходная область.

Итакъ, въ природѣ нагорья уже замѣчались перемѣны. Мы констатировали, что уровень воды въ руслахъ обыкновенно повышался къ четыремъ часамъ дня и продолжалъ повышаться до вечера; это показывало, что воды, получающіяся при таяніи горныхъ снѣговъ отъ полуденнаго солнца, достигаютъ этихъ долинъ, только спустя нѣсколько часовъ. Около полудня уровень воды въ рѣкахъ поэтому самый низкій; самый же высокій бываетъ ночью. Прибыль воды идетъ, впрочемъ, не всегда одинаково правильно; колебанія обуславливаются выпаденіемъ дождя. Эти-то бурные разливы и являются настоящими причинами размыва горныхъ породъ, отъ чего въ свою очередь зависитъ мутность самыхъ потоковъ. Днемъ вода отстаивается по мѣрѣ того, какъ продукты размыва осѣдаютъ на дно.

Около Булакъ-баши мы нашли шесть юртъ съ тридцатью жителями изъ рода кесек-киргизовъ. Они обязаны жить здѣсь круглый годъ и нести караульную службу, т. е. помогать и давать пріютъ проѣзжимъ китайцамъ, а также перевозить индусскую почту. И здѣсь, какъ въ Пасъ-рабатѣ, есть три почтовыхъ чиновника, которые за свои труды получаютъ всѣ трое

25 черекъ пшеницы изъ Янги-гиссара и 20 черекъ изъ Ташъ-курмана. По дорогѣ отъ Янги-гиссара мы миновали шесть карауловъ: Игизъ-яръ, Тукай-баши, Кашка-су-баши, Чегиль-гумбестъ, Пасъ-рабатъ и Булакъ-баши.

Двое изъ киргизовъ, проживавшихъ въ аулѣ, считались „баями“, т. е. богатыми людьми, такъ какъ они имѣли по 100 головъ овецъ, 200 козъ, 100 яковъ, 30 лошадей и 30 верблюдовъ. Зимы, говорятъ, въ этой мѣстности бываютъ очень холодныя, и рѣки повсюду, какъ только источники ихъ въ горахъ замерзнутъ, иссыхаютъ. Снѣгъ выпадаетъ здѣсь въ теченіе 5 мѣсяцевъ, но рѣдко бываетъ выше колѣна. Въ срединѣ мая наступаетъ настоящее время дождей, но и въ теченіе всего лѣта и осени выпадаютъ осадки.

5 іюля выдался одинъ изъ тяжелыхъ дней, такъ какъ предстояло перевалить черезъ главный гребень Мусъ-тага. Ночь была тихая и свѣтлая, температура пала ниже нуля, и еще утромъ по краямъ ручьевъ виднѣлись ледяныя каемки и застывшая вода. Чѣмъ выше, тѣмъ долина становилась шире, ближайшіе отроги главнаго хребта становились все болѣе плоскими и лишь изрѣдка попадались рѣзко очерченныя гнейсовыя скалы.

Словно среди кулисъ, журча, текутъ съ боковъ въ главную долину ручейки. Въ глубинѣ большинства маленькихъ боковыхъ долинъ виднѣется главный гребень съ блестящею шапкой вѣчнаго снѣга; въ ближнихъ-же горахъ снѣгъ покрываетъ только склоны, обращенные къ N, NO и NW. Дно долины частью усыяно щебнемъ и небольшими валунами, частью покрыто сочнымъ дерномъ, на которомъ пасутся стада яковъ.

Скоро мы очутились въ овальной котловинѣ, окруженной горами; нѣкоторыя изъ нихъ были покрыты снѣгами. Передъ нами возвышался порядочной величины кряжъ, и тутъ-же къ сѣверу виднѣлся перевалъ Янги-даванъ (новый перевалъ), черезъ который ведетъ дорога въ Ямбулакъ; пользуются этимъ путемъ, однако, лишь въ тѣхъ случаяхъ, если путь на Тенги-таръ непроходимъ. Посреди этой ровной котловинной долины находятся два небольшихъ озера, около 500 м. въ длину каждое. Они образовались изъ воды, получающейся отъ таянія снѣговъ на примыкающихъ ледяныхъ поляхъ. Изъ этихъ хрустально-прозрачныхъ озеръ вытекаетъ

рѣчка Чичикликъ-су, впадающая (черезъ долину Шинди и Пастъ-рабатъ) въ Яркендъ-дарью. То-же названіе Чичикликъ носить и низкій переваль-порогъ, служащій водораздѣломъ долины Тарбаши и Чичикликъ.

Подъемъ отъ этого мѣста идетъ не особенно круто къ перевалу Кичикъ-кокъ-муйнакъ (маленькій зеленый переваль) высотой въ 4,593 м. Какъ этотъ послѣдній, такъ и расположенный немного подалеже Катта-кокъ-муйнакъ (большой зеленый переваль) въ 4,738 м. высотой, не представляетъ затрудненій для перехода. Между ними развѣртывается вѣеромъ долина, въ которой изъ нѣсколькихъ мелкихъ ручьевъ образуется рѣчка, притокъ Чичиклика-су. Оба перевала представляютъ округленныя формы и покрыты зеленью; только кругомъ разбросаны голыя гнейсовыя глыбы.

Къ западу отъ послѣдняго названнаго перевала спускъ идетъ довольно круто вдоль ручейка, который подобно Тенгитару прорѣзываетъ скалистое ущелье; мы пробирались черезъ него цѣлый часъ. Въ наиболѣе защищенныхъ отъ солнца мѣстахъ еще бѣлѣли небольшіе клоки льда и снѣга, по которымъ мы и ѣхали. Мало-по-малу долина, называющаяся здѣсь Доршатъ, стала пошире и, наконецъ, мы увидѣли находящіяся въ ея устьѣ горныя ворота, открывающіяся въ равнину; вдали, на заднемъ планѣ ея рисовались голубовато-бѣлыя горы — хребетъ Мусъ-тагъ.

Послѣ того, какъ мы пересѣкли небольшой, почти отдѣльно лежащій холмъ, мы очутились въ большой долинѣ Тагарма, утопанной въ нѣжной зелени и въ лучахъ заходящаго солнца. На право виднѣлась китайская крѣпость Бэштъ-куртанъ (пять крѣпостей), стѣны которой образовывали четырехугольникъ. Гарнизонъ ея, говорили, состоитъ изъ 120 человекъ. По ту сторону рѣки Тагармы насъ встрѣтили беки и юзъ-баши, учтиво привѣтствовавшіе насъ и сообщившіе, что они получили отъ дао-тая письменный приказъ быть къ намъ услугамъ.

Долина Тагарма — горная равнина, одѣтая сочной травой, окруженная мощными хребтами и прекрасно орошенная. Ручьи, стекающіе съ окружающихъ снѣжныхъ горъ, прорѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ и соединяются въ порядочную рѣку Кара-су (черная вода) или Тагарма-су (вода ябло-

новой горы), которая выше Ташъ-куртана достигаетъ Яркендъ-дарьи. Въ этой долинѣ встрѣчается также много киргизовъ; у нихъ здѣсь превосходные „яйлаки“.

6 іюля было посвящено отдыху. Жара около полудня стояла душливая, температура доходила въ палаткѣ до 32°, а на открытомъ воздухѣ, на песчаномъ полѣ до 53°; инсоляционный термометръ показывалъ 71.3°. Обширная равнина поглощаетъ огромное количество тепла; склонъ ея обращенъ къ югу. Около нашей стоянки гипсотермометръ далъ 3,236 м. высоты. Небо было совершенно ясно, лишь нѣсколько легкихъ облачковъ плыли надъ горами; въ воздухѣ не шелухнулось, только стоялъ легкій паръ, подымавшійся отъ раскаленной почвы. Условія выпаденія осадковъ здѣсь совершенно иныя, нежели въ окраинныхъ горныхъ долинахъ. Дождя выпадаетъ въ долинѣ Тагармы мало; больше двухъ, трехъ часовъ подрядъ дождь не продолжается; дождливое время — весна. Снѣгу также бываетъ немного, и выпадаетъ онъ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ. Зимы стоятъ очень холодныя, но снѣгъ таетъ весьма быстро въ сухомъ чистомъ воздухѣ.

Благодаря огромной инсоляціи и обильному орошенію, равнина представляетъ прекраснѣйшія пастбища; густая сочная трава, зеленныя влажныя кочки видны всюду, а между ними журчатъ ручьи и ключи. Стада яковъ и овецъ оживляютъ ландшафтъ; тамъ и сямъ виднѣются маленькіе, уютные, киргизскіе аулы. Въ долинахъ, подалеже на востокъ, по кочамъ часто бывалъ морозъ, но здѣсь воздухъ и ночью былъ тепелъ. Стояла полная тишина, изъ лагеря не слышно было даже журчанья ручьевъ, но комары долго не давали намъ заснуть.

Киргизы, обитающіе въ долинѣ Тагармы живутъ здѣсь и лѣто и зиму; у нихъ насчитывается 80 юртъ, изъ которыхъ 50 принадлежатъ kessek, а 30 теить-киргизамъ. Въ каждой юртѣ живетъ среднимъ числомъ 4 чел. Около Бэштъ-куртана и Саралы поселились еще 20 семействъ таджиковъ.

Большинство здѣшнихъ киргизовъ, однако, бѣдны, владѣя въ общей сложности только 2,000 головъ овецъ и 200 яковъ; у многихъ вовсе нѣтъ, или очень мало домашняго скота. Таджики въ сравненіи съ киргизами богаты. Они осѣдлы, живутъ въ глиняныхъ мазанкахъ, занимаются, обыкновенно,

земледѣліемъ (сѣютъ, главнымъ образомъ пшеницу и ячмень), но также и скотоводствомъ и имѣютъ herdъ по 1,000 головъ овецъ.

Киргизы объясняли, что лѣтъ двадцать тому назадъ, при Якубъ-бекѣ, имъ жилое гораздо лучше, такъ какъ они пользовались большою свободою и могли, по желанію, переходить со стадами къ западу на пастбища Памира, а теперь китайцы строго воспретили имъ переходить русскую границу. Нашъ хозяинъ Магометъ-Юсуфъ былъ бекомъ надъ всеми киргизами Тагармы.

Животное царство здѣсь очень богато; тутъ встрѣчаются дикія козы, зайцы и другіе мелкіе грызуны, волки, лисы, куропатки, гуси и утки и много разныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ, которыя останавливаются здѣсь во время перелета.

7 іюля мы продолжали путь на западъ и сѣверо-западъ, вдоль подошвы группы Мустагъ-аты, имѣя вправо отъ себя ту часть ея, которая называется Кара-корумъ (черный каменный путь). Мы слѣдовали по теченію Кара-су, питаемой ледниковыми ручьями и ключами, и дальше сливающейся съ водами долины Тагармы, чтобы впасть въ Яркендъ-дарью. Мы шли вдоль краевъ старыхъ моренъ и видѣли много эрратическихъ гнейсовыхъ глыбъ, которыя говорили объ обширныхъ передвиженіяхъ льда въ былыя времена.

На проѣзжей дорогѣ, въ мѣстности, называемой Гыджакъ (скрипка), возвышается живописный „ту“ (tu), или жертвенный холмъ, состоящій изъ кучи камней, въ середину которой воткнута большая вѣтвь березы, обвѣшанная черепами и рогами дикихъ барановъ, хвостами лошадей и яковъ и бѣлыми доскутьями. Кромѣ большой вѣтви, между камнями укрѣплены нѣсколько меньшихъ березовыхъ вѣтвей и палокъ, а вокругъ разложены черепа лошадей и антилопъ. Передъ кучей камней лежала небольшая гнейсовая глыба съ углубленіемъ, сдѣланымъ водою или льдомъ; углубленіе было покрыто копытъ, и мы рассказывали, что тутъ обыкновенно зажигаютъ жертвенный огонь (свѣтильники съ масломъ) паломники.

Какъ разъ около этого мѣста впадаетъ въ долину идущая съ запада маленькая боковая долина Каинды-мазаръ (святая могила подъ березками). Название свое она получила отъ на-

ходящейся здѣсь могилы святого, осѣненной березками. Известностью своей мазаръ обязанъ легендѣ, что здѣсь отдыхалъ послѣ одного изъ своихъ походовъ храбрый ханъ Ходжа. Мазаръ представляетъ поэтому одно изъ почетнѣйшихъ киргизскихъ кладбищъ. Упомянутый выше „ту“ и воздвигнутъ посреди проѣзжей дороги для напоминанія, что неподалеку находится мазаръ. О томъ, что какъ разъ напротивъ находится гигантскій мазаръ — Мустагъ-ата, напоминать нѣтъ надобности.

Направо намъ впервые открылись на горныхъ склонахъ ледники, съ которыми намъ предстояло такъ близко познакомиться этимъ лѣтомъ.

8 іюля намъ остался всего день пути до Су-баши, причемъ надо было перейти черезъ небольшой удобный перевалъ Улугъ-рабатъ, находящійся посреди долины Сары-коль, дѣлая ее на двѣ части: сѣверную, воды которой стекаютъ въ р. Тезъ, и нижнюю, воды которой стекаютъ въ Яркендъ-дарью. День выдался чудесный. Вершины горъ направо отчетливо рисовались на ясномъ, чистомъ, свѣтло-голубомъ небѣ рѣзкими контурами, обведенными ослѣпительно-бѣлымъ снѣгомъ. Только на югѣ виднѣлись легкія перистыя облачка. Словомъ, природа была въ праздничномъ настроеніи, и я залюбовался съ сѣдла окрестностью.

Мы достигли перевала около 1 часу дня и, взобравшись на небольшую кучку камней, обозрѣвали мѣстность съ высоты 4,330 м. Мощные ледники, идущіе радіусами отъ центральной снѣговой области, высывали къ западу свои бѣлоснѣжные или голубоватые въ изломахъ и обрывахъ языки, а между ними возвышались дикія отвѣсныя скалы, кажущіяся среди снѣговъ и льда почти черными. Мы были слишкомъ близко, чтобы вершина горы производила на насъ впечатлѣніе высокого правильнаго купола; лишь издали, съ запада, напримѣръ, съ Мургаба, ея благородные контуры видны ясно и отчетливо.

На сѣверъ также открывалась чудная панорама. Долина Сары-коль слегка заворачиваетъ здѣсь къ NW, и поэтому вѣдомъ картины служитъ хребетъ Мусъ-тагъ. На западъ и на югъ рисовался хребетъ Сары-коль, который дѣлаетъ здѣсь поворотъ къ Памиру. Хребетъ на всемъ протяженіи черенъ: гора волнистыхъ, мягко очерченныхъ холмовъ состоитъ по

большой части изъ песку, щебня и глины; зеленѣющія кочки виднѣются лишь изрѣдка.

На первомъ планѣ на сѣверѣ разстилается сравнительно ровная мѣстность Су-баши, въ верхней части которой находится карауль Эрикъ-якъ; семь киргизовъ охраняють здѣсь ведущіе въ русскій Памиръ перевалы Мусъ-куру и Тохъ-терекъ. Къ послѣднему ведутъ два подъема; посреди одного, называемаго Кара-тохъ-терекъ, возвышается небольшой отдѣльный кряжъ, состоящій изъ мелкозернистаго, спрессованнаго гранита съ флюидальной структурой и пегматитовыми жилами. Вытекающій изъ ледниковъ ручей, впадающій въ рѣчку Тохъ-терекъ, очень мутенъ, неся продукты перетранія горныхъ породъ, и гораздо обильнѣе водою, нежели р. Тохъ-терекъ, воды которой не ледниковаго происхожденія, чисты и прозрачны.

У подошвы сѣвернаго склона Улугъ-рабата расположенъ аулъ изъ девяти юртъ, а невдалекѣ и другой изъ пяти; оба находятся на берегу рѣки; вокругъ пасутся большіе стада. Въ первомъ привѣтливо встрѣтилъ меня бекъ Тогдасынъ и проводилъ въ свой аулъ, гдѣ старая юрта стояла на прежнемъ мѣстѣ и была убрана, какъ и въ первый разъ. Въ нее тотчасъ-же набралось одиннадцать грязныхъ китайскимъ солдатъ, которые долго пялили на меня глаза, кричали, хохотали, показывали пальцами на мои вещи и страшно воняли. Затѣмъ явился секретарь коменданта Ши-дарына и попросилъ позволенія посмотрѣть мой паспортъ. Содержаніе послѣдняго удовлетворило его; я пригласилъ его на чашку чаю, и онъ въ общемъ оставилъ по себѣ сравнительно пріятное впечатлѣніе.

Бекъ Тогдасынъ предполагалъ, что гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ 66 человекъ, но я сомнѣваюсь, чтобы тамъ было больше дюжины. По крайней мѣрѣ, я больше не видалъ, а они ужъ, навѣрное, всѣ побывали въ моей юртѣ, чтобы удовлетворить свое любопытство. Бекъ сосчиталъ только лошадей и полагалъ, что столько-же должно быть и людей. Китайцы же въ этой области примѣняютъ довольно своеобразный приемъ при счисленіи своихъ войскъ: они не довольствуются опредѣленіемъ числа самыхъ солдатъ, но включаютъ въ общій счетъ и число лошадей, ружей, башмаковъ, панталонъ и проч., такъ что итогъ получается въ нѣсколько разъ большій, чѣмъ слѣ-

довало-бы. По ихъ разсужденію, ружье по крайней мѣрѣ такъ-же важно, какъ самъ солдатъ, и послѣдній кромѣ того не можетъ идти на войну пѣшкомъ, или голымъ, такъ вотъ и считаютъ все огуломъ.

Такимъ путемъ китайцы думаютъ внушить легковѣрнымъ киргизамъ, живущимъ по обѣ стороны границы, а также русскимъ преувеличенное представленіе о численности и силѣ своихъ гарнизоновъ. Но горе киргизу, который бы вздумалъ сосчитать китайскихъ солдатъ попросту, какъ считаетъ своихъ овецъ! Одинъ киргизскій юзъ-баши, прибывъ недавно въ Ташт-курганъ, былъ спрошенъ тамошнимъ комендантомъ Ми-дарыномъ, сколько солдатъ въ гарнизонѣ Су-баши и отвѣтилъ: тридцать. Ми-дарынъ обратился къ своему коллегѣ Ши-дарыну съ письменнымъ запросомъ о вѣрности сообщенія юзъ-баши. Ши-дарынъ призвалъ къ себѣ послѣдняго и задалъ ему трешку, спрашивая, какъ могъ онъ вообще осмѣлиться считать или вообще думать что-либо о численности гарнизона!

Вооруженіе гарнизона Су-баши состоитъ изъ полдюжины английскихъ и столько-же русскихъ ружей и затѣмъ изъ луковъ и пикъ. Съ европейскимъ оружіемъ солдаты обращаются дурно, и оно обыкновенно въ плохомъ состояніи. Я видѣлъ, какъ двое солдатъ, перепрыгивая черезъ ручей, опирались на свои ружья, воткнутыя дулами въ грязное мѣсиво. Хорошихъ лошадей наберется какой-нибудь десятокъ; остальные просто караванныя клячи. Ученье, стрѣльба въ цѣль и проч. почти никогда не производятся, и бекъ Тогдасынъ говорилъ мнѣ, что, какъ самъ комендантъ, такъ и весь гарнизонъ, день деньской ровно ничего не дѣлають, только курятъ опиумъ, играютъ на деньги, ѣдятъ, пьютъ и спятъ.

Гарнизоны время отъ времени смѣняются новыми изъ Капгара, Яркенда и Янги-гиссара; изъ этихъ-же городовъ присылается раза 4—5 въ годъ продовольствіе въ китайскій Памиръ. Киргизы здѣсь свободны отъ подати, но аулъ обязанъ доставлять полдюжины барановъ въ мѣсяцъ, за которыхъ китайцы уплачиваютъ только половину или даже треть стоимости.

Къ киргизамъ я мало-по-малу сталъ питать большую симпатію. Я жилъ между ними четыре мѣсяца и, хотя былъ тутъ единственнымъ европейцемъ, не испытывалъ бремени

одинокства, такъ какъ они проявляли по отношенію ко мнѣ неизмѣнную дружбу и гостепріимство.

Они съ удовольствіемъ дѣлили мою скитальческую жизнь; нѣкоторые сопровождали меня во всякую погоду и участвовали во всѣхъ экскурсіяхъ, странствіяхъ по ледникамъ и восхожденіяхъ на горы. Постепенно я приобрѣлъ въ долинѣ Сары-колъ извѣстную популярность. Въ лагерь ко мнѣ пріѣзжали и ближніе и дальніе киргизы, дарили мнѣ барановъ, утокъ, куропаatokъ, хлѣбъ, яковое молоко и сливки; въ аулахъ меня вездѣ встрѣчали верховые киргизы и провожали въ юрту бека, гдѣ отводили мнѣ почетное мѣсто у огня и предлагали мнѣ дастарханъ.

Особенно забавляли меня дѣти; многіе изъ нихъ были такъ милы, прыгая вокругъ меня въ своихъ разноцвѣтныхъ шапочкахъ на головахъ, но безъ всякаго признака другой одежды на тѣлѣ, кромѣ развѣ огромныхъ отце

Я тѣмъ охотнѣе принялъ его приглашеніе, что мнѣ какъ разъ нужно было заняться наемомъ на лѣто киргизовъ и яковъ. 11 іюля хозяинъ мой приготовилъ мнѣ пріятный сюрпризъ: желая показать мнѣ весь аулъ Су-баши и яйлаки киргизовъ въ полномъ блескѣ, онъ приказалъ устроить „байгу“ или игрище, зрѣлище, которое хоть и ничтожно въ сравненіи съ „царскимъ парадомъ“, превосходить его своей невѣроятно эффектной сказочной обстановкой.

Утромъ весь цвѣтъ мѣстной молодежи мчался кучками къ югу, гдѣ около верхнихъ ауловъ, на площадкѣ Эрикъ-якъ

себя чѣмъ-то вродѣ нищенствующаго дервиша между богатыми людьми.

Самыми первыми между ними, и по сану и по одѣянію, были бекъ Тогдасынъ, въ ярко-желтомъ, отороченномъ золотой парчой парадномъ халатѣ изъ Кашгара, полученномъ отъ меня наканунѣ, и бекъ Тогда-Магометъ, старшина киргизовъ, живущихъ къ востоку отъ Мустага-аты. Одѣяніе послѣдняго представляло самое смѣлое сочетаніе цвѣтовъ, которые, конечно, только благодаря случайности могли столкнуться на одѣяніи одного человѣка: длинный синій халатъ съ широкимъ ярко голубымъ кушакомъ и высокая лиловая остроконечная шапка съ желтыми лентами. Самъ обладатель этого костюма былъ типичный киргизъ съ косыми, узенькими глазами, выдающимися скулами, жиденькой черной бородкой и растрепанными усами; ѣхалъ онъ на громадной вороной лошади, не туземной породы. Если еще прибавить къ этому кривую саблю въ черныхъ ножнахъ, то вотъ передъ вами и стоящій азіатскій Донъ-Кихотъ.

Толпы всадниковъ становились все гуще, что указывало на близость мѣста игрища, и, наконецъ, мы остановились на особомъ, отведенномъ намъ мѣстѣ, посреди открытаго поля. Тутъ поджидалъ насъ 111 лѣтній старецъ, бекъ Хоатъ, окруженный пятью сыновьями, тоже сѣдовласыми стариками, и десяткомъ — двумя другихъ всадниковъ; въ сѣдлѣ онъ держался замѣчательно прямо, молодецки, даромъ что спина у него нѣсколько сгорбилась подъ бременемъ лѣтъ. Одежда его состояла изъ мѣхового лиловаго халата, коричневыхъ сафьяновыхъ сапогъ и коричневаго тюрбана. Борода у него была сѣдая, короткая, носъ орлиный, и глубоко сидящіе сѣрые глаза, которые, казалось, жили больше воспоминаніями прошедшаго.

Всѣ оказывали ему большой почетъ, и даже беки слѣзили слѣзть съ коней, чтобы поклониться ему, а онъ принималъ всеобщее поклоненіе спокойно, словно какое-то божество. Прежде старецъ былъ чонъ-бекомъ, т. е. главнымъ старшиной надъ всеѣми сары-кольскими киргизами; достоинство это переходило въ его родѣ отъ отца къ сыну въ семи поколѣніяхъ — и во время владычества чужеземцевъ и въ періодъ независимости киргизовъ. Когда онъ не былъ погруженъ въ

свои думы, то оказывался очень словоохотливымъ и, видимо, съ удовольствіемъ дѣлился своими воспоминаніями и разсказывалъ о своей семьѣ.

Дѣтей у него было двѣнадцать человѣкъ: семь сыновей и пять дочерей; внучатъ сорокъ три человѣка, и правнуковъ шестнадцать. Почти всѣ они жили вмѣстѣ, въ большомъ аулѣ, который лѣтомъ разбивалъ свои кибитки около Кара-куля, а зимою около Басыкъ-куля. Самый старшій изъ его сыновей бекъ Ошуръ, который мало-по-малу сталъ однимъ изъ „моихъ“, большой шутникъ, сообщалъ мнѣ, что отецъ его въ теченіе своей жизни имѣлъ сорокъ женъ-киргизокъ, двѣ изъ которыхъ, девяностолѣтнія старухи, живы еще, и кромѣ того около ста саргянокъ-наложницъ, которыхъ онъ время отъ времени покупалъ въ Кашгарѣ, а затѣмъ увольнялъ въ отставку.

Бекъ Хоатъ пришелъ въ такой восторгъ отъ моихъ очковъ, что сталъ просить ихъ у меня, но у меня не было съ собой другихъ, и я сказалъ ему, что если онъ обходился до ста одиннадцати лѣтъ безъ очковъ, то лучше такъ и продолжать. Потому я подарилъ ему разныхъ матерій, шапокъ и платковъ. Осенью старикъ съ однимъ изъ сыновей отправился въ Янгигиссаръ, черезъ переваль всего на сто метровъ ниже Монблана. У него въ Янгигиссарѣ была земля, и онъ хотѣлъ немножко развлечься въ городѣ передъ долгой зимней спячкой.

Передъ нашими рядами былъ проведенъ баранъ, затѣмъ одинъ изъ киргизовъ однимъ взмахомъ отрѣзалъ ему голову и далъ стечь крови. Баранья туша должна была явиться предметомъ состязанія, — кто отобьетъ ее у всѣхъ другихъ.

Одинъ изъ всадниковъ взялъ тушу на сѣдло и умчался. Мы ждали нѣсколько минутъ, потомъ вдали показалась цѣлая толпа всадниковъ, несущихся къ намъ бѣшеннымъ галономъ; восемьдесятъ лошадей громыкали копытами по твердому полю, — трава была до чиста объѣдена пасшимися здѣсь стадами овецъ. Топотъ становился все оглушительнѣе, къ нему примѣшивался гулъ дикихъ криковъ и бряцаніе стремянъ. Всадники промчались мимо насъ въ облакъ пыли. Передовой бросилъ баранью тушу къ переднимъ ногамъ моей лошади. Слово дикіе гунны или опустошающая разбойничья шайка, пронеслись киргизы, описывая кругъ по полю, чтобы вернуться къ намъ черезъ минуту. Тотъ, кому оказана честь бросаніемъ

къ его ногамъ бараньей туши, обязанъ отвѣтить на нее приглашеніемъ на дастарханъ, что обыкновенно и дѣлають киргизы, или горстью серебра, какъ сдѣлалъ я.

Едва успѣли мы нѣсколько податься назадъ, какъ дикая ватага вновь поровнилась съ нами и набросилась на тушу бѣднаго барана, еще не успѣвшую остыть. Завязалась борьба изъ-за обладанія этой тушей, словно изъ-за мѣшка съ золотомъ; люди, лошади, все смѣшалось въ кучу въ густомъ облакѣ пыли. Нѣкоторые изъ переднихъ лошадей упали, другіе взвились на дыбы или пятились отъ страха. Всадники, продолжая крѣпко держаться въ сѣдлѣ, сразмаха перегибались туловищемъ къ землѣ, стараясь схватить добычу. Нѣкоторые сваливались совсѣмъ и рисковали очутиться подъ копытами лошадей; другіе, свѣсиваясь съ сѣделъ, подгибались подъ брюхо лошади, и всѣ одинаково барахтались и боролись въ этой общей свалкѣ, чтобы ухватиться за шерсть туши.

Оставшіе или вновь прибывшіе всадники въ карьеръ неслись къ толпѣ, врѣзывались въ нее, точно намѣревались проѣхаться по этой кучѣ лошадей и людей, копошащихся въ пыли и издающихъ дикіе крики. Маленькія удовки были позволены. Норовя пробиться поближе къ тушѣ, состязующіеся схватывали чужихъ лошадей за узду, или били ихъ по мордѣ ручкой кнута, чтобы заставить ихъ подняться на дыбы и подняться, или старались выбить другъ друга изъ сѣдла.

Двое борцовъ, верхомъ на якахъ съ острыми рогами, еще увеличивали смятеніе. Яки, попавъ въ свалку, щекотали лошадей рогами, тѣ лягались и еще сильнѣе раздражали яговъ, такъ что игра стала чѣмъ-то вродѣ боя быковъ. Наконецъ одному удалось крѣпко ухватить тушу и прижать ее правой ногой къ сѣдлу; вслѣдъ затѣмъ онъ опрометью кинулся изъ толпы и вихремъ помчался по полю, преслѣдуемый остальными. Всѣ исчезли вдали, но минуты черезъ двѣ опять возвратились. Снова послышался топотъ копытъ по полю. Всадники неслись прямо на насъ, не разбирая дороги; еще минута, и — мы были бы смяты; своротить намъ было некуда. Но вотъ, въ разстояніи всего двухъ шаговъ, они съ еще большею стремительностью кинулись въ сторону, опять бросивъ къ нашимъ ногамъ тушу, представлявшую уже безформенную массу. Затѣмъ борьба изъ-за нея возобновилась снова и такъ разъ за разомъ.

Я сказалъ беку Хэату, что съ насъ, пожалуй, и довольно этой забавы, — стары ужъ мы для нея; онъ расхохотался и сказалъ, что былъ такъ старъ, какъ я, лѣтъ сто тому назадъ; на самомъ дѣлѣ онъ оказался старше меня только четверо.

А бека Тогдасына эта свалка такъ раззадорила, что онъ самъ кинулся въ нее и успѣлъ одинъ разъ отбить добычу, но, кувыркнувшись съ лошади и получивъ нѣсколько красныхъ китайскихъ іероглифовъ на лбу и на носу, присмирѣлъ и остался съ нами.

Во время игры многіе снимали съ себя халаты, нѣкоторые даже раздѣлись совсѣмъ до пояса. И мало, кто выбрался чѣлымъ и невредимымъ; многіе съ окровавленными фізіономіями отправились къ ближайшему ручью умыться; не мало оказалось и хромающихъ лошадей. Поле было усеяно шапками и кнутами; владѣльцы подбирали ихъ. Меня очень удивляло, что никто не былъ изувѣченъ, но, конечно, это объясняется тѣмъ, что киргизы съ пеленокъ вырастають въ сѣдлѣ. Когда опасная игра была окончена, почетныхъ гостей пригласили на дастарханъ въ ближайшую кибитку бека, гдѣ насъ увеселили музыкою мѣстные музыканты.

Тотчасъ послѣ прибытія въ Су-баши, мнѣ пришлось уволить моего китайскаго толмача, таранчу Даода, такъ какъ онъ оказался слишкомъ „вольнымъ“ переводчикомъ, а теперь, чтобы увеличить списокъ своихъ заслугъ, началъ играть въ азартныя игры съ китайцами, и въ одинъ прекрасный день проигралъ 40 тенегъ. Такъ какъ нанятый въ Кашгарѣ караванъ-баши отправлялся теперь обратно со своими лошадьми, то Даодъ и присоединился къ нему. Изъ людей, бывшихъ со мной въ Кашгарѣ, остался у меня лишь вѣрный мой Исламъ-бай. Мы наняли поэтому на лѣто двухъ надежныхъ киргизовъ, Іехимъ-бая и Молла Ислама, которые отлично служили мнѣ во время моихъ лѣтнихъ странствованій, и еще нѣсколькихъ на болѣе короткіе сроки. Они-же должны были снабжать насъ лошадьми.

XII.

Вокругъ Малаго Кара-куля.

Я избралъ исходною точкой для всѣхъ мѣстныхъ экскурсій и съемочныхъ рекогносцировокъ озеро Малый Кара-куль и 12 іюля отправился туда, чтобы занять юрту, разбитую киргизами, согласно уговору, на южномъ берегу озера.

По пути мы присутствовали еще на одной байгѣ, устроенной двумя меньшими аулами, и послѣдняя байга оказалась, пожалуй, еще болѣе дикой, чѣмъ первая. Всадникъ вихремъ пронесся мимо насъ съ живымъ бараномъ на сѣдлѣ, однимъ ударомъ отрубилъ ему голову и началъ съ окровавленной тушей, перекинутой черезъ сѣдло, бѣшенную скачку вокругъ ауловъ. Остальные неслись за нимъ въ погоню, но у него была великолѣпная лошадь, и догонявшіе настигли его только на третьемъ кругѣ, отняли у него тушу и бросили ее къ моимъ ногамъ, такъ что пыль взвилась столбомъ. И тутъ пошло головоломное кувырканіе съ лошадей; одинъ бекъ раскровянилъ себѣ все лицо, но продолжалъ скачку и борьбу, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда мы послѣ дастархана продолжали путь къ озеру, дикая толпа сопровождала насъ, все еще продолжая игру. Мы были очень довольны, когда они, наконецъ, оставили насъ, и мы спокойно могли разобратся въ своей одинокой кибиткѣ.

Разбита она была на самомъ берегу, и передъ нами разстилалось уходящее въ туманъ голубое озеро. Сопровождавшіе насъ бекъ Тогдасынъ и еще нѣкоторые изъ моихъ друзей были приглашены на чашку чая и оставались съ нами до самыхъ сумерекъ. Веселью немало способствовалъ музыкантъ со своимъ „кобусомъ“ (или кобызомъ). Побѣдитель въ байгѣ явился съ визитомъ и преподнесъ мнѣ въ мѣдномъ кувшинѣ кумысъ, холодный, кисловатый и очень вкусный. Единственнымъ недостаткомъ нашей стоянки было то, что здѣсь водились міриады комаровъ, тучею носившіяся надъ песчаной равниной, усѣянной озерками и ручейками, вытекающими изъ ледниковъ.

13 іюля было первымъ рабочимъ днемъ на озерѣ. Найдя, что южный берегъ, изобилующій стоячими водами, представляеть не особенно здоровое мѣсто для продолжительной стоянки, мы рѣшили перебраться на восточный берегъ, и люди съ утра стали собирать наши пожитки и перетаскивать ихъ.

Я-же, вооружившись станкомъ и діоптромъ, отправился съ двумя киргизами производить съемку береговой линіи вплоть до мѣста новой стоянки. По дорогѣ я заглянулъ къ старому беку Хоату, у котораго было тутъ шесть кибитокъ.

Около юго-восточнаго края озера мы нашли Сары-Тумшукъ—мазаръ (святая могила на желтой косѣ); въ разсѣлины скалы развѣвались хвосты яковъ и лоскутья. У подошвы, между отвѣсными сланцевыми скалами пробиваются прозрачные ключи, имѣющіе температуру $+ 8.4^{\circ}$.

Тропинка пошла по берегу около самаго озера, и тамъ, гдѣ вывѣтрѣлыя сланцевыя скалы отвѣсно спускались прямо въ озеро, намъ приходилось ѣхать по водѣ. Налѣво разстилась отливающая голубовато-зелеными тонами водная равнина, на которой видны были кое-гдѣ грязно-желтыя полосы, обозначавшія мели изъ пла, нанесеннаго сюда ручьями. На западномъ берегу возвышался мощной стѣпной хребетъ Сары-коль съ отрогами, теперь едва видными въ туманномъ воздухѣ.

Когда мы добрались до новаго лагеря, тамъ все было уже въ порядкѣ, кибитка разбита у самаго берега на небольшой, поросшей сочной травой горной лужайкѣ, гдѣ нашимъ лошадямъ было вдоволь корму.

Джолдашъ (дорожный товарищъ), жалкая киргизская собака, приставшая къ намъ недавно, какъ прежде Джолчи (потерявшаяся въ Капгарѣ), была тутъ уже какъ дома и сторожила кибитку. Мы встрѣтили эту собаку въ одинъ прекрасный день въ обществѣ нѣсколькихъ всадниковъ-китайцевъ, которые, повидимому, прилагали всѣ старанія, чтобы заморить ее голодомъ. Увидавъ нашъ караванъ, животное, вѣроятно, сообразило, что кто бы мы ни были, мы, навѣрно, окажемся лучше китайцевъ, и увязалось за нами.

Бѣдняга смотрѣла такой худой, жалкой, что я хотѣлъ прогнать ее, но люди мои вступились за новаго товарища, и онъ былъ оставленъ. У насъ собакѣ жилось хорошо, ѣсть ей

давали волю; всё объѣдки поступали въ ея полное, безраздѣльное владѣніе. Она скоро поправилась и стала очень красивымъ, славнымъ животнымъ, отличнымъ сторожемъ и чудеснѣйшимъ товарищемъ; когда мы потомъ посѣтили русскій Памиръ, Джолдашъ своей рѣзвостью и веселостью привлечь общее вниманіе офицеровъ. Я скоро не могъ обходиться безъ его общества, и грустно мнѣ было потерять его, почти годъ спустя, — онъ околѣлъ отъ жажды въ пустынѣ Гоби.

Мы купили барана, котораго теперь зарѣзали, и скоро былъ готовъ солидный обѣдъ: Исламъ-бай изжарилъ шашлыкъ, киргизы снабдили насъ яковымъ молокомъ, рисъ и чай у насъ были, — чего еще лучше?

Заходъ солнца былъ величественный и бросалъ своеобразный отблескъ на облака и горы на западѣ, которыя и представляли всевозможные оттѣнки отъ сѣраго до желтаго. Вѣтеръ сначала дулъ сѣверный, а къ вечеру смѣнился восточнымъ; по волнамъ прыгали зайчики. Волны съ мелодическимъ убаюкивающимъ плескомъ ударялись о прибрежные камни. Возшедшій мѣсяцъ озарилъ прелестную картину, температура была пріятная, теплая (17°), и мы отъ души наслаждались нашей новой стоянкой у озера, названной Яны-кой.

Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько дословныхъ выдержекъ изъ дневника.

14 июля. День начался метеорологическими наблюденіями, затѣмъ была совершена ботаническая экскурсія по окрестностямъ, во время которой собрали въ маленькихъ береговыхъ лагунахъ по близости много водорослей.

Около часу дня надъ мѣстностью пронеслась грозовая туча, сопровождаемая сильными порывами вѣтра и непродолжительнымъ дождемъ. По озеру пошли ходить высокія, бѣлыя, пѣнящіяся волны, весело разбивавшіяся о берега. Скоро все небо покрылось тяжелыми дождевыми облаками, бѣгущими къ югу. Утромъ горы были окутаны въ обычный густой туманъ, но дождь очистилъ воздухъ, и между прорвавшимися облаками выглянула во всей своей красѣ бѣлоснѣжная сияющая вершина Мустагъ-аты.

Поверхность озера представляла своеобразные переливы красокъ; около западнаго и восточнаго берега оно отливалось такимъ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ, какого не осмѣлился бы

изобразить на полотнѣ самый дерзкій мазилка. Дальше, къ срединѣ, на водѣ видѣлись фіолетовыя полосы, а около восточнаго берега озеро было темно-синяго цвѣта. Мрачно стояли на стражѣ у береговъ сѣрые, угрюмые горные великаны, между мощными гребнями которыхъ было, словно зеркало, вправлено маленькое озеро. Южный берегъ представлялъ пологое превосходное пастбище. На нашемъ берегу была только одна небольшая лужайка, на которой мы и разбили нашъ лагерь; кругомъ-же повсюду тянулись горы или моренныя гряды.

Только къ вечеру погода позволила предпринять небольшую экскурсію къ сѣверо-востоку съ топографическими цѣлями; мы, впрочемъ, нѣсколько разъ попали подъ сильный, но непродолжительный дождь, и слышали грохотавшій въ ущельяхъ громъ. Мы бродили по типичнымъ моренамъ; вся окрестность была усѣяна кучами щебня и валунами всехъ величинъ, но представлявшихъ почти исключительно гнейсовыя и сланцевыя (большею частью слюдяный сланецъ) породы.

Эти массы щебня образовывали или непрерывныя гряды, или отдѣльные конусы, или цирки, въ 50—200 метр. въ діаметрѣ, то замкнутые, то имѣющіе проходы съ конусомъ или впадиною посреди. Многіе валуны были гладко отполированы или изпещрены царапинами и шрамами; все указывало на то, что мы находимся въ области, гдѣ въ древнія времена громоздились ледники.

Одинъ изъ такихъ валуновъ обращалъ на себя особенное вниманіе и былъ въ силу своего господствующаго положенія избранъ нами точкой опоры. Онъ имѣлъ ровную, гладкую поверхность въ 2 метра длиною и 1 метръ шириною, и на ней видѣлись шесть примитивныхъ, обрисованныхъ всего нѣсколькими смѣлыми штрихами, но характерныхъ изображеній дикихъ козъ. Изображенія были выцарапаны острымъ камнемъ или какимъ-нибудь другимъ орудіемъ и представляли на бурой поверхности гнейсовой глыбы матово-сѣрые штрихи. Киргизы ничего не могли сказать объ этихъ изображеніяхъ кромѣ того, что они были очень древняго происхожденія.

Мы нашли, что сѣверный край этой мощной моренной гряды круто спускается въ довольно порядочную рѣку, питаемую почти исключительно ледниками и нагорными снѣгами.

Называется она Ики-бель-су (рѣка двухъ переваловъ); протекая по сѣверной части долины Сары-коль, она прорываетъ южнѣ хребетъ Мусъ-тагъ и подъ именемъ рѣки Гезъ достигаетъ равнинъ около Капгара, какъ и было упомянуто въ предыдущей главѣ.

Съ гребня морены открылся чудесный видъ на верхнее теченіе рѣки, гдѣ водная масса прорывается словно въ ворота между высокими одѣтыми снѣгомъ скалами. Далѣе она извиивается по долинѣ то узкимъ, бурливымъ потокомъ, то широкой, спокойной рѣкой, между поросшими травой берегами, на которыхъ раскинулось нѣсколько ауловъ. Съ высотъ стекаютъ нѣсколько притоковъ ея, также питаемыхъ ледниками.

Когда мы другимъ путемъ вернулись къ стоянкѣ, оказалось, что киргизы доставили намъ еще юрту, въ которой слуги мои и возились съ кухонными принадлежностями.

По близости, на SO отъ лагеря, возвышалась гора Каракыръ (черный пикъ), изъ чернаго сланца, и такъ какъ съ вершины ея долженъ былъ открываться видъ на всю окрестность, въ центрѣ которой былъ разбитъ нашъ лагерь, то мы, торопясь воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и поднялись на скалу 15 июля.

Панорама, развернувшаяся передъ нами, превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Гряда моренъ, съ цѣлымъ лабиринтомъ конусовъ и кучъ щебня казалась отсюда, съ высоты, ничтожнымъ валомъ; Ики-бель-су извивалась ленточкой съ зелеными каемками по грязно-сѣрой почвѣ; Мустагъ-ата, господствующая надо всѣмъ кругомъ, сіяла въ полномъ блескѣ; ни единое облачко не бросало тѣни на ея сѣдловасую макушку.

Изъ подъ снѣгового покрова выглядывали черныя, причудливой формы скалы, доходившія иногда до 20,000 ф. высоты, но надъ ними возвышался чистый, безъ единого пятнышка куполь. Обращенный къ востоку склонъ горы спускался круто и неровно; видно было по самой формѣ его, что онъ не годится для подъема. Сѣверный склонъ представлялъ настоящий лабиринтъ скалъ, фирновыхъ полей и ледниковъ. Напротивъ, западный склонъ предлагалъ замѣчательно ровный подъемъ; уголъ его паденія равнялся всего 22°, тогда какъ уголъ паденія восточнаго 30—48°.

Тегермень-ташъ-су (мельничный ручей), впадающій въ Ики-бель-су пятью рукавами, образующими дельту, протекаетъ въ нижнемъ своемъ теченіи по весьма ровной мѣстности, покрытой щебнемъ или иломъ, принесеннымъ отчасти самимъ-же ручьемъ изъ ледниковъ.

На SW виднѣлась ровная, широкая долина Су-баши съ горной рѣкой, устье которой также образуетъ дельту съ болотами и безчисленными маленькими озерами, похожими на разсыпанные по ковру жемчужинки.

На западъ также открывалась величественная панорама. Тамъ, между массивными горными кряжами, блестѣла зеркальная поверхность Малаго Кара-куля, казавшагося такимъ крошечнымъ въ сравненіи съ окружающими его громадами.

Озеро развертывалось внизу, какъ на ладони; его свѣтло-зеленая вода рѣзко выступала въ рамкѣ сѣрыхъ горъ и темно-зеленыхъ прибрежныхъ луговъ, которые мѣстами перемежались моренами, мѣстами расширялись и уходили дальше вглубь долины; шире всего была луговая полоса около южнаго берега. Легкія облачка отражались въ водѣ, и тѣни ихъ тихо скользили по ней. Желто-бурая вода рѣки Су-баши, впадающей въ озеро, вилась по его южному берегу грязной лентой.

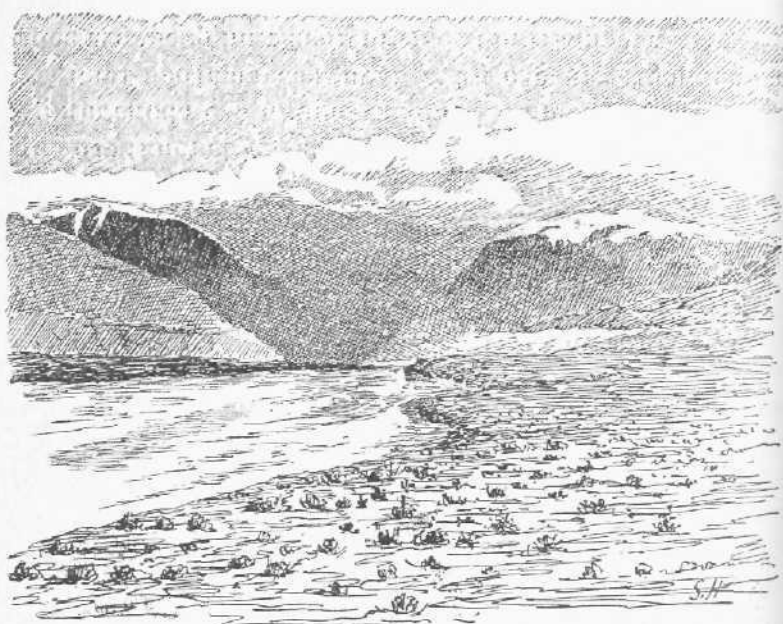
Около западнаго берега, какъ разъ передъ нами, лежалъ островокъ, единственный на Маломъ Кара-кулѣ, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ островковъ, отрѣзанныхъ водой отъ прибрежныхъ луговъ на югѣ и еще поросшихъ травой. А по другую сторону озера возвышался хребетъ Сары-коль, ограждающій озеро съ сѣвера и юга.

Сѣверный берегъ образованъ моренной грядой, составляющей продолженіе описанной выше. Береговая линія здѣсь поэтому очень капризна. Морены прорѣзываются вытекающимъ изъ озера ручейкомъ, рѣзко выступающимъ между зелеными луговыми берегами и сливающимся ниже съ Ики-бель-су. За Кара-кулемъ, на NW, виднѣлись оба озера Басыкъ-куль. Около полудня опять набѣжала небольшая туча съ ливнемъ и градомъ, но мы продолжали экскурсію, пока, наконецъ, насъ не погналъ домой настоящій дождь.

Теперь я вполне ориентировался и составилъ себѣ планъ — по какому направленію и какъ надо изслѣдовать мѣстность.

По наступленіи сумерекъ у меня каждый вечеръ бывалъ большой пріемъ. Изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ являлись гости-киргизы, всегда съ желанными дарами въ видѣ овецъ, куропатокъ, свѣже-испеченнаго хлѣба, яковыхъ сливокъ и молока. Я отдаривалъ деньгами или матеріями, шапками, пожами и проч., которыя привезъ съ собой для этой цѣли изъ Ташкента. Скоро у насъ образовался цѣлый кружокъ друзей, и мы чувствовали себя здѣсь совсѣмъ какъ дома.

Во время нашихъ экскурсій мы всегда заходили въ ле-

р. Ики-бель-су. Видъ на юго-востокъ.
(Съ рисунка автора).

жаціе на пути аулы и обыкновенно встрѣчали тамъ одного, или нѣсколькихъ изъ своихъ киргизскихъ знакомцевъ. Самымъ близкимъ нашимъ другомъ и покровителемъ оставался, однако, бекъ Тогдасынъ, который часто навѣщалъ насъ и распоряжался доставкой намъ всего нужнаго: яковъ, лошадей, палатокъ и проч.

Весь день 16 іюля стоялъ густой туманъ; утромъ озеро представляло оригинальную картину: противоположнаго берега совсѣмъ не было видно, и казалось, что стоишь на берегу безграничнаго океана.

Двое изъ моихъ киргизовъ раздѣлились и вошли въ мелкую воду собирать водоросли, полосой росшія у берега. Кстати они захватили съ собой Джолдаша, котораго основательно и выкупали, въ чемъ онъ очень нуждался. Вода была какъ разъ пріятной для купанья температуры. Въ часъ дня температура равнялась 17.6° , но за ночь значительно понижалась. Такъ въ 7 часовъ утра въ тотъ-же день въ водѣ было 11.8° . Въ ясные дни вода согрѣвалась въ мелкихъ мѣстахъ очень быстро; но, конечно, нагрѣвались лишь верхніе слои ея. Около полудня 16 іюля инсоляціонный термометръ показывалъ 59° , хотя погода и не была ясная; вода-же, на глубинѣ одного дециметра

Нижній Басыкъ-куль и хребетъ Мусъ-тагъ. Видъ на сѣверо-востокъ.
(Съ рисунка автора).

ниѣла всего -28° , что показываетъ, какимъ плохимъ проводникомъ солнечнаго тепла является даже такой тонкій слой воды.

Мы предприняли экскурсію къ мѣсту слиянія вытекающей изъ Кара-куля рѣки съ Ики-бель-су. Около сѣвернаго края озера мы нашли большую серпообразную мелководную бухту, съ луговыми берегами; въ разстояніи 50—100 метр. отъ берега шли, однако, морены. Около устья рѣчки луга были шире и сочнее. Надъ ними тучами носились комары и никоимъ образомъ не услаждали нашего пребыванія здѣсь.

Рѣка Кара-куль вытекаетъ изъ озера изъ воронкообразной бухты, загроможденной эрратическими глыбами, высывающимися изъ воды. Вскорѣ рѣка расширяется въ маленькое

озерко, называющееся Су-карагай-куль (вода — сосна — озеро). Къ сѣверу находится другое озеро побольше, называющееся Ангиръ-куль (утиное озеро), которое, однако, не имѣетъ стока въ рѣку. Вокругъ озеро раскинулись луга и болота, направляясь вдоль моренъ, между которыми прорыла себѣ русло рѣка.

Немного подальше, паденіе рѣчной долины становится сразу такъ круто, что рѣка образуетъ водопадъ, съ пѣной прыгающій по каменному руслу между кучами щебня. По берегамъ-же всетаки попадаются небольшія узенькія лужайки. Бурля и пѣнясь, бѣжитъ рѣка дальше по все болѣе рѣзко очерченному ложу и изливается въ Ики-бель-су; ея хрустальные, пѣнистыя, темносинія воды сразу исчезаютъ въ мутной отъ ледниковаго ила главной рѣкѣ, которая, пожалуй, разъ въ двадцать обильнѣе водой. Русло ея глубоко, энергично врѣзалось между высокими (отъ 50 до 100 м.) стѣнами конгломерата; перейти вбродъ черезъ Ики-бель-су въ этомъ мѣстѣ невозможно. Я опредѣлилъ ширину ея въ 25 м., а скорость теченія 1.7 м. въ секунду.

Оглушительный грохотъ громко отдается между отвѣсными стѣнами; волны, встрѣчая на пути каменные глыбы, вскидываются на высоту цѣлаго метра, сыплютъ брызги, но пѣны почти не видно, такъ какъ она такого же грязно-мутнаго цвѣта, какъ и вся вода.

Около лѣваго берега, на метръ ниже впаденія въ Ики-бель-су рѣчки Кара-куля, ясныя голубыя струи послѣдней совсѣмъ поглощаются первою, успѣвая окрасить въ голубой цвѣтъ только небольшое пространство воды, а бѣлая пѣна пропадаетъ сразу. Мощная водная масса Ики-бель-су прорываетъ себѣ русло съ такой силой, что чувствуешь, какъ почва дрожитъ подъ твоими ногами. Воды р. Кара-куля, паденіе русла которой здѣсь гораздо круче, притиснуты къ лѣвому берегу. Около самого устья скорость теченія сразу уменьшается, точно послѣднему дали вдругъ мощный обратный толчокъ.

Температура въ р. Кара-куль равнялась 16.6°, въ Ики-бель-су 14.4°, т. е. воды, вытекающія непосредственно изъ ледниковъ, на 2° холоднѣе водъ, протекающихъ черезъ озеро, имѣющее, слѣдовательно, болѣе высокую температуру, хотя оно и принимаетъ такіе холодные притоки. Воды р. Кара-куля

кромя того совершенно прозрачны, такъ какъ отложили свой ледниковый илъ въ озерѣ.

Морены выдвигаются между руслами обѣихъ рѣкъ въ видѣ косы. Конусы громоздятся одинъ возлѣ другого, то параллельными рядами, то кругами, полукругами и цирками. Это конечныя морены, которыя указываютъ, какъ далеко заходилъ прежде исчезнувшій теперь мысъ ледника Ики-бель-су.

Когда мы вернулись въ лагерь, насъ посѣтилъ бекъ Ошуръ, сынъ бека Хоата; онъ принесъ мнѣ пару живыхъ дикихъ гусей, пойманныхъ около Басыкъ-куля, хлѣба, молока и масла.

17 іюля. Утромъ дулъ южный вѣтеръ, и поэтому вода около нашего берега не совсѣмъ чиста, — волны нанесли илъ изъ устья рѣки. Берега бухты носятъ явные слѣды вліянія южнаго вѣтра. Бухта имѣетъ совершенно правильную, округленную береговую линію, окаймленную невысокимъ песчанымъ уваломъ; берега устьяны выброшенными волнами водорослями. Мы предприняли экскурсію, но были застигнуты бурей съ NNW, такъ что пришлось вернуться. Мѣстность эта извѣстна своими постоянными вѣтрами; сильнѣе всего бываютъ сѣверные и южные, такъ какъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій вдоль меридіональной долины. Восточные крайне непостоянны, вслѣдствіе конфигураціи мѣстности. Съ запада, изъ Памира вѣтеръ дуетъ рѣдко.

Да, вѣтеръ часто испытывалъ наше терпѣніе, прерывая или совсѣмъ разстраивая намѣченныя экскурсіи. Словомъ, мы все лѣто были въ полной зависимости отъ капризовъ погоды. Въ неблагоприятную погоду мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сидѣть смирно въ своей юртѣ и писать, или разрабатывать наброски картъ. Шумъ волнъ, плескавшихся о берега, дѣйствовалъ, однако, на душу освѣжающе. И сегодня озеро было взволновано, большіе бѣлые зайцы такъ и бѣгали по озеру вкось. Волны выбрасывали на берегъ песокъ и водоросли, и вода, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, десяти метровъ отъ берега, была грязнаго, мутнаго цвѣта; только за этой полосой волны отливали обычнымъ зеленовато-голубымъ цвѣтомъ.

Озеро понемногу окутывалось густымъ туманомъ; скоро на виду остались только двѣ косы около нашей бухты; онѣ казались, однако, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ были на са-

момъ дѣлѣ. Волны съ бѣлыми гребнями выкатывались одна за другою изъ тумана, и невольно казалось, что стоишь около открытаго моря.

Неподалеку отъ нашего лагеря находились двѣ небольшія лагуны, одна внутри другой. Наружная соединялась съ озеромъ узкимъ, глубокимъ протокомъ, въ который каждымъ порывомъ вѣтра вгоняло воду. Внутренняя лагуна отдѣлялась отъ наружной полосой суши въ шесть метровъ ширины, прорѣзанной глубокимъ узкимъ проливомъ, такъ что уровень воды и въ этой лагунѣ зависѣлъ отъ вѣтра. Отдѣлялась наружная лагуна отъ озера покрытымъ дерномъ уваломъ въ метръ вышины, истрескавшимся, подмытымъ водой и угрожающимъ рухнуть; ясно видно, что въ былыя времена озеро занимало и лужайку, на которой разбитъ нашъ лагерь. Дно лагуны было покрыто мелкимъ пескомъ и водорослями; въ спокойной, защищенной отъ волненій водѣ лагунѣ водились головастики и водяные пауки.

Послѣ обѣда шелъ сильный дождь, но около шести часовъ погода сразу стихла. Потомъ вдругъ послышался вой, словно отъ приближающагося съ NW урагана. На противоположномъ краю пока еще спокойнаго, свѣтлаго озера показалась темная полоса, которая приближалась къ нашему берегу. Надъ водой слышался свистъ и шумъ, и въ слѣдующую минуту надъ окрестностью разразился градъ, длившійся всего нѣсколько минутъ; градины въ 4—5 мм. въ діаметрѣ, усыпавшія землю бѣлой крупой, скоро растаяли подъ сильнымъ ливнемъ.

Не особенно много времени надо было, чтобы вполне уяснить себѣ геологическое образованіе о. Кара-куль. Скоро мнѣ стало ясно, что оно обязано своимъ происхожденіемъ моренамъ, заградившимъ въ долинѣ путь ледянымъ потокамъ ледника Ики-бель-су; теперь остатки этихъ моренъ, прорѣзывались рѣкой, вытекающей изъ озера. Загражденная ими долина образовала бассейнъ ледниковыхъ и ключевыхъ водъ. Воды, питаемая ледниками, приносятъ массы ила, который вмѣстѣ съ летучимъ пескомъ способствуетъ обмеленію озера. Когда нибудь, безъ сомнѣнія, оно и перестанетъ существовать, а р. Кара-куль потечетъ по долинѣ непрерывнымъ потокомъ.

Озеро, вѣроятно, было прежде гораздо обширнѣе, когда

рѣка разливалась поверхъ гребня морены, еще не успѣвъ вырыть русла. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя валуны, которые еще лежатъ въ воронкообразномъ устьѣ и въ самомъ руслѣ рѣки, являясь остатками средней части прежней морены; только что упомянутыя лагуны свидѣлствуютъ о томъ-же. Подтвержденіе того, что вся долина была нѣкогда загромождена исчезнувшимъ нынѣ ледникомъ, мы находимъ въ кучахъ щебня, увалахъ и валунахъ, разбѣянныхъ по всей мѣстности.

Мѣстныя горныя породы — мелкозернистый, кристаллическій сланецъ, слюдяный сланецъ, прекрасный сѣрый гнейсъ, крупнозернистый очковый гнейсъ и его красныя разновидности — тѣ-же самыя, что я находилъ въ верхнихъ поясахъ Мустагъ-аты. Гнейсовые валуны, которыми мѣстность изобилуетъ, и должны быть принесены оттуда, а перенести ихъ сюда могъ только глетчерный ледъ. Онѣ и носятъ явные слѣды этого, представляя округленныя формы, котловидныя углубленія, ледниковыя шрамы, или гладко отполированныя поверхности.

18 іюля. Мы закончили работы на восточномъ берегу Кара-куля и рѣшили сегодня перенести стоянку на другое мѣсто. Людямъ приказано было перенести подъ присмотромъ Исламъ-бая юрту и всѣ вещи на удобное мѣстечко на берегу Басыкъ-куля. Я же, въ сопровожденіи одного киргиза, долженъ былъ отправиться на съемку, а вечеромъ вернуться въ новый лагерь.

Мы пересѣкли гряду моренъ выше, чѣмъ въ послѣдній разъ, и затѣмъ спустились въ аулъ Кенъ-шеберъ, состоявшій изъ четырехъ юртъ, разбитыхъ на лѣвомъ берегу Ики-бель-су; кругомъ разстилались прекрасныя пастбища. Въ аулѣ проживало нѣсколько нашихъ друзей, которые и приняли насъ очень радушно. По обычаю, насъ встрѣтилъ старѣйшій изъ жителей, привѣтствовалъ насъ, прижимая обѣ руки ко лбу, и проводилъ въ свою юрту, которая быстро была прибрана, какъ слѣдуетъ. На почетное мѣсто постелили небольшой коверъ, положили нѣсколько подушекъ и предложили мнѣ сѣсть у огня.

Одинъ за другимъ прибывали остальные обитатели аула и располагались вокругъ огня, надъ которымъ кипѣлъ въ желѣзномъ котелкѣ чай. Гостей угощаютъ изъ деревянныхъ, или

китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ чаемъ и молокомъ съ хлѣбомъ, и скоро завязывается оживленная бесѣда. Жены въ своихъ высокихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ и молодыя дѣвушки также присутствуютъ въ юртѣ, но не вмѣшиваются въ разговоръ. Онѣ только важно возсѣдаютъ около огня, поддерживаемого высушеннымъ яковымъ навозомъ, или хлопочутъ по хозяйству. Такія посѣщенія всегда доставляли мнѣ удовольствіе и помогали добывать интересныя свѣдѣнія о дорогахъ и тропинкахъ, о мѣстномъ климатѣ, о кочевкахъ киргизовъ, ихъ образѣ жизни и т. п.

Хозяева наши проводили около Кенъ-шебера только лѣто; зимою-же, когда мѣстность эта подвергается сильнымъ вѣтрамъ и снѣжнымъ заносамъ, они уходятъ въ кышлаки Шувешта, расположенные выше и болѣе защищенные отъ вѣтра и непогоды.

Рѣка Ики-бель-су имѣетъ около аула совершенно другой характеръ, нежели около устья рѣки Кара-куль. Здѣсь Ики-бель-су достигаетъ въ ширину 60 м., а скорость ея теченія едва равняется одному метру въ секунду. Я послалъ одного изъ киргизовъ вбродъ черезъ нее, и максимальная глубина рѣки оказалась 1.15 м.; почти тотъ-же максимумъ глубины рѣка сохраняетъ и на всемъ остальномъ протяженіи своего правильнаго, ровнаго русла. Притокъ воды равнялся 69 куб. м. въ секунду, что довольно много для рѣки, питаемой главнымъ образомъ ледниками (см. рисунокъ на стр. 216).

Около 4 ч. дня уровень воды въ рѣкѣ, говорятъ, бываетъ самый низкій; къ вечеру онъ повышается, такъ какъ растаявшіе за день ледяные потоки не успѣваютъ ранѣе достигнуть рѣки. Въ руслѣ попадаетъ много низкихъ, болѣе или менѣе поросшихъ травою островковъ, одинъ изъ которыхъ дѣлитъ рѣку на два рукава. Зимою рѣка почти пересыхаетъ; уже въ августѣ убыль воды настолько значительна, что можно безъ опаски переѣзжать ее вбродъ во многихъ мѣстахъ.

Неподалеку отъ аула, пониже, гряда моренъ заставляетъ рѣку сдѣлать крутой поворотъ направо. На самомъ загибѣ рѣка образуетъ озеровидное расширение, на которомъ наблюдается водоворотъ, но затѣмъ рѣка вновь быстро течетъ по своему глубокому руслу и съ грохотомъ, слышимымъ издали, прорываетъ старыя морены.

Какъ разъ напротивъ Кенъ-шебера, на правомъ берегу, находится другой аулъ изъ семи юртъ. Обитатели его пасли днемъ свои стада на лѣвомъ берегу и теперь, по наступленіи вечера, должны были отправиться со стадами обратно. Вотъ возня-то пошла! Смотрѣть было забавно. Всадники брали къ себѣ на сѣдло по двѣ овцы и длинной вереницей переѣзжали черезъ рѣку. Овецъ было много, и такая переправа длилась, вѣрно, долго, пока все стадо не очутилось на своемъ берегу.

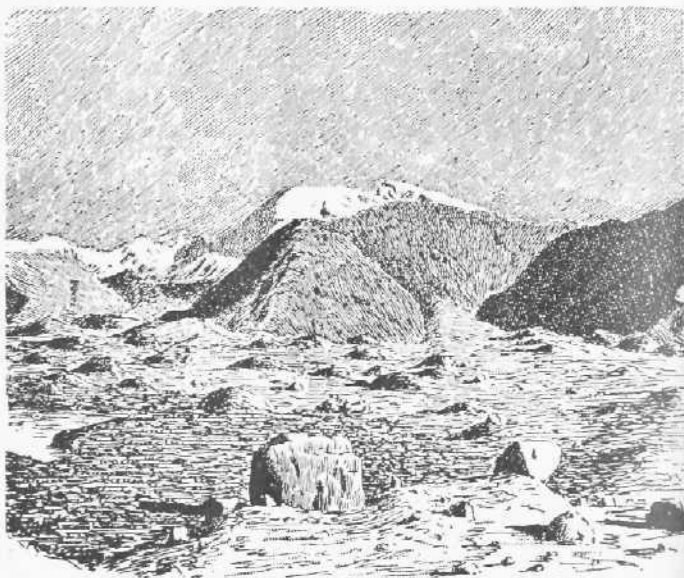
Пора и намъ было подумать о возвращеніи въ лагерь, такъ какъ въ сумерки заниматься съемкой трудно. Мы и направили нашъ путь черезъ морену, гдѣ опять нашли много красивыхъ цирковъ съ лужайками посреди. Трава растетъ здѣсь сравнительно хорошо, если принять во вниманіе, что дугообразныя морены задерживаютъ дождевую воду. Переправившись черезъ Ангыръ-куль, мы достигли мѣста нашей новой стоянки на нижнемъ Басыкъ-кулѣ, посреди котораго высовывается островокъ съ мореннымъ холмомъ. Обѣ наши юрты были разбиты на дугу; кругомъ открывалось обширное новое поле для изслѣдованій.

Первый-же день на Басыкъ-кулѣ вышелъ, однако, неудачнымъ; съ утра до вечера лилъ дождь, и дулъ сильный вѣтеръ; капли такъ и барабанили по крышѣ юрты. На вольномъ воздухѣ никакой работы нельзя было предпринять, но у меня, къ счастью, накопилось столько „кабинетной“, что такой невольный домашній арестъ былъ совсѣмъ не лишнимъ. Явился съ визитомъ бекъ Тогдасынъ; я угостилъ его чаемъ и китайской водкой, которою запасся специально для этой цѣли, а также музыкой на шарманкѣ, не перестававшей повергать киргизовъ въ безпредѣльный восторгъ и удивленіе. Больше всего, однако, поражали ихъ наши ружья. Киргизы находили механизмъ ружей до того сложнымъ, что, по ихъ мнѣнію, подобное оружіе не могло быть дѣломъ рукъ человеческихъ, но самого Бога.

Бекъ Тогдасынъ сообщилъ, что китайскіе гарнизоны въ долинѣ Сары-коль съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдятъ за всѣми моими дѣйствіями и черезъ посредство киргизскихъ шпионовъ ежедневно узнаютъ обо всемъ, что я дѣлаю и гдѣ бываю. Они все добивались узнать, кто я: урусъ (русскій) или ференги (европеецъ), долго-ли намѣреваюсь оставаться тутъ,

какая собственно цѣль моихъ топографическихъ съемокъ и для чего я откалываю куски горныхъ породъ. Въ самомъ дѣлѣ, они были поставлены тутъ, чтобы стеречь границу русскаго Памира, и вдругъ является какой-то чужоземецъ, по ихъ мнѣнію, русскій, и безпрепятственно высматриваетъ расположение страны! Но, благодаря паспорту, полученному мною отъ дао-тая, они не осмѣливались беспокоить меня.

Тяжелыя сизыя дождевыя тучи висѣли и вечеромъ надъ маленькими поперечными горными долинами, идущими отъ

Гнейсовыя глыбы между верхнимъ и нижнимъ Басыкъ-кулемъ.
На заднемъ планѣ Мустагъ-ата.

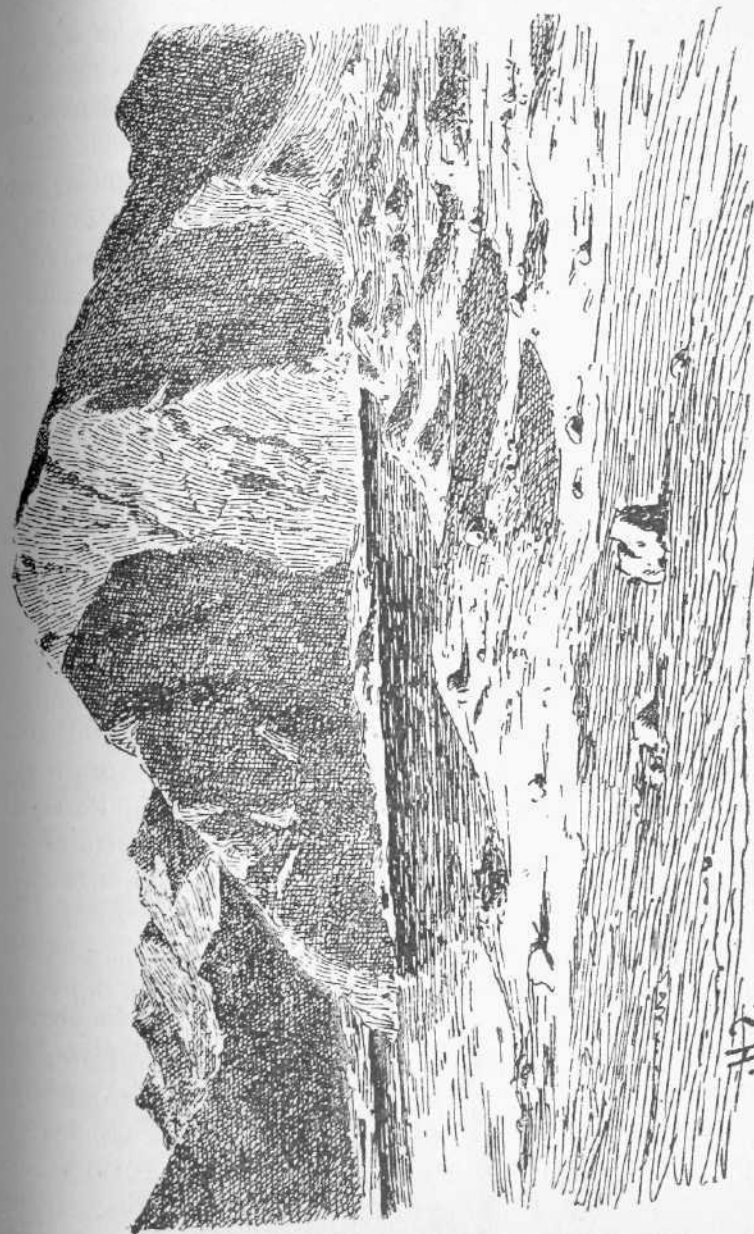
(Съ рисунка автора).

хребта Сары-коль къ открытой равнинѣ, посреди которой находятся оба озера Басыкъ-куль. Вся окрестность была окутана въ густой туманъ или сѣтку дождя, которая омрачала столь величественный вообще ландшафтъ. Только изрѣдка изъ тумана, стлавшагося по землѣ и подвигавшагося къ югу, проглядывалъ какой-нибудь ледникъ, или черная группа горъ.

Киргизы увѣряли, что такой продолжительный дождь, какъ сегодня, рѣдкое явленіе.

Лугъ, на которомъ былъ разбитъ нашъ лагерь, превратился въ болото, и намъ пришлось обкопать юрту глубокими

канавами и отвести воду въ озеро, чтобы въ юртѣ не было сырости. Къ вечеру прояснилось, и вѣтеръ стихъ. Озера ле-

Верхній Басыкъ-куль; видъ на юго-западъ; на первомъ планѣ старія морены.

(Съ рисунка автора).

жили словно темныя зеркала, въ которыхъ отражались причудливыя уступы горъ.

Саянъ Годичъ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней была изслѣдована мѣстность вокругъ новаго лагеря, и нанесенъ на карту лѣвый берегъ Кара-куля.

Сначала мы слѣдовали по береговой линіи до того мѣста, гдѣ скалы круто спускаются въ озеро, и гдѣ надо ѣхать по водѣ, по террасѣ, образовавшейся у ихъ подошвы изъ продуктовъ вывѣтриванья. Затѣмъ мы сдѣлали нѣсколько небольшихъ экскурсій въ ближайшія горы, гдѣ намъ попалось много крайне неудобныхъ проходовъ. Съ одного возвышеннаго пункта можно было съ помощью бинокля основательно рассмотреть эту своеобразную и красивую альпійскую область.

Отсюда ясно виднѣлись все ледники Мусъ-тага, отчетливо обрисовывающіеся при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. На самомъ гребнѣ кое-гдѣ выступали черные скалистые пики; вообще-же горы покрыты ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно въ нижнихъ поясахъ, на снѣгу замѣчается грязно-желтый налетъ пыли (см. рисунокъ на стр. 217).

На гребнѣ фирнъ образуетъ плотный, тщательно обрисовывающій рельефъ мѣстности, покровъ съ изорванными краями тамъ, гдѣ снѣгъ обрушился съ обрывовъ. Вообще-же снѣговой покровъ стремится собраться въ одномъ общемъ углубленіи въ видѣ фирноваго поля, чтобы потомъ понемногу стечь ледяными потоками. Послѣдніе бываютъ узкими и компактными, или выпуклыми, широкими и тонкими, но всегда одинаково несутъ массы щебня и валуновъ, которые иногда застреваютъ въ поперечныхъ трещинахъ и испещряютъ ледникъ полосами.

Нѣкоторые изъ ледяныхъ потоковъ такъ загромождены моренами, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ окружающихъ породъ.

Изслѣдованіе мѣстности между обоими маленькими озерами открыло намъ, что послѣднія отдѣляются другъ отъ друга обрушившеюся и часто прерывающеюся грядою моренъ, въ которой мы нашли эрратическія красиво обточенные гнейсовые глыбы, толщиной до 1,000 куб. м. Ясно, что мы наткнулись тутъ на старыя конечныя морены бывшаго ледника Ики-бель-су.

Однажды, вернувшись, послѣ одной изъ такихъ экскур-

сій въ лагерь, мы замѣтили, что несшій топографическіе приборы Техимъ-бай потерялъ мѣдный діоптръ. Киргизу было внушено, что если онъ не найдетъ потеряннаго, то навсегда утратитъ мое благоволеніе, и онъ тотчасъ отправился на поиски. Наконецъ, онъ узналъ отъ одного знакомаго киргиза, что странная металлическая штука найдена на дорогѣ и отправлена къ коменданту китайской крѣпости Булюнь-куль Джанъ-дарыну, который полагалъ, что сыграетъ со мной штуку, удержавъ у себя эту вещь. Я послалъ къ Джанъ-дарыну гонца сказать, что если онъ не вернетъ мнѣ находки, то будетъ имѣть дѣло съ дао-таемъ. Диоптръ былъ возвращенъ мнѣ немедленно.

Цѣлый день пошелъ на изслѣдованіе мѣстности между нижнимъ Басыкъ-кулемъ и Ики-бель-су. Изъ озера вытекалъ ручеекъ, оропавшій довольно сочныя лужайки, на которыхъ, однако, находились кое-гдѣ остатки моренъ. Впадалъ ручеекъ въ Ики-бель-су немножко сѣвернѣе р. Кара-куль. По причинѣ низкой температуры, державшейся въ послѣдніе дни, воды въ Ики-бель-су значительно убыло; тѣмъ не менѣе она съ силой низвергалась здѣсь между отвѣсными или очень крутыми стѣнами конгломерата, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ грозили оторваться и обрушиться въ рѣку большія, круглыя гнейсовые глыбы.

24 іюля былъ изслѣдованъ и верхній Басыкъ-куль. Почти у самой середины южнаго берега въ озеро вдается мысомъ уступъ горы, довольно круто спускающійся въ воду, такъ что низомъ по косогору можно пробраться только пѣшкомъ, а намъ, ѣхавшимъ верхомъ, пришлось подняться на гребень уступа.

Небольшой перевалъ этотъ, Басыкъ-куль-кіазы-даванъ (горная-тропинка-проходъ), лежитъ всего сотни на двѣ футовъ выше уровня озера, но склоны его круты, и съ вершины его открывается видъ далеко кругомъ. Подъ нами во все три стороны отъ мыса разстилалось маленькое озеро, намъ были видны его островки и дно, подводныя морены и эрратическія глыбы, которыя высывались изъ воды до половины, и небольшія дельты, образованныя устьями текущихъ по западнымъ долинамъ ручьевъ, впадающихъ въ озеро.

На мысѣ между обоими озерами возвышается гряда мо-

ренъ, мѣстами прерывающаяся; надъ уровнемъ озера она возвышается въ средней своей части всего на 2—3 м.; посреди моренъ находится болото. Несмотря на то, что мысъ только чуть подымается надъ уровнемъ воды, не существуетъ никакого явнаго сообщенія между столь близко лежащими озерами. Киргизы говорятъ, что, хотя притокъ водъ изъ западныхъ долинъ весной и лѣтомъ бываетъ иногда очень значителенъ, уровень верхняго озера никогда не повышается особенно замѣтно, и въ нижнее озеро воды не переливается.

При бѣгломъ обзорѣ получается такимъ образомъ впечатлѣнiе, что верхнее озеро не имѣетъ стока, и поэтому можно было-бы ожидать найти въ немъ соленую воду. Между тѣмъ оно содержитъ совершенно прѣсную и чистую воду. Стоитъ, однако, взглянуть на карту, чтобы понять это обстоятельство. Нижнее озеро не принимаетъ никакого видимаго притока, но изъ него вытекаетъ ручеекъ. Такимъ образомъ озеро должно принимать въ себя какой-то невидимый притокъ, разумѣется, вытекающей изъ верхняго озера, излишекъ воды котораго, вѣроятно, просачивается подъ мореннымъ мысомъ. Абсолютная высота Басыкъ-куля 3,726 м., а Кара-куля 3,720 м.

Отъ главнаго гребня хребта Сары-коль идутъ прямо на востокъ нѣсколько значительныхъ отроговъ, и ихъ джилги, или поперечныя долины, все открываются по направленiю къ озеру. Главнѣйшiя изъ нихъ: Кара-джилга (черная долина), Яланъ (голая) и Хамалды (сизая); послѣдняя имѣетъ собственный ручей, изливающейся въ бухту, между тѣмъ какъ ручейки двухъ первыхъ долинъ соединяются съ другими ручейками въ одинъ, который неподалеку отъ озера дѣлится на два рукава, образующихъ дельту. Иль, приносимый этими водами, образовалъ много длинныхъ узкихъ косъ и островковъ, а за ними лежитъ группа моренныхъ холмовъ.

Въ трехъ названныхъ долинахъ находятся болѣе или менѣе хорошия пастбища; лучшия отводятся подъ овецъ, площадь подъ яковъ. Ауль бека Хоата, населенный родомъ найманъ-киргизовъ, проводитъ здѣсь три зимнихъ холодныхъ мѣсяца. Черезъ Кара-джилгу идетъ подъемъ на перевалъ Кокъ-ала-чокуръ (зелено-пестрый-глубокий); здѣсь, однако, можно подняться только на якахъ или пѣшкомъ. Ведетъ перевалъ къ Рангъ-кулю; пользуются имъ рѣдко; главнымъ обра-

зомъ киргизы, отправляющiеся въ русскiй Памиръ безъ разрѣшенiя китайскихъ властей.

Въ 4 часа дня и сегодня начался дождь при сѣверномъ вѣтрѣ. Мы повернули назадъ къ западному берегу озера, держась теченiя ручья Кара-джилги, теперь почти пересохшаго и обозначеннаго кое-гдѣ только лужицами.

Спустя полтора часа, мы наблюдали поистинѣ рѣдкое явленiе. По теченiю ручья пронесся слабый шумъ, и понеслись бурныя волны, бурля между камнями русла и наполняя углубленiя. Скоро между сильно подмытыми крутыми берегами, окаймленными слабой растительностью, несся цѣлый потокъ. Явленiе это повторяется въ это время года регулярно каждый вечеръ; вода, образующаяся при таянiи снѣговъ въ горахъ хребта Сары-коль, только къ вечеру достигаетъ озера.

25 iюля мы снялись съ привала и отправились въ Кенъ-шеберъ, откуда намѣревались начать изслѣдованiе области Мустагъ-аты. На южномъ берегу Басыкъ-куля мы прошли необычайно красивую, расположенную циркомъ морену, имѣющую около 100 м. въ диаметръ. Посреди находилось маленькое круглое озерко, охваченное кольцомъ бѣлыхъ отложений соли, въ свою очередь окруженнымъ кольцомъ растительности; самое-же наружное кольцо образовывалъ уваль съ проходомъ по направленiю къ озеру. Хотя озерко лежитъ на уровнѣ озера и непосредственно на самомъ его берегу, такъ что съ полнымъ основанiемъ можно было-бы предполагать подземное соединенiе водъ, вода въ озеркѣ горько-соленая, откуда и названiе его Шоръ-куль (соленое озеро). Киргизы увѣряютъ, что стоитъ овцамъ напиться этой воды, какъ у нихъ дѣлаются судороги, и онѣ околѣваютъ.

Около Тамга-таша мы встрѣтили бека Тогдасына, желавшаго сдѣлать мнѣ сюрпризъ и поднесшаго барана и кринку яковаго молока. Онъ проводилъ насъ до Кенъ-шебера, гдѣ провѣлъ съ нами ночь. Вечеромъ барана зарѣзали, и все обитатели аула были собраны на пиръ. Въ это время налетѣлъ страшный вихрь, который угрожалъ снести нашу юрту. Все люди повыбѣжали, одни ухватились за остова кибитки, а другiе принялись укрѣплять ее веревками и подпирать шестами.

XIII.

Странствованія по ледникамъ.

На слѣдующій день мы отправились вверхъ по сѣверному склону Мустагъ-аты и пересѣкли мощный гребень морены на лѣвомъ берегу Ики-бель-су. Подъемъ былъ очень крутъ, пока мы не добрались до волнистаго нагорья. Почва была здѣсь покрыта пескомъ, щебнемъ, гальками и небольшими валунами; кое-гдѣ попадались зеленѣющія кочки и росли ранункулы.

По ту сторону гребня морены мы снова попали въ область бассейна озера Кара-куль; по неглубокой широкой долинкѣ протекалъ крошечный холодный ручеекъ, который, вытекая изъ долины Контой, впадаетъ въ озеро Кара-куль. Около этого ручейка раскинулся на высотѣ 4,124 м. яйлакъ Кошъ-Кортюсъ, избранный нами исходнымъ пунктомъ для странствованій по ледникамъ.

Киргизы этого аула прибыли сюда три мѣсяца тому назадъ и располагали пребыть еще три. Зимне-же шесть мѣсяцевъ они проводятъ въ Контой-джилгѣ. У киргизовъ каждая семья или родъ имѣетъ свои традиціонные кышлаки и яйлаки, и отступленія отъ традицій допускаются лишь съ общаго согласія.

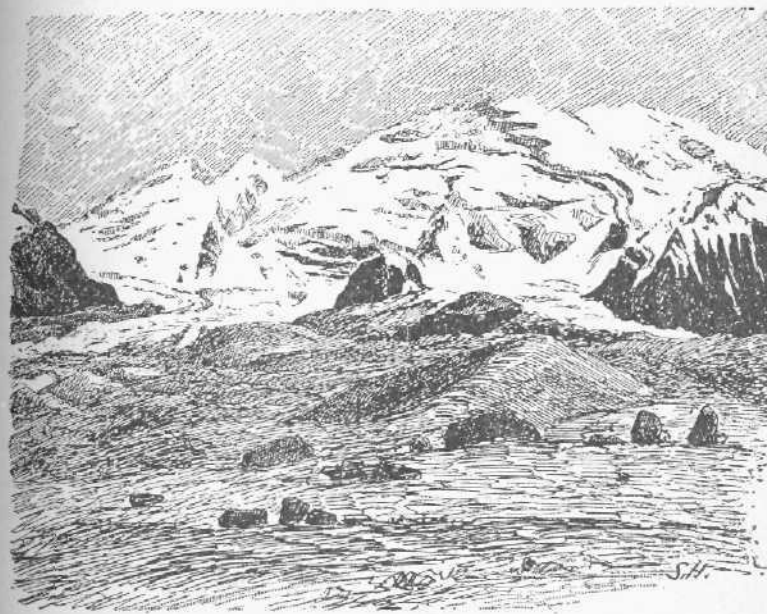
Обитатели этого мѣстечка принадлежатъ, какъ и большинство киргизовъ, обитающихъ въ долинкѣ Сары-коль, къ роду кара-тегтъ. Аксакалъ ихъ, Тугуль-бай, былъ 96 лѣтній живой, симпатичный старикъ, владѣющій всеми умственными способностями. Подвижная жизнь и постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ укрѣпляютъ здоровье киргизовъ, такъ что они, обыкновенно, достигаютъ глубокой старости.

И сегодня опять лилъ дождь, а въ горахъ грохоталъ громъ. Вскорѣ затѣмъ со склона донесся сильный шумъ. Хозяева наши пояснили, что послѣ сильнаго дождя всегда бываетъ такой шумъ, — потоки дождевой воды стремятся внизъ по крутизнамъ.

Первымъ нашимъ дѣломъ здѣсь было уволить обокъ киргизовъ Нуръ-Магомета и Палевана, которые хоть и были

хорошими слугами, но не знали ледниковъ и не имѣли яковъ. Выѣсто нихъ мы наняли двухъ мѣстныхъ киргизовъ и вечеромъ занялись осмотромъ ихъ яковъ, единственныхъ животныхъ, которыя могутъ пробираться по этимъ крутизнамъ, загроможденнымъ моренами.

Верхомъ на чудесномъ черномъ якѣ, отправился я 27 іюля въ сопровожденіи двухъ киргизовъ, знающихъ все ходы и выходы въ ледникахъ, на востокъ къ первому леднику Горумды, который предстояло изслѣдовать. Мы ѣхали себѣ по-

Ледники Большой и Малый Горумды; видъ на югъ.

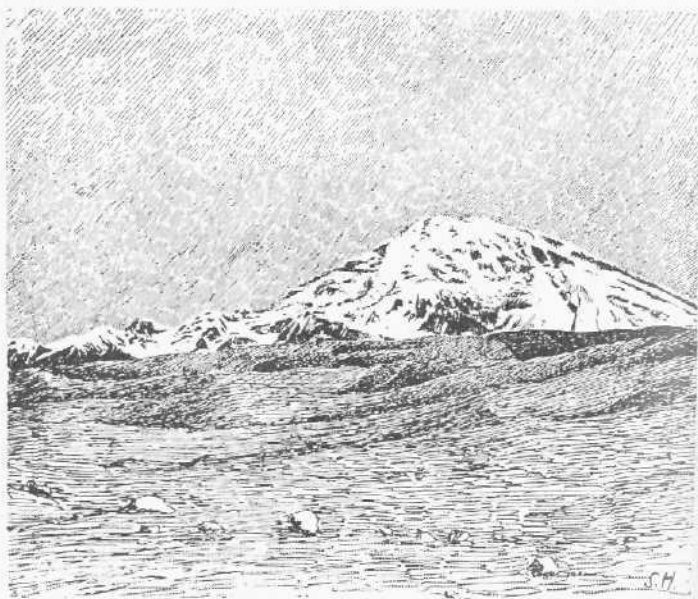
(Съ рисунка автора).

тихоньку, благодушевуя, по горному склону, спускающемуся къ сѣверу, и прорѣзанному тремя небольшими ледяными потоками. Направо осталась рѣзко очерченная группа скалъ — отрогъ Мустагъ-аты, а за нею виднѣлся небольшой ледникъ, выѣющій въ верхней своей части очень крутое паденіе; истокъ служило незначительное фирновое поле.

Дальше на востокъ виднѣлось много подобныхъ скалистыхъ отроговъ, гигантскихъ дикихъ горныхъ массивовъ, между которыми прорѣзываются ледники, словно указывая на сѣверъ пальцами. Самый большой изъ нихъ называется Го-

румды-баши (голова каменистаго пути); питаемый имъ ручей, принимающій также воды изъ остальныхъ ледниковъ, протекаетъ по рѣзко очерченному руслу и соединяется дальше съ Ики-бель-су.

Въ теченіе дня мы нанесли на карту западныхъ боковыхъ морены ледника Горумды. При съемкѣ мѣстности я прибѣгалъ только къ компасу, разстоянія-же измѣрялъ шагами яка, предварительно установивъ, сколько ихъ приходится, — глядя по наклону мѣстности, — на каждые 100 м.

Видъ на Мустагъ-ату съ сѣвера.

(Съ рисунка автора).

Большой ледникъ Горумды такъ изобилуетъ въ нижнемъ своемъ теченіи щебнемъ и вообще продуктами вывѣтриванья, что во многихъ мѣстахъ его съ трудомъ можно отличить отъ окружающихъ породъ. О крутизнѣ его паденія можно судить потому, что даже въ устьѣ уголъ его паденія равняется 9° . Затѣмъ же долина становится отлогою, и обильная водой рѣчка, вытекающая изъ подъ конечныхъ моренъ ледника, течетъ довольно ровно, спокойно, не образуя водопадовъ.

Ледникъ Малый Горумды развѣтвляется, благодаря острову-скалѣ, на два рукава; изъ нихъ лѣвый окаймленъ

8—10 болѣе или менѣе параллельными боковыми моренами. Между крайнею изъ послѣднихъ, достигающей 10—15 м. высоты, и мягкимъ поросшимъ травой уваломъ, по которому мы ѣхали, бѣжалъ ручей, протекающій выше черезъ небольшое треугольное озерко, пріютившееся между уваломъ, моренами и ближайшими скалами Мустагъ-аты.

Высокая, скалистая стѣна, граничащая съ ледникомъ Малымъ Горумды на западѣ, увѣнчана значительными снѣжными полями, которые время отъ времени сползаютъ внизъ къ ея подошвѣ и образуютъ миниатюрные ледники. Послѣдніе нагромодили вдоль подошвы скалы огромную конечную морену высотой до 40 м.; изъ подъ нея струится ручеекъ, пробивающійся по сѣверному склону горъ къ Кара-кулю.

На обратномъ пути насъ во многихъ мѣстахъ поражало богатство красокъ альпійской флоры. Цвѣты, произраставшія зачастую между бесплодными моренами, отличались почти кричащею роскошью красокъ. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ ярче онѣ становились; нѣтъ сомнѣнія, что малое поглощеніе атмосферою свѣтовыхъ лучей на этой значительной высотѣ имѣетъ непосредственное благотворное вліяніе на растительное царство.

Еще одинъ день былъ посвященъ Большому Горумды. Съ поросшаго травой увала мы пустились верхомъ на якахъ вверхъ по бугристымъ моренамъ, по ужасно тяжелой дорогѣ: глыбы громоздились одна возлѣ другой, и яки то и дѣло оступались въ ямы, но всетаки не падали.

На каждомъ шагѣ представлялся случай удивляться умѣнью этихъ животныхъ прокладывать себѣ путь. Надобно имѣть, однако, нѣкоторую привычку, чтобы чувствовать себя вполне спокойно въ сѣдлѣ. Тяжеловѣсное животное то балансируетъ на остромъ краю какой нибудь глыбы, то ловко перепрыгиваетъ черезъ черную зияющую яму, тотчасъ-же твердо упирается ногами въ слѣдующую глыбу, то съѣзжаетъ, осѣдая на заднихъ ногахъ, съ крутого щебневаго увала, откуда двуногое существо непременно полетѣло-бы кувыркомъ.

Единственное, что испытываетъ ваше терпѣніе при ѣздѣ на якахъ, это флегматичность и лѣнь животнаго, слишкомъ часто находящаго излишнимъ продолжать путь; тогда приходится напоминать ему объ его обязанностяхъ палкою. Къ

кнуту какъ совершенно нечувствителенъ, принимая удары имъ за ласку, на которую отвѣчаетъ дружелюбнымъ сопѣвиемъ. Только основательная затрещина палкой въ состояніи убѣдить яка, что мы выѣхали не для забавы, и заставить его съ глухимъ хрюканьемъ потрусить дальше.

Оказалось, что поясъ моренъ съ лѣвой стороны большого ледника былъ гораздо шире, чѣмъ мы полагали; мы ѣхали, поднимаясь съ одного гребня морены на другой, часа два. Наконецъ, мы достигли небольшого мореннаго озера съ мутно-зеленой водой; въ него впадала дѣлящаяся на нѣсколько рукавовъ, весело пѣнящаяся рѣчка, которая перепрыгивала по камнямъ поверхъ одной изъ крайнихъ моренъ; изъ нанесеннаго ею ила образовался цѣлый конусъ, который и раздѣлялъ теченіе рѣчки на рукава.

Происхожденіемъ своимъ рѣчка обязана, вѣроятно, маленькимъ ледникамъ, но не смотря на то, что притокъ воды въ ней равнялся 2—3 куб. метр. въ секунду, озерко не имѣло, повидимому, стока, и въ то же время уровень воды въ немъ не повышался противъ извѣстной нормы, такъ какъ бѣгущая изъ подъ моренъ вода стекаетъ дальше въ общій бассейнъ ледника.

Причиной образованія озера между грядами моренъ, состоящими изъ такого грубаго матеріала, послужилъ нанесенный рѣчкой илъ, который образовалъ родъ плотины.

Отъ озерка мы направились къ югу между двумя колоссальными грядами моренъ. Долина между ними расширилась мало-по-малу въ поросшую рѣдкими кочками, дикимъ ревенемъ и другими злаками равнину, которую справедливо называютъ Гульча-яйлакъ (пастбище дикихъ барановъ), такъ какъ и здѣсь и дальше по леднику мы находили пометъ дикихъ барановъ.

Такъ какъ дальше морены становились все непроходимѣе, представляя циклопическія стѣны, сложенные изъ глыбъ, то мы слѣзли съ яковъ и пѣшкомъ отправились по леднику. Минувавъ послѣднюю боковую морену, которая находится еще въ періодъ образованія, мы вступили въ область компактнаго твердаго льда, который, однако, въ началѣ почти всюду покрытъ валунами и щебнемъ, и лишь кое-гдѣ выступаютъ прозрачными ледяными пирамидами. Боковая морена ледника,

имѣетъ здѣсь въ ширину 450 м. и круто обрывается, открывая бѣлый ледъ края ледника.

Ледъ на этомъ краю представляетъ здѣсь настоящій яковъ пирамидъ и конусовъ, не имѣющихъ, однако, острыхъ вершинъ, а скорѣе округленные; верхній слой образующаго льда — пористый, влажный ледъ, цвѣтомъ напоминающій снѣгъ и похожій въ общемъ на снѣгъ. Происходитъ это, разумеется, отъ раздѣдающаго вліянія на ледъ атмосферы и тепла; всюду слышится журчанье водъ, получающихся при таяніи льда и снѣга, пробирающихся струйками между камнями и валунами и стекающихъ въ трещины или маленькія лужи на поверхности льда. Въ ледникѣ слышится трескъ и грохотъ, то тутъ, то тамъ съ шумомъ скатываются въ зіяющіе провалы гальки и щебень, а издали слышится грохотъ паденія ручья, который, пока грѣетъ солнце, получаетъ обильное питаніе со всѣхъ сторонъ.

Уносимые съ горъ продукты распада горныхъ породъ состоятъ большею частью изъ того-же самаго сѣраго гнейса, который мы находили около озеръ. Такихъ гигантскихъ глыбъ, какъ около Басыкъ-куля, здѣсь, однако, не попадалось. Маленькіе камни, вслѣдствіе своей большой способности поглощать теплоту, очутились въ ямахъ, наполненныхъ водой. Большіе валуны, напротивъ, служатъ лежащему подъ ними льду защитой отъ таянія и образуютъ ледниковые столы, лежащіе на ледяной пожкѣ.

Если взглянуть къ сѣверу, т. е. вдоль ледника, то налѣво окажется сѣрая гряда боковой морены, которая лишь кое-гдѣ открываетъ ледъ, а направо голая бѣлая бугристая поверхность ледника съ двумя срединными моренами, постепенно сливающимися въ одну, самую огромную изъ видѣнныхъ мною на ледникахъ Мустагъ-аты. Внизу видѣлась глубокая впадина, обозначавшая продолженіе ледниковой долины, по которой ледникъ Горумды, вѣроятно, стремился прежде къ леднику Ики-бель-су; теперь старыя конечныя морены смыты ледниковыми ручьями.

Наконецъ, мы отправились внизъ осматривать окрестность раздвоеннаго ледниковаго языка, который охватываетъ маленькое свѣтлое озерко.

Поднявшись на самый ледникъ, мы достигли 4,481 м. вы-

соты. На югѣ виднѣлось колоссальное фирновое поле, служащее общимъ бассейномъ, въ который сползаетъ съ крутизна, образуя уступы, снѣгъ.

29 іюля мы рѣшили перенести лагерь на новое мѣсто, откуда ближе было къ ледникамъ, идущимъ на западъ, которые намъ предстояло изслѣдовать.

Затѣмъ мы отправились на SSW, взбираясь по крутизнамъ, поросшимъ травою; погода стояла холодная, туманная; временами подымалась вьюга. Наконецъ, мы достигли перевала Сарымеха (желтый самострѣль), который играетъ важную роль въ рельефѣ мѣстности, образуя проходъ черезъ мощный гребень отрога, идущаго отъ Мустагъ-аты на NW и отдѣляющаго ледники и ручьи сѣверныхъ склоновъ отъ западныхъ. Перевалъ былъ покрытъ щебнемъ и гальками, а на южномъ склонѣ гребня находилась скала изъ чрезвычайно плотнаго, темнаго кристаллическаго сланца, уголъ паденія котораго равнялся 38° .

Если бросить съ перевала взглядъ на мощную группу Мустагъ-аты, то передъ вами развертываются справа налѣво слѣдующія картины. На первомъ планѣ скалистые отроги съ небольшимъ, покрытымъ снѣгомъ ледникомъ; затѣмъ идетъ между двумя, частью покрытыми снѣгомъ, отрогами горъ еще меньшій ледникъ, который въ верхней своей части очень чистъ, но въ нижней запруженъ темно-сѣрымъ, мелкимъ щебнемъ, такъ что голубой ледъ проглядываетъ только въ изломахъ трещинъ. Въ среднемъ теченіи преобладаютъ поперечныя трещины, въ нижнемъ — продольныя. Языкъ ледника опоясанъ колоссальными моренами съ множествомъ гребней.

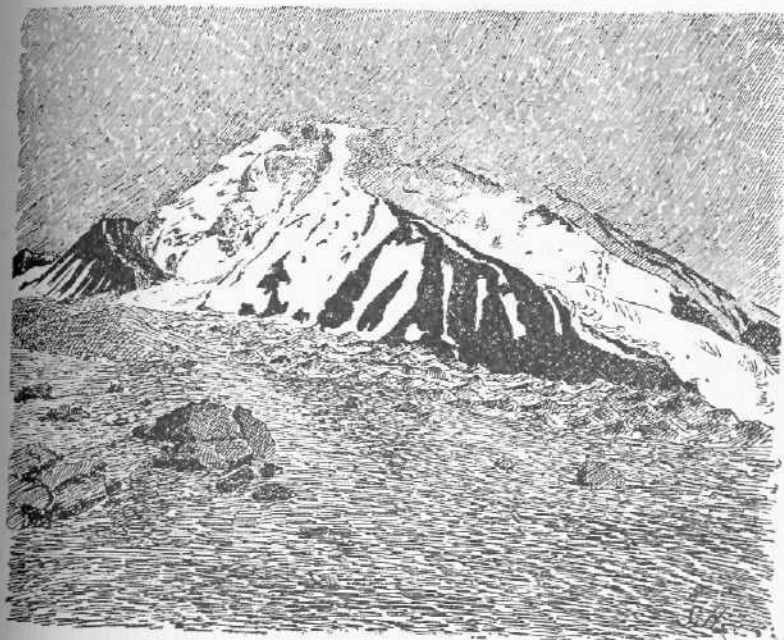
Между третьимъ отрогомъ скалъ и той областью Мустагъ-аты, по которой мы странствовали въ апрѣлѣ, врѣзывается глубокая, рѣзко очерченная впадина. По ней движутся ледники Сарымехъ и Кемпиръ-кышлакъ, раздѣляющіеся мощной одѣтой снѣгомъ стѣной скалъ. Первый изъ названныхъ ледниковъ загроможденъ моренами, второй чистъ.

Наконецъ, на югѣ виднѣется перевалъ Улугъ-рабатъ, а на западѣ хребетъ Сары-коль съ рѣдкими снѣжными полями и пятнами, частью окутанный красивыми, бѣлыми облаками, рѣзко выступающими на фонѣ сине-стального холоднаго неба Памира.

Склонъ перевала очень крутъ, и мы ѣхали по руслу ручья,

питаемаго ледникомъ Сарымехъ и весело прыгающаго, образуя водопады, по своему каменистому ложу.

Покинувъ величественныя конечныя морены и перебравшись черезъ ручей, мы очутились на небольшомъ болотистомъ лугу, гдѣ набрали нѣсколько новыхъ растений. При нашемъ появленіи мирно пасшееся стадо дикихъ козъ или „киковъ“ сбѣжало въ горы. Затѣмъ мы перешли еще черезъ пять ручейковъ, питаемыхъ тающимъ снѣгомъ, между которыми шли къ

Видъ съ перевала Сарымехъ на ледники Сарымехъ и Кемпиръ-кышлакъ.
(Съ рисунка автора).

долинѣ Сары-коль длинныя, низкіе увалы, продолженіе горныхъ отроговъ, расходящихся подобно радіусамъ и раздѣляющихъ русла ледниковъ. Двое изъ людей, отправившихся впередъ съ караваномъ, уже разбили новый лагерь, нѣсколько пониже того мѣста, гдѣ мы стояли въ апрѣлѣ, на сочномъ, хорошо орошенномъ лугу, представлявшемъ отличное пастбище для нашихъ яковъ.

Вечеромъ пошелъ сильный снѣгъ, и на слѣдующее утро горы были одѣты тонкимъ снѣжнымъ покровомъ. Киргизы

сказали, что зима уже вступила въ горы, и что теперь со дня на день будетъ холоднѣе.

30 іюля и настала настоящая зима. Весь день шелъ снѣгъ: время отъ времени вьюга окутывала всю окрестность густыми облаками мелкой снѣжной пыли, такъ что не видно было ни признака горъ или лежащей въ глубинѣ долины. Было темно, холодно и неприятно, словомъ у Ямбулака-баши природа встрѣтила насъ такъ-же негостепрѣмно, какъ и въ апрѣлѣ. Нечего было и думать предпринимать въ этотъ день какия либо экскурсіи, — въ нѣсколькихъ шагахъ все уже было застлано снѣжной мглой. Пришлось прибѣгнуть къ зимнему облаченію, достать изъ тюковъ тулупы, мѣховыя куртки, шапки и валенки.

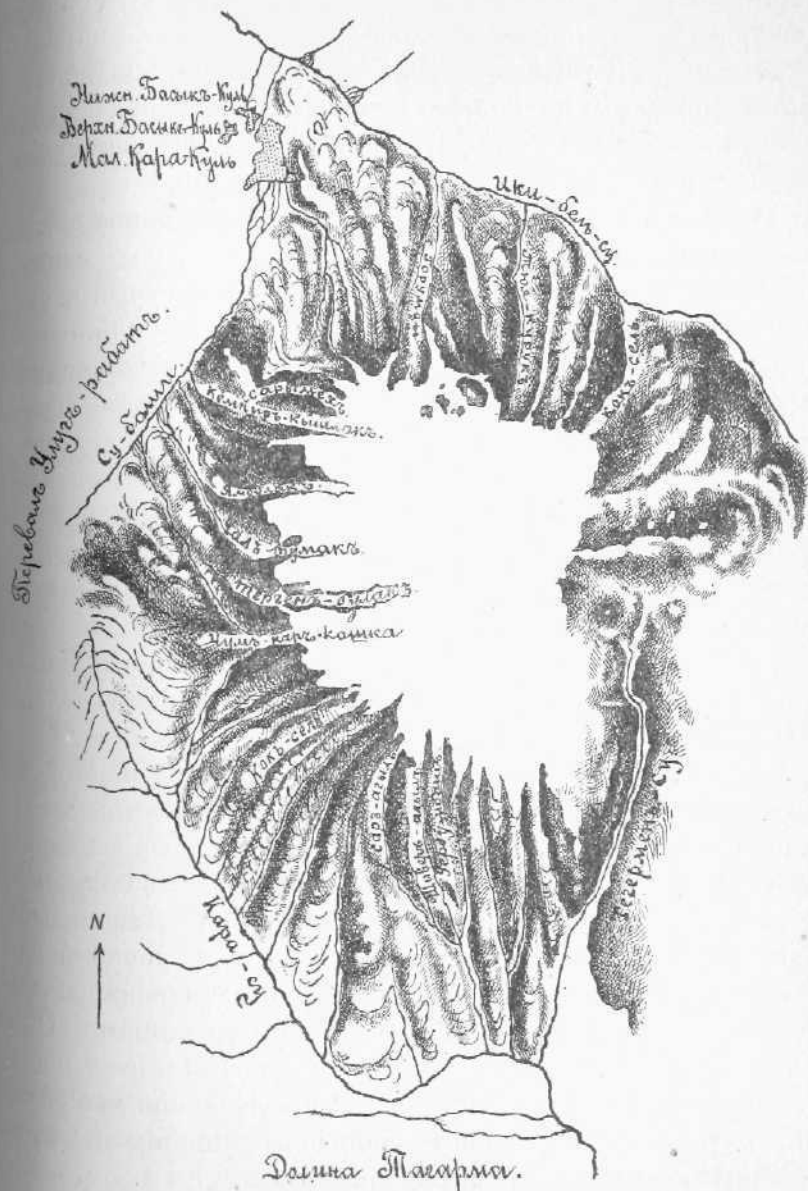
Чтобы избавиться отъ лишней возни, мы захватили съ собой лишь маленькую юрту, гдѣ я и провелъ весь день, за черченіемъ и писаньемъ, согрѣваясь время отъ времени стаканомъ чаю, люди-же, укутавшись въ тулупы, сидѣли на корточкахъ, въ защитѣ отъ вѣтра, около ближайшей гнейсовой глыбы, и слушали Моллу Ислама, читавшаго вслухъ изъ старой книжки со сказками. Когда вьюга усилилась, я впустилъ ихъ въ юрту, и чтеніе продолжалось.

Къ вечеру вьюга прекратилась, но тяжелыя сѣрыя облака неслись надъ долинами, осаждая на склонахъ снѣгъ.

Вечеромъ посѣтилъ насъ аксакалъ аула Ямбулакъ и съ полдюжины другихъ киргизовъ, которые явились привѣтствовать насъ въ своихъ мѣстахъ и поднесли намъ барана. Всѣмъ, по обычаю, предложили хлѣба и чаю, и гости были вознаграждены за барана. Погода прояснилась, и горы засіяли снѣжнымъ блескомъ, — насъ окружалъ настоящій зимній ландшафтъ.

Бѣлый покровъ, однако, не дохватывалъ до дна долины Сары-коль, гдѣ атмосферные осадки въ это время года падаютъ еще въ видѣ дождя.

31 іюля погода была сносная, и мы могли предпринять экскурсію на ледникъ Ямбулакъ. Поверхность его теперь вся бѣлѣла отъ покрывавшаго ее рыхлаго влажнаго снѣга; по льду уже весело журчали ручейки, имѣвшіе температуру 0,29°. Мы отправились на SO по неровной ледяной поверхности, вдоль правой боковой морены, имѣвшей мощность отъ 1 до 2 метровъ.

Долина Магарма.

Группа Мустагъ-ата.

(Съ наброска автора).

отъ нея къ центральной области ледника идутъ длинныя трюги въ видѣ заплетенныхъ косъ. Намъ попались два ледяныхъ стола (ледяныя ножки имѣли въ высоту до 3½ децим.)

и широкая и глубокая (2 м. ширины и 9.65 м. глубины) поперечная трещина; она чуть было не преградила намъ дальнѣйшаго пути, да, къ счастью, мѣстами была достаточно узка, такъ что можно было перейти черезъ нее. Въ бокахъ трещины ледъ отливалъ чистѣйшею лазурью, а на днѣ ея сугробами лежалъ снѣгъ.

Вообще ледъ повсюду былъ покрытъ тонкимъ слоемъ рыхлаго, влажнаго снѣжка, настоящею снѣжною слякотью, образовавшеюся частью изъ снѣжавыпавшаго снѣга, частью изъ стараго, подвергнувшагося развѣдающему вліянію атмосферы. Только въ изломахъ трещинъ, да на проталинахъ, по которымъ бѣжали ручейки, проглядывалъ чистый голубой ледъ. Эти весело журчащіе, хрустально-прозрачные ручейники никогда не принимаютъ большихъ размѣровъ, такъ какъ ихъ обыкновенно скоро поглощаютъ зіяющія трещины.

Когда мы прошли по леднику 400 м., что по нашимъ опредѣленіямъ составляло третью часть всей его ширины, намъ преградило путь непроходимое мѣсто, настоящій хаосъ ледяныхъ конусовъ, пирамидъ, трещинъ и ручейковъ, которые размывали себѣ глубокія русла подъ коварными ледяными сводами.

Если взглянуть съ этого пункта вверхъ на ворота, образуемая отвѣсными стѣнами скалъ, т. е. на востокъ, то окажется, что ледникъ замкнутъ съ трехъ сторонъ, а именно съ сѣвера, съ юга и запада, — спереди и съ обѣихъ боковъ. Тотчасъ по выходѣ изъ ущелья, онъ спускается съ значительной высоты, затѣмъ ползетъ по сильно выпуклой поверхности и поэтому въ нижнемъ своемъ теченіи весь перекоробленъ и изрѣзанъ безчисленными поперечными трещинами. Правая боковая морена доходитъ, однако, сюда. Состоитъ она изъ гнейсовыхъ и сланцевыхъ породъ, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. И тутъ мы видѣли нѣсколько ледниковыхъ столовъ: самый высокій покоился на ледяной ножкѣ въ 1.2 м. высоты и былъ сильно наклоненъ къ юго-западу, — съ этой стороны ледяная ножка всего сильнѣе подвергалась дѣйствию солнечныхъ лучей. Видѣли также ледяной колодезь съ очень узкимъ отверстиемъ, черезъ которое стекалъ внизъ ручеекъ; глубина колодца равнялась 16.3 метр., на днѣ его глухо журчала вода.

На обратномъ пути къ боковой моренѣ, гдѣ мы оставили яковъ, привязанными къ большому валуну, мы миновали мѣсто, гдѣ морена прерывается и открывается бокъ ледника. Образую уголь паденія въ 64° , бокъ этотъ имѣлъ высоту 12 м., и по его блестящей поверхности низвергалось множество рѣзвыхъ ручейковъ, сливавшихся около Ямбулакъ-баши. Нѣсколько маленькихъ моренныхъ лужицъ около края ледника отличались сѣровато-зеленымъ цвѣтомъ воды, имѣвшей температуру 0.46° .

Выступленіе ледника Ямбулакъ изъ ущелья. Видъ на востокъ.
(Съ рисунка автора).

Видъ ледника былъ на этотъ разъ совершенно иной, нежели въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Трещины казались не такъ глубоки, такъ какъ отчасти были наполнены обрушившимися продуктами вывѣтриванья, края ихъ не такъ остры, а линіи изломовъ въ общемъ болѣе мягки и округленны. Словомъ, ясно было, что ледникъ находится въ періодѣ усиленной дѣятельности, причемъ обычные факторы — атмосфера и вода стремились сгладить рѣзкія формы и заполнить углубленія.

Мы направились вдоль правой береговой морены къ мысу ледника, но не успѣли дойти туда, какъ поднялся сильный

вѣтеръ съ юга, и разразился хлеставшій намъ прямо въ лицо градъ, который принудилъ насъ искать убѣжища подъ нависшей глыбой. Градъ, какъ обыкновенно, сопровождался ливнемъ, и только, спустя часъ, удалось намъ продолжать путь.

Непосредственно передъ самою оконечностью мыса ледника мы сдѣлали привалъ. Тутъ въ безпорядкѣ громоздились одна возлѣ другой сильно вывѣтрѣлыя ледяныя пирамиды, увалы и глыбы. Впередъ были выдвинуты четыре настоящія горы изо льда — двѣ большія посреди и двѣ поменьше по бокамъ — испещренныя трещинами и словно нарочно выставленныя на съѣденіе солнцу, посылающему на нихъ съ юго-запада самыя сильныя лучи. Справа, черезъ ледниковыя ворота, всего въ 60 сант. высоты, кажуціяся поэтому лишь узкой щелью между основной мореной и льдомъ, течетъ ручеекъ; вода въ немъ мутно-сѣроватаго цвѣта отъ продуктовъ перетирания горныхъ породъ.

Масса маленькихъ ручейковъ журчитъ и звенитъ повсюду около устья ледника и между моренами; всѣ они сливаются въ рѣчку; прозрачно-хрустальныя струйки, едва въ палецъ толщиной, брызжутъ фонтанами и бѣгутъ каскадами съ вершины мыса ледника. О томъ, что ледникъ съ апрѣля мѣсяца, когда мы были здѣсь, подвинулся впередъ, свидѣтельствовала маленькая конечная морена, появившаяся около устья ледяной рѣчки.

Вечеромъ сильный градъ принялся хлестать горныя склоны; градъ такъ барабанилъ по кровлѣ юрты, что принудилъ насъ заткнуть дымовое отверстіе и загасить костеръ. Градины имѣли около 7 милим. въ діаметрѣ; градъ сопровождался снѣгомъ, падавшимъ густыми, большими хлопьями и снова покрывшимъ морены и склоны горъ холоднымъ бѣлымъ ковромъ. Джолдашъ, неусыпно сторожившій входъ въ юрту, жалобно вылъ на морозѣ. Непогода неунималась и весь слѣдующій день 1-го августа, но большую часть дня шелъ дождь и снѣжный покровъ исчезъ; выйти, однако, такъ и не удалось и я цѣлый день просидѣлъ дома, работая надъ картами.

2 августа посвятили ледникамъ Кемпиръ-кышлакъ. Меньшій изъ нихъ прерывается на значительной высотѣ. Конечная морена его достигаетъ 250—300 м. высоты и скорѣе является щебневымъ конусомъ, такъ какъ продукты вывѣтриванья по-

немногу обрушиваются или сползаютъ внизъ по крутымъ здѣсь склонамъ горы. Склонъ мореннаго конуса падаетъ подъ угломъ $35\frac{1}{2}^{\circ}$.

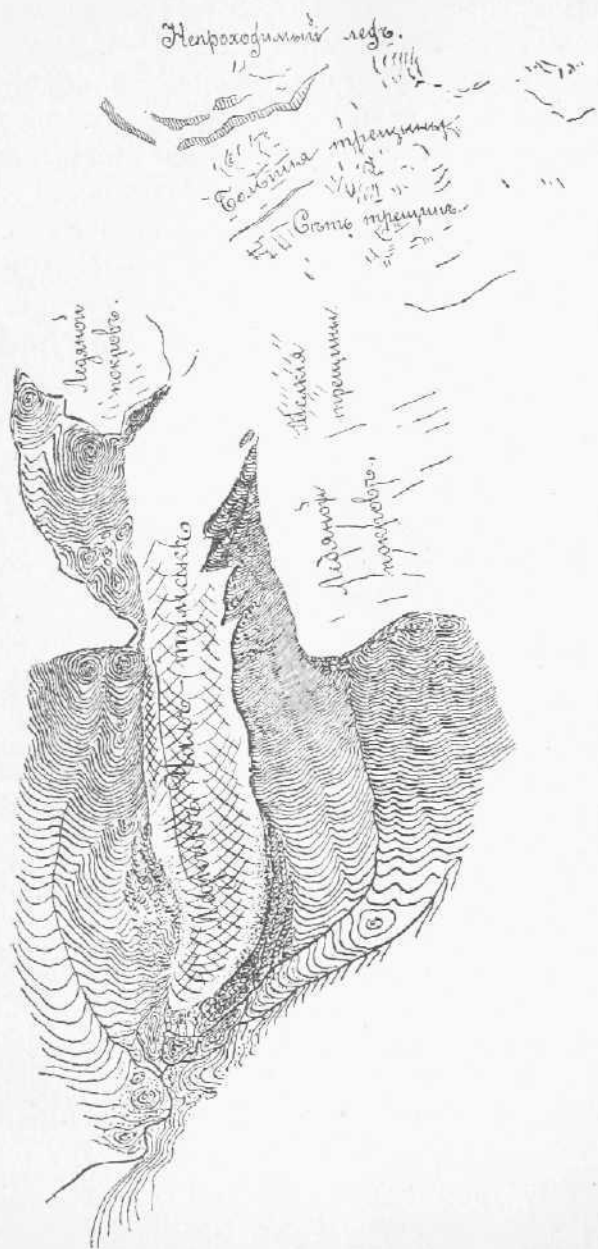
Предстояло взобраться на большой ледникъ Кемпиръ-кышлакъ. Мы направились по моренамъ, идущимъ вдоль лѣваго его берега. Подъемъ былъ такъ крутъ, что пришлось сойти съ яковъ и продолжать путь пѣшкомъ; такъ мы достигли скалы изъ кристаллическаго сланца, находящейся у лѣваго края ледниковыхъ воротъ. Небо было все затянуто облаками; опять пошелъ градъ, но ему не удалось выбѣлить почву, такъ какъ градины съ трескомъ скатывались въ безчисленныя трещины и впадины въ моренѣ; когда-же градъ прекратился, мокрые камни быстро высохли въ сухомъ воздухѣ.

Мысъ ледника, вдающійся въ долину, напоминаетъ формой длинную, узкую, плоскую ложку, повернутую ручкой внизъ и всюду окаймленную моренами. Поверхность ледника на всемъ его протяженіи въ общемъ довольно ровная, плоско-волнистая. Здѣсь не видно было поперечныхъ трещинъ, но, напротивъ, нѣсколько очень длинныхъ и узкихъ продольныхъ, тянувшихся по срединѣ мыса, весь-же лѣвый берегъ ледника былъ точно въ зазубринахъ отъ краевыхъ трещинъ. Сойдя на ледъ, мы могли воочию убѣдиться въ томъ, какъ образуются боковыя морены. Стоило сдѣлать одинъ шагъ, чтобы скатиться на двадцать по рыхлымъ продуктамъ вывѣтриванья, которые образуютъ здѣсь оползни.

Какъ только мы миновали краевыя трещины, открылся удобный путь по льду, покрытому толстымъ слоемъ снѣга. Последній зато скрывалъ продольныя трещины, которыхъ мы и остерегались, ощупывая путь палками. Массивная гнейсовая глыба, въ 4 куб. м., тяжестью своей вдавилась въ ледъ вмѣсто того, чтобы образовать ледниковый столъ. Было пройдено 600 м., когда путь намъ преградила трещина въ 4 м. шир. и 13.6 м. глуб.; стѣны ея отливали темно-голубымъ цвѣтомъ и были украшены длинными ледяными сталактитами. Самъ ледникъ имѣлъ въ ширину $1\frac{1}{2}$ километра.

3 августа мы снова отправились на ледникъ Ямбулакъ, чтобы поставить измѣрительныя шесты, по которымъ мы, спустя извѣстный срокъ, могли опредѣлить скорость поступательнаго движенія ледника. Нелегко было добыть

шесть, годные для такой пѣли. Во всей Сары-кольской долинь

Ледникъ Чалъ-тумакъ.
(Съ наброска автора).

щенно непроходима и образовывала горбъ сравнительно съ

не было другихъ деревьевъ, кромѣ кучи кривыхъ чахлыхъ березокъ, около Каинды-мазара, которыхъ къ тому-же, разумѣется, нельзя было трогать, такъ какъ онѣ сбѣняли могилу святого. Наконецъ, Техимъ-баю удалось добыть связку жердей, какія употребляются для остова кровли юрты.

На этотъ разъ мы прошли по льду 529 м. и вбили 9 жердей, частью между камнями моренъ, частью въ самый лёдъ; мѣсто-нахожденіе жердей было обозначено на картѣ (масштабъ 1: 4,480). Установить ихъ цѣпью поперекъ теченія ледника, какъ мы хотѣли, оказалось невозможнымъ, такъ какъ вся лѣвая половина ледяного потока была совер-

правой. Причина этого въ томъ, что лѣвая половина ледника на всемъ протяженіи между вертикальными стѣнами скалъ находится въ тѣни выступовъ лѣвой стѣны, не позволяющихъ ни единому лучу солнца озарить и согрѣть эту часть ледяной рѣки, пока она не выйдетъ изъ горъ.

Правая половина, напротивъ, вся на солнцѣ, и таяніе льда идетъ здѣсь несравненно быстрѣе, что ясно и отражается на формѣ ледника даже послѣ того, какъ онъ выступаетъ изъ ущелья: правая половина ледниковаго потока заходитъ въ долину почти на 40 м. дальше лѣвой. По выступленіи изъ воротъ ледяная рѣка становится вдвое, втрое шире и во столько-

Правая боковая морена ледника Ямбулакъ.
(Съ фотографіи автора).

же разъ тоньше. Площадь таянія такимъ образомъ еще увеличивается, и ледяной потокъ быстро суживается опять, такъ что оконечность ледниковаго мыса очень узка. Абсолютная высота равнялась здѣсь 4,690 м.

Обычный градъ разразился около 4-хъ часовъ дня. Сначала гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ легкія облачка неслись, словно паръ, надъ долиной, глубоко подъ нашими ногами, затѣмъ они быстро поднялись по склонамъ горъ и сразу окутали насъ густою пеленою. Стало холодно и темно, градъ хлесталъ о лёдъ; оставалось только искать защиты отъ вѣтра за высо-

кой ледяной пирамидой и переждать. Поздно, усталые и замерзшіе вернулись мы въ лагерь.

Слѣдующій день, для разнообразія, подарилъ намъ прекрасной погодой, и мы совершили чудесную экскурсію на ледникъ Кемпиръ-кышлакъ, — намъ осталось еще изслѣдовать его правый берегъ. Оказалось, что отъ ледника отдѣляется мощный рукавъ, который почти достигаетъ лѣвой береговой морены ледника Сарымеха, а кромѣ того образуетъ высокой (30 м.), почти отвѣсный ледяной утесъ, отличающійся чистотой и прозрачностью. Сколько нибудь значительныхъ конечныхъ моренъ здѣсь нѣтъ; кое-гдѣ только разбросаны глыбы гнейса и блестящаго сланца; мощность самой большой изъ нихъ равнялась 24 куб. метр. Эта зачаточная конечная морена складывается изъ рѣдко разбросанныхъ по поверхности ледника глыбъ.

Около устья ледника зялъ черный гротъ въ 4 м. высотой и 3 м. глубиной; происхожденіемъ онъ былъ, вѣроятно, обязанъ болѣе быстрому нагрѣванію здѣсь поверхности. Съ края ледника низвергались четыре ручейка изъ растаявшаго снѣга, и множество мелкихъ струекъ, разсыпавшихся прелестными каскадами. Самый крупный изъ нихъ имѣлъ 20 м. высоты, причѣмъ такъ врѣзался въ ледъ, что падалъ не съ самой вершины мыса. Другой врѣзался въ ледъ на цѣлыхъ 6 м., и такъ какъ русло его во льду было уже затянута сверху тонкой ледяною корой, то похоже было, что струя бьетъ изъ отверстия въ ровной стѣнѣ. Красиво было глядѣть на большой каскадъ, стекавшій точно по какому-то жолобу во льду и затѣмъ рассыпавшійся на тысячи жемчужныхъ брызгъ, блестящихъ на солнцѣ.

Ледъ здѣсь повсюду былъ пористый, какъ губка, и очень пластичный; изъ него можно было скатывать колобки, точно изъ снѣга. Со всѣхъ сторонъ слышалось журчанье, со всѣхъ сторонъ бѣжали, извивались, брызгали струйки. Ледъ шелъ навстрѣчу своей гибели, спускаясь въ пояса, климата которыхъ не выдерживаетъ. Внизу, около устья ледника, лежали большія, разбившіяся ледяныя глыбы и кучи обломковъ обрушившагося крайне пористаго и быстро тающаго льда. Когда упомянутый выше гротъ будетъ углубленъ достаточно, и покоящаяся надъ сводомъ его ледяныя массы окажутся слишкомъ

тяжелыми для послѣдняго, сводъ обрушится вмѣстѣ съ ними и ускоритъ уничтоженіе оконечности мыса ледника.

Мы обогнули ледниковый мысъ и стали подыматься по правому его берегу. Не далеко отъ мѣста, гдѣ одинъ изъ каскадовъ съ шумомъ ниспадалъ въ лужу, образованную имъ-же самимъ около подошвы ледника, Кемпиръ-кышлакъ подходит такъ близко къ моренѣ своего сосѣда, Сарымеха, что еле можно пробраться сквозь отдѣляющій ихъ другъ отъ друга узкій проходъ.

Ледникъ спускается здѣсь подъ угломъ въ $25\frac{1}{2}^{\circ}$, т. е. необычайно крутъ въ сравненіи съ альпійскими глетчерами, уголъ паденія которыхъ въ нижнихъ поясахъ часто не достигаетъ 1° .

Оба сосѣда ледника сходятся подъ прямымъ угломъ, между ними бѣжитъ съ горъ, раздѣляющихъ ихъ фирновые области, ручей; послѣдній заноситъ пространство между ними щебнемъ и иломъ, поростающимъ травой и образующимъ пастбища для дикихъ козъ.

И у ледника Кемпиръ-кышлакъ, какъ у ледника Ямбулакъ, лѣвая половина ледяного потока оказалась гораздо выше правой и была окаймлена колоссальными моренами, тогда какъ правая почти не имѣла морены. Такое соотношеніе ясно доказываетъ, что ледяной потокъ жметъ ближе къ лѣвому скалисту берегу, съ силой надавливая на подножье горы и уносить продукты распада. На лѣвой сторонѣ такимъ образомъ ледъ лежитъ подъ мореной, а на правой морены подо льдомъ.

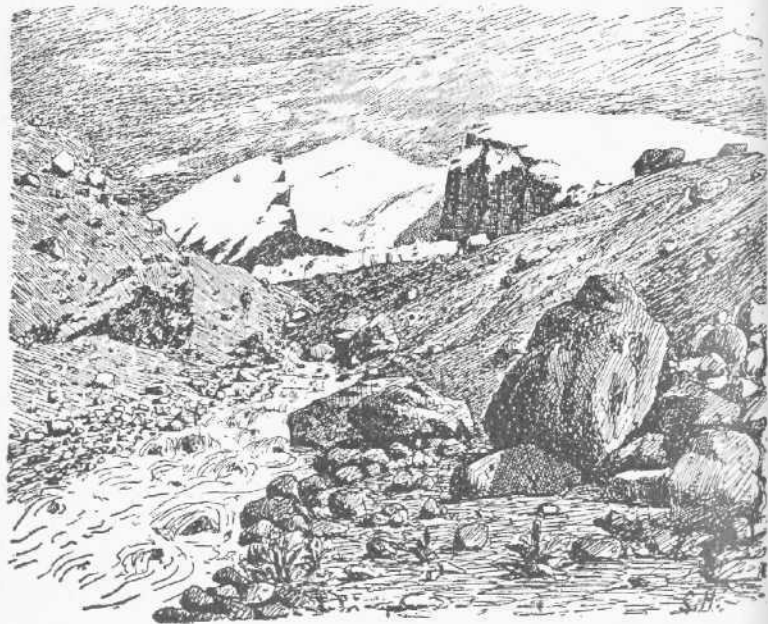
XIV.

Восхожденія на Мустагъ-ату.

Во время пребыванія на этой значительной высотѣ, уступавшей немногимъ изъ альпійскихъ вершинъ, мы все время стерегли удобный случай поймать Мустагъ-ату врасплохъ и взобраться на нее. Но погода все ставила намъ препятствія. То шелъ снѣгъ, то градъ, то дугъ пронизывающій сѣверный вѣтеръ, отнимавшій всякую охоту стремиться въ высшія сферы, гдѣ вѣтеръ взвивалъ снѣгъ столбомъ.

Бывало, что солнце улыбалось на минуту съ яснаго неба, но въ слѣдующую погоду портилась и разстраивала всё наши планы. Бывало нѣсколько разъ, что мы уже навьючивали яковъ, дѣлили ручной багажъ между носильщиками и готовились выступить, какъ вдругъ начинался вѣтеръ и позволять намъ совершить, чтобы день не совсѣмъ пропалъ даромъ, лишь небольшую экскурсію на ледники.

Такъ продолжалось до 5-го августа. Мы уже успѣли убѣдиться, что на этой высотѣ зима — ранній гость и что вре-

Мустагъ-ата, ледникъ Ямбулакъ и вытекающій изъ него ручей.

Видъ на востокъ.

(Съ рисунка автора).

мени у насъ въ запасѣ немного, и поэтому рѣшили на слѣдующій день быть готовыми во что-бы то ни стало отправиться въ походъ. 5-го августа посвятили отдыху, и въ юртѣ царствовала торжественная тишина. Наши яки за послѣднее время сильно изнурились и пришлось отправить ихъ вмѣстѣ съ ихъ хозяевами обратно, а Исламъ добылъ нѣсколькихъ свѣжихъ отличныхъ животныхъ. Сѣдла, палки съ желѣзными наконечниками, канаты, веревки, продовольствіе, приборы — все было приготовлено съ вечера.

Погода весь день стояла хорошая, но въ сумерки начался обычный градъ и вѣтеръ. Вершина Мустагъ-аты, только что ослабительно сіявшая своимъ свѣжнымъ вѣнцомъ, окуталась густыми облаками, а вечеромъ духи вѣтра начали бѣшеный хороводъ вокругъ одного изъ высочайшихъ троновъ божества вѣтра.

Оставивъ Исламъ-бая сторожить лагерь, я выступилъ 6 августа въ 6½ ч. утра съ Гехимъ-баемъ, Молла Исламомъ, тремя другими киргизами и семью превосходными яками.

День выдался чудесный, совершенно ясный, такъ что отъ самой подошвы видны были всё очертанія Мустагъ-аты, до мельчайшихъ подробностей, а самая вершина казалась близехонько; склоны заслоняли выступы и отроги, что и вводило въ заблужденіе. Въ воздухѣ не шелохнулось, на небѣ не было ни единого облачка.

Мы отправились сначала черезъ Ямбулакъ-баши, медленно подымаясь по склону подъ лучами восходящаго солнца, потомъ дорога пошла по крутизнамъ въ тѣни до тѣхъ поръ, пока солнце не поднялось такъ высоко, что стало свѣтить намъ прямо въ лицо.

Подвигались впередъ пока еще быстро, и въ 7 ч. 10 м. достигли высоты 4,500 м. Крутые склоны были всюду покрыты продуктами вывѣтриванья горныхъ породъ, которыя выше мы находили *in situ*. Щебень былъ насыпанъ такъ густо, что убивалъ всякую растительность. Тутъ пришлось оставить двухъ яковъ, которые безпрестанно останавливались и задерживали насъ. Вѣхавшіе на нихъ киргизы пошли нѣшкомъ, по очереди ведя моего большого, чудеснаго яка, который безъ усилія пробирался между кучами щебня.

Въ 8 ч. мы были на высотѣ Монблана и, немного спустя, достигли на высотѣ 4,950 м. снѣговой линіи. Вначалѣ снѣгъ попадался небольшими клоками между кучами щебня, затѣмъ разостлался сплошнымъ ковромъ, изъ подъ котораго кое-гдѣ проглядывали отдѣльные камни. Снѣгъ былъ мелкозернистый и плотный, но безъ наста. Только, когда мы поднялись еще метровъ на 200 выше, снѣговой покровъ оказался покрытымъ тонкой, твердой корой; мягкая кожаная обувь моихъ людей не оставляла на ней никакихъ слѣдовъ; настъ только слегка похрустывалъ, но животные ни разу не поскользнулись.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ снѣгъ становился глубже, но особенно большихъ сугробовъ еще не встрѣчалось.

Ледникъ Тергенъ-булакъ.
(Съ рисунка автора).

Толщина снѣгового покрова отъ нѣсколькихъ сантиметровъ возросла до одного дециметра, а на самой высшей, достигнутой пока нами, точкѣ пала опять до 35 сантим. Причинами, мѣшаю-

щими образованію большихъ сугробовъ являются обычный здѣсь сильный вѣтеръ, усиленное испареніе и легко обнажающаяся вѣтрами куполовидная форма рельефа. Снѣгъ сверкалъ на солнцѣ тысячами искръ и я, несмотря на консервы съ двойными стеклами, сильно страдалъ отъ этого блеска, разлитого повсюду кругомъ. Люди мои, у которыхъ совсѣмъ не было очковъ, жаловались, что у нихъ все вертится, а временами и совсѣмъ темнѣетъ въ глазахъ.

Приходилось все чаще и чаще дѣлать передышку. Я, пользуясь остановками, дѣлалъ наброски, производилъ измѣре-

Лѣвая (южная) скалистая стѣна ледника Имбулакъ.
На заднемъ планѣ боковая морена.
(Съ фотографіи автора).

ни съ компасомъ и ориентировался. Мы слѣдовали непосредственно по краю высокой скалистой стѣны, откуда намъ открывался чудный видъ на весь ледникъ въ глубинѣ. Выше, въ ущельѣ, гдѣ оба его скалистые бока постепенно понижаются (по сравненію съ поверхностью ледника), нѣсколько расходятся, и въ концѣ концовъ сливаются съ округленнымъ гребнемъ, соединяющимъ обѣ высочайшія вершины группы Мустагъ-ата, ясно видѣлось фирновое поле.

По серединѣ теченія ледяной рѣки преобладаютъ продольныя трещины. Самыя большія идутъ въ ущельѣ, между скалистыми стѣнами, и доходятъ до оконечности ледяного мыса.

Продольныя трещины часто пересекаются поперечными, которыхъ особенно много въ трехъ пунктахъ, гдѣ ледъ сползаетъ по уступамъ, вслѣдствіе чего поверхность льда разбивается на цѣлую систему прямоугольниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещины образуютъ расходящіяся линіи, постепенно суживаясь отъ центра къ краямъ.

Ширина ледника въ ущельѣ, пожалуй, едва равняется 1 килом. и вообще на всемъ протяженіи сохраняетъ приблизительно одну и ту-же среднюю ширину. Онъ кажется гораздо круче, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; объясняется этотъ обманъ зрѣнія тѣмъ, что фирновое поле мы видимъ высоко надъ собою, а мысъ ледника въ глубинѣ, и разстояніе между этими двумя точками кажется совсѣмъ незначительнымъ въ ясномъ и прозрачномъ горномъ воздухѣ.

На отвѣсныхъ стѣнахъ скалъ, вздымающихся надъ поверхностью ледника почти на 400 м., нѣтъ никакихъ паранивъ или слѣдовъ стачиванья камней. Это и не удивительно, — если-бы они и существовали прежде, то давно могли быть сглажены процессомъ вывѣтриванья, который въ этихъ областяхъ по причинѣ рѣзкихъ переѣнъ температуры, идетъ энергично и безостановочно. Та часть горы, по которой мы пробирались, имѣла зубчатый, точно весь въ зазубринахъ, край; выступы и выемки чередовались другъ съ другомъ, но движеніе льда было ни при чемъ въ ихъ образованіи, которымъ они обязаны исключительно процессу вывѣтриванья.

Склонъ горы спускается къ равнинѣ Су-баши подъ угломъ въ 22°, поэтому подъемъ сильно давалъ себя чувствовать въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ. Снѣгъ становился какъ будто все чище и ослѣпительнѣе; настъ весело похрустывалъ подъ ногами. Мы тихо подвигались впередъ, минуя одинъ уступъ за другимъ, строго слѣдуя за контурами края скалистой стѣны; передъ нами все развертывались новыя перспективы такихъ-же скалъ и уступовъ.

На высотѣ 5,100 м. Молла Исламъ и двое другихъ киргизовъ оставили своихъ яковъ, увѣряя, что лучше идти пѣшкомъ. Они не прошли, однако, болѣе 200 м., какъ въ изнеможеніи, жалуясь на сильную головную боль, упали на снѣгъ и заснули мертвымъ сномъ.

Я продолжалъ путь съ двумя остальными киргизами и

двумя яками. Моего яка постоянно велъ одинъ изъ людей, которые чередовались между собой; свободный изъ нихъ ѣхалъ на другомъ якѣ. Они также жаловались на страшную головную боль и почти задохались. Я чувствовалъ себя хорошо, если не считать ломоты въ головѣ, которая все усиливалась по мѣрѣ подъема; одышку-же я чувствовалъ только, когда слѣзалъ съ яка и принимался за наблюденія. Когда надо было опять влѣзть на сѣдло, я готовъ былъ задохнуться отъ этого небольшого усилія, и у меня начиналось сильнѣйшее сердцебиеніе. Зато движенія яка, становившагося все упрямѣе и подвигавшагося все съ большими усиліями, не причиняли мнѣ никакихъ непріятныхъ ощущеній.

На менѣе значительныхъ высотахъ Демавенда я страдалъ гораздо больше, но туда я взбирался пѣшкомъ, а все дѣло въ томъ, чтобы по возможности меньше утомлять себя и ѣхать верхомъ. Если это возможно, то даже очень значительныя высоты достигаются безъ особенно болѣзненныхъ ощущеній. Вотъ и теперь, всѣ киргизы чувствовали себя плохо, нѣкоторые заявляли даже, что того и гляди умрутъ, я же все время чувствовалъ себя сравнительно бодрымъ. Люди мои не послушались моего совѣта, оставили своихъ яковъ и утомили себя карабканьемъ по крутизнамъ, такъ что уже не въ силахъ были бороться съ расслабляющимъ вліяніемъ разрѣженного воздуха.

Между тѣмъ поднялся свѣжій вѣтеръ съ SW, мелкій снѣгъ закрутило вихрями, небо покрылось тучами. Мы всѣ такъ утомились, что рѣшили сдѣлать привалъ. Достали хлѣбъ, чай, топливо, чтобы развести костеръ, но стоило намъ взглянуть на ѣду, чтобы насъ затошнило; такъ никто ничего и не взялъ въ ротъ. Насъ только мучила жажда, и мы все глотали снѣгъ; даже яки проглатывали большіе комки.

Видъ съ высоты 6,300 м. былъ поистинѣ восхитительнымъ и величественнымъ. Намъ открывалось, черезъ хребетъ Сары-колъ, все пространство до самаго Заалайскаго хребта и живописныхъ снѣговыхъ горъ Мургаба. Изъ ближайшихъ частей хребта Сары-колъ, повидимому, только нѣсколько вершинъ превышаютъ высоту 5,000 м., но въ хребтѣ Мусъ-тагъ, сѣверномъ продолженіи Мустагъ-аты, есть нѣсколько вершинъ, которыя мало уступаютъ самому „отцу ледяныхъ горъ“.

Долина Сары-колъ развертывалась внизу, какъ на ладони.

Видно было все пространство отъ Улугъ-рабата до Булюнъ-кули. Всѣ озера, кромѣ верхняго Басыкъ-куля, заслоненнаго группой скалъ, сіяли голубовато-зелеными стеклами въ сѣрой оправѣ моренъ, но казались отсюда крошечными лужицами. Ямбулакъ указывалъ своимъ ледянымъ пальцемъ на долину, а далеко впереди него виднѣлись полукружія его старыя конечныхъ моренъ.

Ниоткуда также не могли быть лучше видны ледяные потоки и выпаянныя ими глубокія борозды въ горныхъ склонахъ. Мощные потоки ледниковъ Ямбулака и Чумъ-каръ-кашки, идутъ параллельно до самаго ложа долины, покрытаго стальносѣрыми отложениями этихъ потоковъ.

Вверху виднѣлись еще четыре отрога скалъ, а за ними сѣверная вершина Мустагъ-ата, казавшаяся намъ совѣтъ близехонько и охваченная до самой высшей точки фирновымъ кольцомъ, представлявшимъ намъ въ перспективѣ плоскимъ.

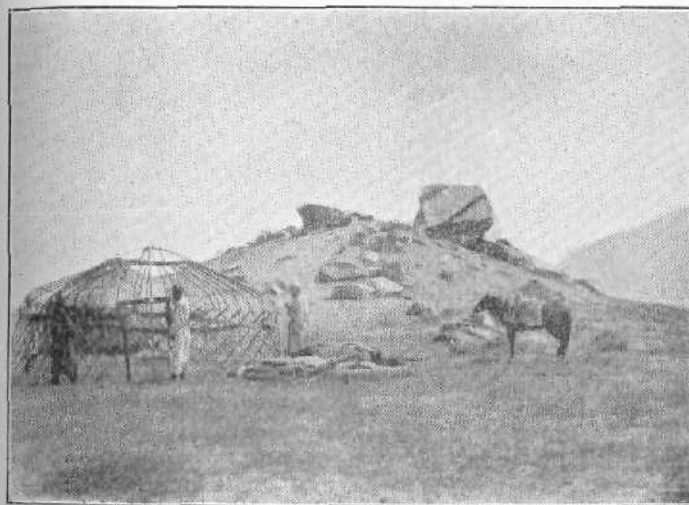
Мы стали держать военный совѣтъ. День клонился къ концу, и становилось холодно (-10.7° въ 4 ч. дня); киргизы были такъ изнурены, что не могли идти дальше; яки нытѣли, высунувъ языки; мы находились какъ разъ у подошвы куполовидной возвышенности, которая постепенно переходитъ въ плоскую макушку вершины. На склонахъ ея снѣгъ лежалъ еще болѣе толстыми плотными слоями, а трещины и оползни указывали на возможность образованія лавинъ.

Киргизы предостерегали отъ восхожденія по этимъ крутымъ, готовымъ обрушиться снѣжнымъ склонамъ, гдѣ яки своей тяжестью легко могли произвести обвалъ, и мы тогда, скорѣе, чѣмъ желательно, очутились бы внизу, но въ довольно жалкомъ видѣ. Люди мои говорили, что внизу изъ долины видали иногда такіе обвалы на этихъ склонахъ.

На высотѣ, на которой находились мы, снѣговой покровъ прикрываетъ большею частью скалистую почву и щебень, который часто показывался въ слѣдахъ, оставляемыхъ яками. Только вдоль самаго края скалы подъ снѣгомъ шелъ ледъ, и съ обрыва свѣшивались надъ поверхностью ледника длинныя ледяные сталактиты. На вершинѣ противоположной южной стѣны скалъ, напротивъ, подъ снѣгомъ повсюду былъ голый голубой чистый ледъ, облекавшій гору словно броней, плотно заполняя всѣ углубленія.

Съ грустью рѣшился я вернуться, и мы быстро заскользили внизъ по старымъ своимъ слѣдамъ, переходя все въ болѣе теплые и мягкіе слои воздуха, подобравъ по пути оставшихъ людей и яковъ, которые такъ и не двигались съ того мѣста, гдѣ мы ихъ оставили, и благополучно достигли лагеря около семи часовъ вечера. Въ лагерѣ уже ожидало насъ нѣсколько друзей-киргизовъ съ приношеніями съѣстныхъ припасовъ.

Помимо того, что эта экскурсія помогла намъ отлично ориентироваться, дала возможность произвести много наблю-

Наша юрта около Ямбулакъ-баши.

(Съ фотографіи автора.)

деній, она научила насъ, что вслѣдствіе значительности самаго разстоянія, отдѣляющаго насъ отъ сѣверной вершины группы Мустагъ-аты, однодневный срокъ оказывается недостаточнымъ для ея достиженія, и что единственно вѣрнымъ средствомъ будетъ раздѣлить экскурсію на два дневныхъ перехода, переночевать въ юртѣ первую ночь на значительной высотѣ, а на слѣдующее утро съ свѣжими яками и легкимъ багажомъ продолжать путь до вершины. Киргизы и Исламъ-бай вполне одобрили этотъ планъ и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлать такую попытку.

Намъ, однако, предстояло еще изслѣдовать три боль-

шихъ ледника дальше къ югу, и мы 8 августа перенесли стоянку къ Тергенъ-булаку.

Я съ Исламъ-баемъ сдѣлалъ обходъ вдоль лѣваго края подошвы горы. Мы хотѣли сначала видѣть русло питаемой ледникомъ Ямбулака горной рѣчки въ томъ мѣстѣ, гдѣ она принимаетъ всѣ свои притоки. Тамъ, гдѣ мы перешли черезъ нее, она имѣла 10.3 м. ширины и 0.35 м. глубины (максимумъ); скорость ея теченія равнялась 2.2 м. въ секунду, а температура 5.7°.

По обоимъ берегамъ возвышались колоссальныя морены, состоящія частью изъ глыбъ гнейса и кристаллическаго сланца, величиною отъ 140 куб. м., частью изъ мелкихъ обломковъ, цементомъ въ которыхъ служила ледниковая глина, не отличавшаяся однако, слоистостью.

Своимъ быстрымъ теченіемъ рѣчка подмыла самыя большія глыбы, которыя, обрушившись въ русло, и заставляютъ рѣчку образовывать водопады.

Нелегко поэтому перейти черезъ нее съ яками; вода такая мутная, что не видно, куда ступаютъ животныя, и часто, когда якъ попадетъ ногами между двумя большими глыбами, кажется, что онъ вотъ-вотъ исчезнетъ съ тобой въ этой kloкочущей пѣнѣ. Поэтому чувствуешь большое облегченіе очутившись на другомъ берегу. На востокѣ открылся чудесный видъ на бѣлый мысъ ледника, врѣзавшійся между грядями гигантскихъ моренъ.

Отъ оконечности мыса мы поднялись по лѣвой боковой моренѣ до того мѣста, гдѣ ледникъ выступаетъ изъ ущелья. Здѣсь боковая морена состоитъ исключительно изъ колоссальныхъ гнейсовыхъ валуновъ; большинство изъ нихъ величиною около 100 куб. м. Стѣна скалъ, напротивъ, состоитъ изъ твердаго, темнаго, кристаллическаго сланца; уголъ его паденія равняется 21° NNO. Такимъ образомъ морена образовалась изъ породъ, находящихся въ высшихъ поясахъ. О томъ, что нижнія скалы ни при чемъ въ образованіи морены, свидѣтельствуетъ кромѣ того находящаяся между скалами и мореной впадина, съ боками, усыпанными щебнемъ, которая мѣшаетъ льду придти съ соприкосновеніемъ со стѣной.

Пробираться по этому лабиринту валуновъ было не легко; яки совсѣмъ не могли пройти тутъ, и Моллѣ Исламу при-

шлоось отправиться съ ними окольной дорогой, чтобы встрѣтить меня у подошвы морены.

Одинъ съ вѣрнымъ Джолдашемъ продолжалъ я путь, то полакомъ, то пѣшкомъ, балансируя по краямъ глыбъ, между которыми шли темные, узкіе проходы, скорѣе просто щели; въ глубинѣ ихъ журчали ручейки изъ тающихъ снѣговъ. Разъ таки я скатился съ глыбы и завязъ въ такой щели ногой, такъ что пришлось разуться, чтобы вытащить сапогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я предпочиталъ шлепать по водѣ между глыбами. Немудрено, что я почувствовалъ большое облегченіе, выбравшись, наконецъ, изъ этого мрачнаго и опаснаго лабиринта, въ которомъ безъ компаса легко заблудиться.

Но, когда я, послѣ многихъ приключеній, очутился на холмѣ около подножья морены, оказалось, что Джолдашъ остался на огромной глыбѣ и жалобно вылъ, не рѣшаясь двинуться ни взадъ, ни впередъ. Наконецъ, онъ всетаки исчезъ за глыбой, и я услышалъ плескъ и барахтанье въ водѣ. Затѣмъ, онъ присоединился ко мнѣ, прихрамывая на одну ногу, видимо довольный тѣмъ, что выбрался, и въ то же время обиженный, что я заманилъ его въ такія мѣста.

Послѣ небольшого перехода по луговому склону, прорѣзанному холоднымъ ручейкомъ, мы достигли мыса ледника Чаль-тумака, спускающагося подъ угломъ 24.9°. Поверхность его черна отъ щебня, изъ котораго торчатъ отдѣльныя бѣлыя пирамиды льда; край-же ледника блеститъ сталью.

Въ сумерки мы достигли новаго нашего лагеря, гдѣ все уже было въ порядкѣ; по близости находился аулъ (ауль или кочевье) изъ четырехъ юртъ. Старшина, бекъ Тогда-бай, славный таджикъ, важнаго вида, тотчасъ-же явился съ визитомъ и сообщилъ, между прочимъ, что ауль имѣетъ всего 25 жителей, что одна юрта принадлежитъ семейству таджиковъ (арійское племя, говорящее на персидскомъ языкѣ), а три остальные найманъ-киргизамъ, и что они круглый годъ проводятъ въ этой мѣстности, лишь мѣняя яйлаки, — гдѣ поживутъ мѣсяць, гдѣ два. Зимой здѣсь бываетъ ужасно холодно, снѣгу выпадаетъ много, и овцамъ трудно бываетъ находить подножный кормъ. Послѣ продолжительнаго снѣга, накопившихся громадные запасы его сползаютъ по бокамъ горъ въ видѣ лавинъ, увлекаая за собой камни и щебень.

Симпатичный старикъ принесъ намъ барана и кувшинъ молока и выразилъ полную готовность доставить намъ все нужное, жалѣя лишь о томъ, что по причинѣ своихъ преклонныхъ лѣтъ, не можетъ сопровождать насъ въ нашихъ экскурсіяхъ въ горы. Онъ тоже рассказалъ намъ старинное преданіе о восходившемъ на Мустагъ-ату шейхѣ, видѣвшемъ тамъ бѣлобородаго старца и бѣлаго верблюда и принесшемъ оттуда большой желѣзный котелъ, который теперь хранится въ мазарѣ въ долинѣ Шинди. Мы долго бесѣдовали о предполагавшихся новыхъ экскурсіяхъ, и старикъ отправился въ обратный путь, въ свое одинокое жилище среди моренъ, только поздно вечеромъ.

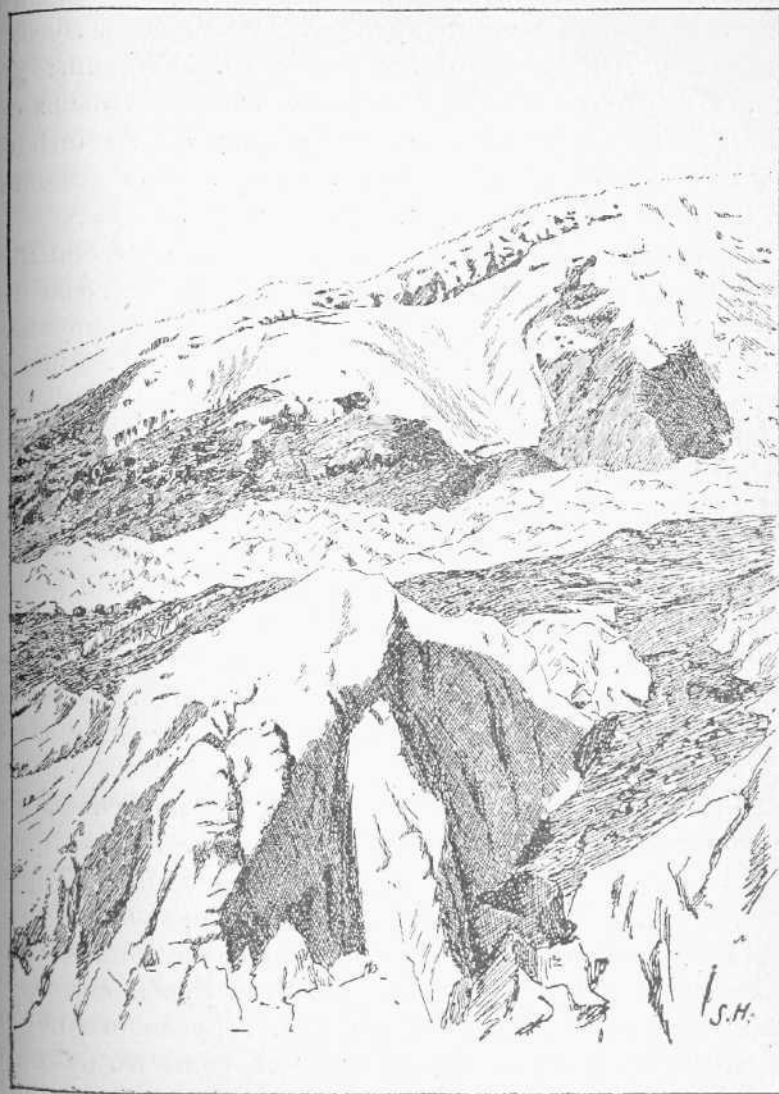
Погода выдалась теплѣе обыкновеннаго, тихая и ясная; при лунномъ свѣтѣ снѣга сіяли молочной бѣлизной. Моренные бугры бросали темныя тѣни; долина подъ нами словно уходила въ темную бездну. Вдали слышалось время отъ времени блеяніе овецъ и журчанье ручейка.

9 августа мы изслѣдовали лѣвую сторону ледника Чаль-тумака. Поднявшись по моренамъ, мы достигли мѣстечка на склонѣ горы, откуда открылся чудесный видъ на правильную структуру ледника. Онъ весь покрытъ сѣтью трещинъ, частью поперечныхъ, частью продольныхъ, образовавшихъ цѣлую систему ледяныхъ пирамидъ. Моренные камни и глыбы падаютъ въ трещины, которыя походятъ на черныя канавки и дѣлаютъ ледникъ похожимъ на рѣшето.

Гнейсовыя плиты кругомъ были словно отполированы льдомъ, такъ какъ прежде здѣсь спускался ледяной потокъ изъ области, одѣтой теперь льдомъ, какъ броней. Въ область эту входятъ громадныя пространства на склонахъ Мустагъ-ату. Ледъ одѣваетъ тѣло великана-горы точно плащомъ, полы котораго спускаются складками и зубцами съ обрывовъ; края этого толстаго ледяного покрова зачастую обрываются очень круто, и голубовато-зеленый, блестящій ледъ въ изломѣ производитъ ослѣпительный эффектъ рядомъ съ бѣлымъ снѣговымъ покровомъ.

Подобныя ледниковыя образования, напоминающія вообще норвежскіе глетчеры, имѣютъ, конечно, мѣсто только на выпуклостяхъ Мустагъ-ату; впадины-же представляютъ обычныя альпійскія формы ледниковъ съ фирновымъ полемъ и глубокимъ узкимъ русломъ ледника.

Назадъ мы пробирались по ложбинѣ между ледяными пирамидами и боковой мореной; по ложбинѣ текла, словно

Ледникъ Чаль-тумака. Видъ на сѣверъ.

(Съ рисунка автора).

масло по намыленному металлическому жолобу, горная рѣчка, подмывая основанія нѣкоторыхъ пирамидъ, которыя и угрожаютъ ежеминутно рухнуть.

Въ заключеніе нашей экскурсіи мы посѣтили бека Тогдабая, который созвалъ почетнѣйшихъ обитателей аула и предложилъ намъ дастарханъ. Аулъ былъ расположенъ на берегу ледниковой рѣчки; кругомъ разстилались луга, гдѣ паслись яки, верблюды и лошади бека. Женщины доили овецъ. Нѣкоторыя изъ таджикскихъ женщинъ были очень красивы и имѣли бойкій, веселый видъ; одѣты онѣ были очень живописно, но небрежно, и частенько подходили къ юртѣ поглядѣть въ щелочку на чужестранца.

Видъ на востокъ открывался самый величественный, какой только можно представить себѣ. Передъ нами возвышался колоссальный массивъ горы, подымаясь на головокружительную высоту, гдѣ фирнъ прядетъ ткани, которыя затѣмъ подносятся у подошвы горы въ даръ пожирающему ихъ солнцу, гдѣ кружатся на просторѣ вѣтры и гдѣ царствуютъ покой смерти и холодъ.

Ледникъ выступаетъ изъ ущелья спокойно и величаво, словно король изъ воротъ своего дворца, а морены возвышаются вокругъ этого неприступнаго дворца, словно крѣпостные валы. Мутный ледниковый ручей, весело прыгавшій между камнями, рѣзвый и шаловливый, какъ школьникъ во время каникулъ, счастливый, что вырвался изъ ледяной тюрьмы и можетъ бѣжать въ теплыя плодородныя области, ярко блестя на солнцѣ.

10-го августа мы отправились вверхъ по ручью, на берегу котораго былъ разбитъ нашъ лагерь. Ручей привелъ насъ къ близъ находящемуся правому боку ледника Тергенъ-булака, изъ котораго ручей беретъ большую часть своихъ водъ; кромѣ того ручей питаютъ многочисленные потоки, вытекающіе изъ подъ ледяного покрова. Ручей сильно размываетъ окружающія горныя породы, и русло его переполнено гальками. Въ 1 часъ дня притокъ воды въ ручѣй равнялся 6 куб. м. въ секунду.

Правая береговая морена имѣетъ около 30 м. высоты и закрываетъ бокъ ледника, который лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдвигаетъ надъ мореной высокія (въ 15 м.) блестящія ледяныя пирамиды.

Яки осторожно и лѣниво подвигались по глубокой ложбинѣ ручья между моренами и колоссальнымъ уваломъ изъ

щебня, образовавшимся около подножья находящейся къ сѣверу отъ него отвѣсной стѣны скалы. На вершинѣ ея лежалъ массивною броней ледъ, который мѣстами спускался съ нея, образуя круто обрывавшійся край съ бахромой сталактитовъ, длиною до 10 м.

Непосредственно изъ подъ самого ледяного покрова сбѣгаютъ съ остраго выступа скалы четыре большихъ и нѣсколько маленькихъ каскадовъ; эти хрустально прозрачныя, сверкающія струи падаютъ съ такой высоты, что силою вѣтра обращаются въ мелкую густую водяную пыль, отливающую на солнцѣ цвѣтами радуги. Болѣе сильными порывами вѣтра пыль прибивается къ стѣнѣ скалы, по которой вода и стекаетъ внизъ, а затѣмъ частью по щебневому увалу, частью подъ нимъ пробирается тысячею струекъ въ рѣчку.

Ледникъ Тергенъ-булакъ спускается тремя потоками. Средній потокъ гораздо больше и толще двухъ боковыхъ и господствуетъ надъ мѣстностью. Справа впадаетъ въ него потокъ поменьше, который вырылъ себѣ такое глубокое ложе, что ледяныя массы главнаго потока значительно возвышаются надъ нимъ.

Между этими двумя потоками находится мощный кряжъ, и въ углу, образованномъ ими, подъ крайнимъ скалистымъ выступомъ этого кряжа находится воронкообразное углубленіе, на подобіе наблюдаемыхъ въ рѣчныхъ руслахъ за мостовыми быками.

Слѣва отъ ледяного покрова отдѣляется небольшой отрогъ изъ свѣтлаго, чистаго льда, втиснутый узкимъ клиномъ между стѣной скалы и главнымъ потокомъ.

Въ ледяныхъ массахъ слышится трескъ и грохотъ, камни и глыбы съ шумомъ проваливаются въ трещины. Повсюду слышится журчаніе струекъ; верхній слой льда пористъ и хрупокъ, — все говоритъ, что и этотъ ледникъ находится въ періодъ живѣйшей дѣятельности.

Спускаясь съ горы, мы видѣли двухъ большихъ сѣрыхъ волковъ, кинувшихся бѣжать по моренамъ. Волки здѣсь обычное явленіе, и иногда рѣжутъ молодыхъ яковъ. Бекъ Тогдабай умно поэтому сдѣлалъ, приставивъ къ своимъ стадамъ стаю злыхъ собакъ.

Въ тотъ-же вечеръ этотъ почтенный старикъ доставилъ

намъ маленькую походную юрту и другія необходимыя вещи для двухдневной экспедиціи на Мустагъ-ату, на которую мы намѣревались взойти 11 августа.

Раннимъ утромъ, когда мы снова готовились взять великана приступомъ, Мустагъ-ата была еще окутана ночнымъ туманомъ; минимальный термометръ показывалъ — 4.8°. По берегамъ сверкали льдинки, о которыя съ шумомъ плескалась вода. Кромѣ того, въслѣдствіе холода, ручей сжался въ узенькую струйку, еще болѣе мутную, чѣмъ обыкновенно, — свѣтлые ручейки, сбѣгавшіе съ высотъ, изъ подъ ледяного покрова, вѣроятно, всё замерзли. Погода выдалась замѣчательно благоприятная: на небѣ не было ни единого облачка, и слабый вѣтерокъ скоро улегся совсѣмъ. Намъ предстояло подняться на высоту приблизительно 6,000 метр., ночевать тамъ, а на слѣдующій день продолжать подъемъ и достигнуть возможно большей высоты. Поэтому мы брали съ собою маленькую юрту, четыре большихъ связки терексена для топлива, шесты, веревки, топоры, тулупы и продовольствіе; все это было навьючено на 9-ть сильныхъ яковъ.

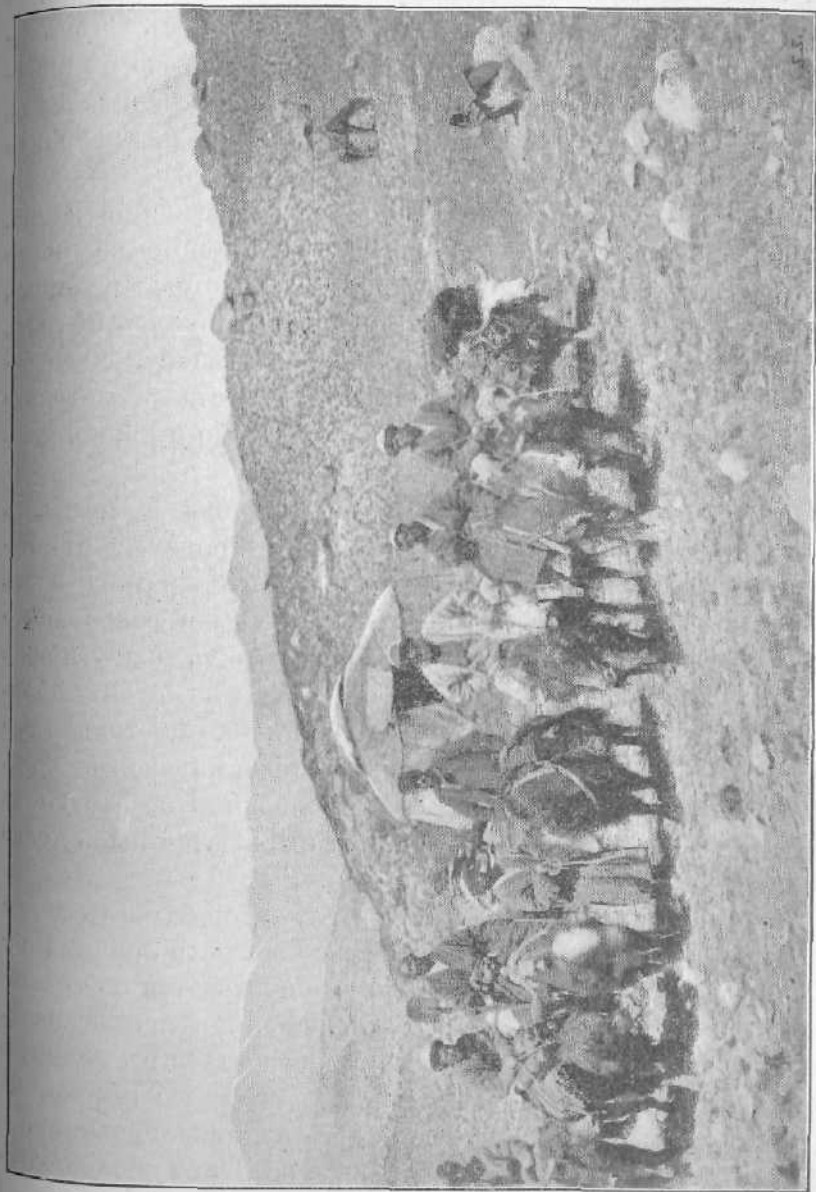
„Бисмиллахъ!“ (Съ Богомъ!) раздался возгласъ шести мусульманъ-киргизовъ, когда все было готово, и мы медленно двинулись въ гору. Я рѣшилъ какъ можно меньше утомлять себя, чтобы сберечь свои силы къ слѣдующему дню, когда предстоялъ настоящій подъемъ съ легкимъ багажомъ и всего съ тремя людьми.

Поэтому, я съ самаго начала сталъ изображать собою какъ-бы вьюкъ на моемъ якѣ: одинъ изъ киргизовъ, верхомъ или пѣшкомъ, все время тащилъ его впередъ за веревку, продѣтую въ ноздри, а другой понукалъ его сзади палкой всякій разъ, какъ животное находило мои стремленія слишкомъ высокими и останавливалось, чтобы поразмыслить — къ чему собственно ведетъ это вѣчное караканье.

Такимъ образомъ я не тратилъ силъ даже на понуканье яка, что вообще довольно таки утомительно. Я сидѣлъ себѣ спокойно, заложивъ руки въ карманы, и только время отъ времени поглядывалъ на anerоиды, стрѣлки которыхъ, въ эти два дня нашихъ тщетныхъ стремленій взобраться на отня ледяныхъ горъ, не много оставались въ покоѣ.

Нашъ маленькій караванъ медленно, упорно подымался

вверхъ, дѣлая сотни извилинъ по склону горы вдоль лѣваго бока ледника Чаль-тумакъ; склонъ этотъ былъ не слишкомъ крутъ. Яки пыхтѣли и сопѣли, высунувъ свои синіе языки.

Передъ восхожденіемъ на Мустагъ-ату 11 августа 1894. А вгорѣ, слуги его — киргизы и секъ Гогла-бай. (Съ фотографіи аавора).

Это былъ тотъ-же самый покрытый щебнемъ кряжъ, по которому мы шли 9-го августа, и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы

тогда остановились, мы сдѣлали теперь первый раздыхъ. Сейчасъ къ югу отъ этого мѣста ледяной покровъ образуетъ выступъ съ крутыми боками; у подножія его обрушившіеся куски льда смерзлись въ длинную ледяную глыбу. Къ часу дня мы достигли приблизительно 5,200 м. высоты. Снѣгъ лежалъ въ ущельяхъ небольшими клокками и только въ широкихъ впадинахъ и углубленіяхъ между скалами скоплялся въ большихъ массахъ. Снѣгъ былъ рыхлый, мокрый, таявшій на солнцѣ, такъ что почва мѣстами была сыра.

Наконецъ, голый крижъ сузился въ настоящій клинъ, уходившій подъ ледяной покровъ. Послѣдній не обрывается здѣсь круто, и самый край его настолько тонокъ, что мы безъ труда взобрались на него и двинулись по льду, запорошенному снѣгомъ. Яки сначала скользили и спотыкались, но скоро верхній снѣговой покровъ сталъ настолько толстѣ, что они шли по нему такъ-же твердо и ровно, какъ недавно по щебню.

Вдругъ, справа, съ другой стороны ледника Чаль-тумака послышался оглушительный грохотъ. Это оторвалась отъ нависшаго здѣсь края ледяного покрова глыба и покатила внизъ. Громадная голубоватая ледяная глыба разбила о выступъ скалы въ мелкій бѣлый порошокъ и, какъ мукой, обсыпала поверхность ледника. Въ воздухѣ долго стоялъ гулъ, словно послѣ удара близкаго грома; эхо повторяло его на сотни голосовъ между отвѣсными стѣнами скалъ, пока, наконецъ, не замерли послѣдніе отголоски и не наступила обычная тишина. Но легкая, ледяная игольчатая пыль долго еще носилась въ воздухѣ.

Намъ представился прекрасный случай наблюдать за дѣятельностью этого маленькаго ледника. Тяжелый ледяной покровъ сползаетъ съ краевъ скалъ, раскалывается по трещинамъ, и мощныя глыбы время отъ времени рушатся внизъ, чтобы, какъ мы сейчасъ видѣли, превратиться въ ледяную пыль и посыпать поверхность главнаго ледяного потока, на которомъ, такимъ образомъ, возникаетъ ледникъ-паразитъ.

Съ этой значительной высоты мы видѣли также вполне ясно фирновое поле ледника Чаль-тумака, принимающее со всѣхъ сторонъ отроги ледяного покрова.

Тамъ, гдѣ небольшія кучки мелкаго щебня были еще

Привалъ на склонѣ Мустагъ-ату.
Съ рисунка автора.

покрыты снѣгомъ, послѣдній таятъ на солнцѣ; инсоляціонный термометръ показывалъ въ полдень до 44.9°; воздухъ былъ чистъ, небо ясно. Когда щебень прекратился, склонъ оказался одѣтымъ снѣжнымъ покровомъ въ 9 — 14 сант. толщины. Яки поэтому шли ровно, не спотыкаясь, хотя уголъ паденія склона и равнялся 24°.

Напали на слѣды четырехъ дикихъ козъ, которыя направлялись вверхъ къ двумъ голубымъ ледянымъ выступамъ; въ одномъ мѣстѣ изъ снѣга выглядывалъ скелетъ дикой козы.

Передъ нами и надъ нами разстилалась пустынная, ослѣпительно бѣлая ледяная поверхность. Мы знали, что ледяная кора насъ сдержитъ, но всетаки было жутко вступать въ эту невѣдомую, никогда не знавшую человѣческихъ слѣдовъ область, гдѣ, можетъ быть, ожидало насъ много опасностей, свойственныхъ этому царству льда.

Скоро мы и наткнулись на цѣлую систему поперечныхъ трещинъ; ширина ихъ, большею частью, однако, не превышала 1 фута. Иной разъ мы давали крюку, чтобы обойти ихъ, — обыкновенно онѣ суживались клиномъ въ обѣ стороны, иногда-же переходили черезъ нихъ по снѣжнымъ мостамъ, а иногда яки прямо переступали черезъ нихъ. Киргизы настаивали, чтобы мы шли по слѣдамъ козъ; мы такъ и сдѣлали; часто снѣжные мосты выдерживали, но часто также снѣгъ, выдержавшій легкихъ, быстроногихъ козъ, проваливался подъ тяжелой ступней яка.

Дальше мы съ частъ шли по области, изрѣзанной поперечными трещинами, представлявшими непріятные провалы и крутые обрывы. Въ большинствѣ случаевъ надо было сказать спасибо якамъ за то, что съ нами не случилось бѣды. Какъ, ступая передней ногой въ снѣгъ, скрывающій трещину, упирается носомъ въ другой ея край и такимъ образомъ выкарабкивается.

Ледъ былъ покрытъ здѣсь снѣгомъ въ 20 сант. глубины; скоро затѣмъ онъ достигъ глубины 40 — 50 сантим., и яки шлепали и подпрыгивали, пробираясь по сугробамъ. Трещины зато стали порѣже. Мы долго шли по довольно ровной мѣстности, видя надъ собой округленную макушку горы и, рассчитывая найти проходъ между высокими ледяными выступами, съ

голубоватыми блестящими краями и увѣчанными снѣгомъ верхушками.

Ледяной покровъ былъ весь въ буграхъ и холмахъ, образуя волнистую поверхность. Мы то и дѣло то спускались, то подымались, и вотъ какъ разъ, когда мы находились на сравнительно плоской макушкѣ одного такого холма, какъ Моллы-Ислама, котораго послѣдній велъ во главѣ каравана, вдругъ упалъ и провалился. Изъ подъ снѣга торчали только правая задняя нога, рога и связка терескена.

Какъ провалился въ совершенно занесенную сверху снѣгомъ трещину въ метръ ширины и висѣлъ надъ зияющей пропастью, сопя и жалобно мыча; полная неподвижность его показывала, что онъ вполне сознавалъ опасность своего положенія, такъ какъ шевельнись онъ только, онъ-бы ушелъ совсѣмъ въ суживавшуюся книгу трещину.

Произошла долгая остановка. Съ величайшими предосторожностями киргизы обмотали вокругъ роговъ и туловища яка веревки, привязали ихъ къ остальнымъ якамъ, затѣмъ люди ухватились за веревки и принялись тянуть изо всѣхъ силъ; едва-едва удалось вытащить тяжелое животное. Немного дальше повторилось то же самое съ тою лишь разницею, что яку удалось во время удержаться и выкарабкиваться самому. Затѣмъ провалился одинъ изъ киргизовъ и повисъ надъ трещиной на рукахъ. Тутъ ужъ мы сочли за лучшее остановиться и произвести предварительно рекогносцировку по этому изрѣзанному предательскими трещинами льду.

Оказалось, что вся макушка холма, на которой мы находились, была покрыта цѣлою сѣтью трещинъ, идущихъ по всѣмъ направлѣніямъ и преграждающимъ намъ путь на всѣ стороны. Хуже всего было то, что мы открыли трещину въ 3—4 м. шириной и 6 м. глубиной; на днѣ ея были нагромождены большіе сугробы снѣга. Мы осторожно заглянули вглубь трещины и увидали, что она идетъ въ обѣ стороны, подобно громадному рву, на сѣверѣ достигаетъ ложа ледника Чалъ-тумака, а на востокѣ подошвы одного изъ высочайшихъ ледяныхъ выступовъ. Перейти черезъ нее или обойти ее было невозможно. Мы остановились и стали держать совѣтъ.

Снѣжный покровъ на льду достигалъ здѣсь 20 сант.

толщины и прикрывалъ трещины, словно туго натянутымъ брезентомъ; только надъ нѣкоторыми болѣе широкими онъ обрывался, или проваливался. Провалы, оставленные яками, представлялись зияющими черными ямами, безъ дна. Но, взглянувъ въ эту тьму, можно было различить слабое голубоватое мерцаніе по бокамъ и бѣлый снѣгъ на днѣ; стѣны трещины состояли изъ прозрачнаго голубого льда; вода, образующаяся изъ тающего снѣжнаго покрова, стекая внизъ, замерзала длинными ледяными иглами и сосульками, нависшими надъ отверстіемъ. Самыя глубокія изъ этихъ трещинъ имѣли до 6.8 м. глубины.

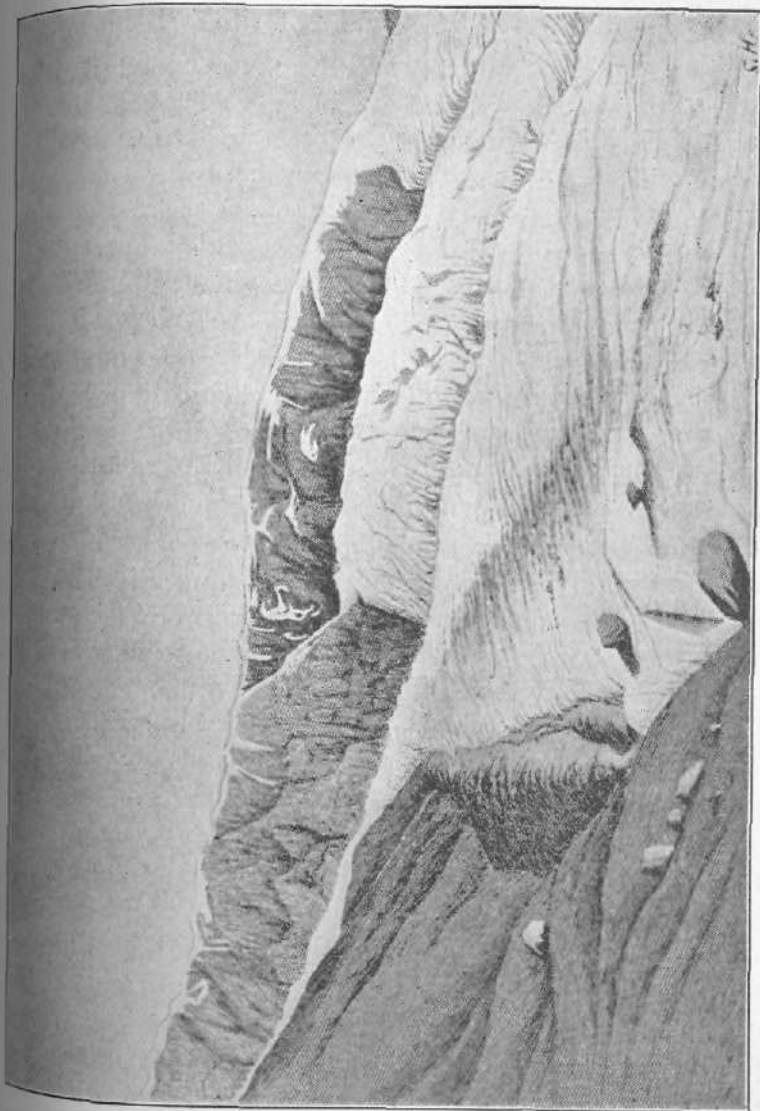
День клонился къ вечеру, и я еще разъ долженъ былъ рѣшиться отступить. Пытаться совершить на другой день отъ этого мѣста подъемъ на Мустагъ-ату было очевидно невозможно безъ особыхъ вспомогательныхъ снарядовъ, а ихъ-то у насъ и не имѣлось. Надъ нами высилась высочайшая изъ вершинъ горной группы, по крутымъ склонамъ которой сползала фирнь, частью, чтобы образовать общее поле, питающее ледники, частью, чтобы нагромоздиться на уступахъ и неровностяхъ настоящими торосами, стѣнами, башнями и кубами прозрачнаго льда. Пробраться черезъ этотъ хаосъ не было, какъ казалось, никакой возможности.

Оба подъема, совершенные нами по правой стѣнѣ ущелья ледника Ямбулака, вели насъ по несравненно болѣе удобопроходимымъ мѣстамъ, поэтому мы и рѣшили попытаться еще разъ начать подъемъ оттуда, прежде чѣмъ оставить горнаго великана въ покоѣ.

Такимъ образомъ на этотъ разъ мы достигли только 5,820 м. абс. высоты, тѣмъ не менѣе восхожденіе наше дало важные результаты для картографіи. Отсюда намъ были превосходно видны высшіе пояса, округленный куполъ горы и ледяной покровъ, который трудно разглядѣть снизу; отсюда мы могли прослѣдить отношенія этого ледяного покрова къ ледникамъ. Послѣдніе, являющіеся на самомъ дѣлѣ колоссальными ледяными потоками, кажутся съ этихъ высотъ ничтожными бѣлыми полосками.

Воскресенье 12 августа мы посвятили отдыху. Я, по обыкновению, прочелъ утромъ главу изъ евангелія, а затѣмъ штудировалъ „Gletscherkunde“ (ледниковѣдѣніе) Гейма. По-

года мало располагала къ экскурсіямъ; въ воздухѣ стоялъ туманъ, дулъ сильный вѣтеръ, и гора была окутана густыми облаками. Всѣхъ своихъ людей я отпустилъ въ гости къ

Мѣсто сліянія трехъ рукавовъ ледника Терень-булака.
(Съ рисунка автора).

беку Тогда-бай. Дома оставались только я съ Джолдашемъ, наслаждаясь нашимъ мирнымъ отдыхомъ, который кажется еще слаще, когда за дверями юрты воеетъ буря и вѣтеръ свиститъ между глыбами моренъ. Среди этихъ пустынныхъ ледниковъ

гдѣ одинъ день въ общемъ былъ похожъ на другой, я никогда, однако, не страдалъ отъ одиночества.

Да и некогда было думать объ этомъ; я былъ занятъ по горло, и единственное, что мучило меня, была мысль, что лѣто быстро уходитъ и что я едва-ли успѣю выполнить всю намѣченную программу. Дни казались мнѣ слишкомъ короткими.

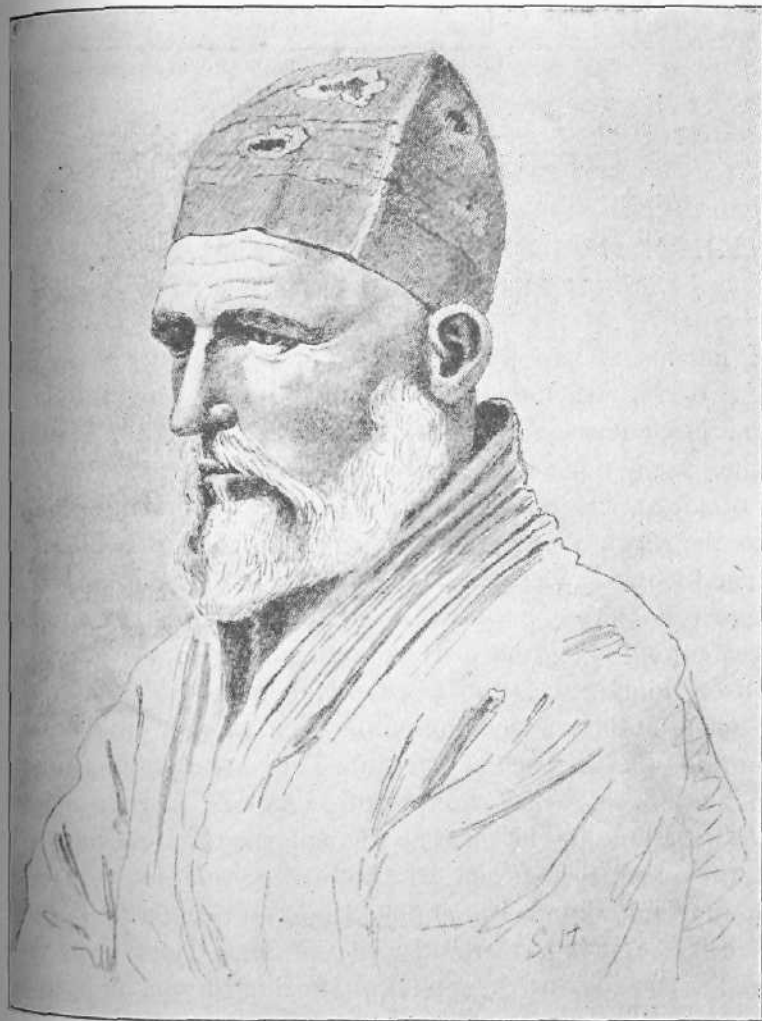
Вставъ поутру и одѣвшись, я прежде всего провѣрялъ метеорологическіе приборы, а Исламъ-бай въ это время приготавливалъ подносъ съ утреннимъ завтракомъ, который обыкновенно состоялъ все изъ однихъ и тѣхъ-же изысканныхъ блюдъ: „шашлыка“, рисоваго пуддинга и хлѣба; послѣдній мы или доставали у киргизовъ, или пекли сами. Шашлыкъ мнѣ вскорѣ до того надоѣлъ, что мнѣ глядѣть на него было тошно, и я питался однимъ рисомъ, да хлѣбомъ. Такимъ меню предстояло мнѣ довольствоваться еще два съ половиною года, вплоть до того, какъ я добрался до Пекина.

Иногда я вскрывалъ какую нибудь коробку съ консервами, но запасъ ихъ былъ у меня незначителенъ, а времени оставалось еще много, почему и приходилось расходовать эти деликатесы поэкономнѣе. Къ счастью рисъ и чай мнѣ не надоѣдали, и я чувствовалъ себя отлично на этой простой діетѣ. Чай всегда подавался съ яковымъ молокомъ или сливками, на которыя, къ нашему благополучію, нечего было скупиться. Табаку у меня былъ взятъ изъ Ташкента обильный запасъ; сигары составляли наименьшую его часть; главнымъ образомъ взятъ былъ табакъ для набиванья трубокъ и папиросъ. Признаюсь, я плохо-бы чувствовалъ себя, не будь со мной во время странствованій по ледникамъ моей вѣрной спутницѣ-трубочки.

Въ тѣ дни, когда погода не выпускала насъ изъ дому, у меня всегда находилось довольно домашней работы надъ картами, набросками, записками и проч.

Юрта внутри была такъ уютна, что я чувствовалъ себя совершенно „въ своемъ углу“. Посреди горѣлъ прямо на полу небольшой костеръ изъ терескена и яковаго помета; остальная часть пола была устлана войлоками. Противъ входа стояла моя постель, состоящая изъ двухъ палокъ, прикрѣпленныхъ концами къ ремненнымъ ушкамъ ягдановъ, и натянутой между палками нарусины. Вдоль стѣнъ былъ разстав-

ленъ остальной багажъ: ящики, мѣшки съ продовольствіемъ, посуда, оружіе, сѣдла, приборы и проч. Ълъ я только два раза въ день. Вечеромъ подавалось то же самое, что и утромъ.

Бекъ Тогда-бай.

(Съ рисунка автора).

Улегшись въ постель, я обыкновенно читалъ еще нѣсколько времени при свѣтѣ стеариновой свѣчи какой нибудь номеръ шведской газеты, старой, престарой и, тѣмъ не менѣе,

казавшейся мнѣ въ высшей степени интересной. Каждый столбецъ въ ней приковывалъ мое вниманіе. Затѣмъ, я засыпалъ и спалъ, словно убитый, — какъ-бы тамъ ни бушевали вѣтры и ни вылъ по волкамъ Джолдашъ — вплоть до утра, когда меня будилъ Исламъ-бай.

XV.

Лунная ночь на высотѣ 6,300 м. надъ уровнемъ моря.

Я надѣюсь, что не слишкомъ утомляю читателя этимъ, можетъ быть, нѣсколько однообразнымъ описаніемъ ледниковъ. Мнѣ казалось, что я обязанъ развить эту тему поподробнѣе, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь о совершенно неизвѣстной области, гдѣ каждый шагъ открывалъ что-нибудь новое. Только ледникъ Ямбулакъ былъ однажды въ 1889 г. посѣщенъ геологомъ Богдановичемъ. Мнѣ-же хотѣлось изслѣдовать и нанести на карту всѣ ледники Мустагъ-аты. Теперь мнѣ остается упомянуть еще о нѣсколькихъ.

13-ое августа было посвящено изслѣдованію ледника Чумъ-каръ-кашка. Мы отправились вдоль огромныхъ береговыхъ и конечныхъ моренъ ледника Тергенъ-булака, по сильно пересѣченной, частью покрытой слабой растительностью, частью заваленной щебнемъ мѣстности. По соседству отъ названнаго выше ледника мѣстность начинаетъ повышаться, постепенно переходя въ переваль Улугъ-рабатъ и образуя водораздѣлъ. Ручьи, питаемые ледникомъ Чумъ-каръ-кашка, текутъ на сѣверъ въ озеро Малый Кара-куль, а ручьи, вытекающіе изъ подъ ледяного покрова, къ югу и стекаютъ въ маленькое озеро Гальчотокъ, а отсюда дальше къ югу въ Яркендъ-дарью. Около озера расположенъ аулъ изъ шести юртъ, подвластныхъ бекамъ Тагармы.

Ледникъ Чумъ-каръ-кашка походитъ на ледникъ Кемпиръ-кышлакъ и, подобно послѣднему, имѣетъ уклонъ въправо. Правая береговая морена ничтожныхъ размѣровъ, лѣвая

значительныхъ. Мысъ ледника представляетъ ровный холмъ безъ особенно большихъ трещинъ; только краевыя трещины довольно значительны. По направленію этихъ трещинъ, обыкновенно впадая въ нихъ, струится множество прозрачныхъ ручейковъ изъ растаявшаго снѣга. Самый большой изъ нихъ имѣлъ цѣлыхъ 90 сантим. ширины и 23 сантим. глубины, температура его равнялась 0.02°. Ледяное русло его, по которому вода течетъ безъ всякаго шума, имѣетъ гладко отполированные бока чуднаго голубого цвѣта. Въ общемъ поверхность ледника отличается пористостью и рыхлостью; камни глубоко всасываются въ нее, образуя на ней зияющія ямы. Для ходьбы-же эта ледяная поверхность, представляющая настоящій хаосъ торчащихъ иглъ или бугорковъ, очень удобна; идешь, какъ по снѣгу.

Взбираться вверхъ по леднику было поэтому не трудно, зато спускаться внизъ по лѣвому его боку — дѣло другое, такъ какъ послѣдній приподнятъ на значительную высоту, рѣзко очерченъ и образуетъ крутые высокіе уступы. Кромѣ того на льду здѣсь множество лужъ, достигающихъ метра въ диаметрѣ, имѣющихъ нѣсколько дециметровъ глубины и даже днемъ затянутыхъ тонкою ледяною корой. Въ этихъ лужахъ легко поэтому принять пожнужную ванну во время прогулки по леднику. Мы поставили здѣсь измѣрительные шести, чтобы опредѣлить со временемъ скорость поступательнаго движенія ледника.

14 августа мы двинулись вверхъ вдоль лѣвой береговой морены ледника Тергенъ-булака, а затѣмъ по несомой ледникомъ боковой моренѣ, по которой потомъ и спустились обратно къ конечной. Обѣ боковыя морены громадныхъ размѣровъ, но начинаются только въ нижнемъ теченіи ледяной рѣки, гдѣ онѣ выступаютъ сначала узкими черными клиньями, постепенно расширяющимися и, наконецъ, около оконечности ледяного мыса становятся грядой колоссальныхъ глыбъ и камней.

Тергенъ-булакъ работалъ во всю и трещалъ по всѣмъ швамъ. Трескъ и выстрѣлы не умолкали, большія глыбы съ страшнымъ грохотомъ обрушивались въ трещины, время отъ времени образовывались новыя расщелины, а между ледникомъ и боковыми моренами бѣжали, пѣнясь, рѣзвые, обильные водой ручейки. Лѣвая изъ боковыхъ моренъ имѣла въ нижнемъ

теченіи ледяного потока около 400 м. ширины и вначалѣ была удивительно ровна и удобна для перехода.

Постепенно эта гряда камней и глыбъ достигаетъ значительной высоты по сравненію съ поверхностью ледника; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ морена представляетъ еще тонкій слой камней, ледъ проглядываетъ между ними въ видѣ иголь, клинковъ и пикъ. Дѣло въ томъ, что камни всосались въ ледъ, который только и виденъ въ промежуткахъ между ними; это обстоятельство и придаетъ мѣстности кочковатый, бугристый характеръ.

Мы прямо запутались въ этомъ лабиринтѣ моренныхъ уваловъ, ледяныхъ пирамидъ и ущелій. Пересѣкши морену, мы должны были пересѣчь среднее теченіе ледника, и началось полное приключеній странствованіе въ сумеркахъ, быстро смѣнившихся темнотой. Дорога стала такая тяжелая, что мы предпочли спѣшиться и принялись перепрыгивать черезъ трещины и ручьи. Киргизы гнали яковъ передъ собой, и любо было смотрѣть, съ какой ловкостью тѣ карабкались по крутымъ ледянымъ уступамъ, высокою въ метръ; намъ, чтобы взобраться на нихъ, приходилось вырубать во льду ступеньки.

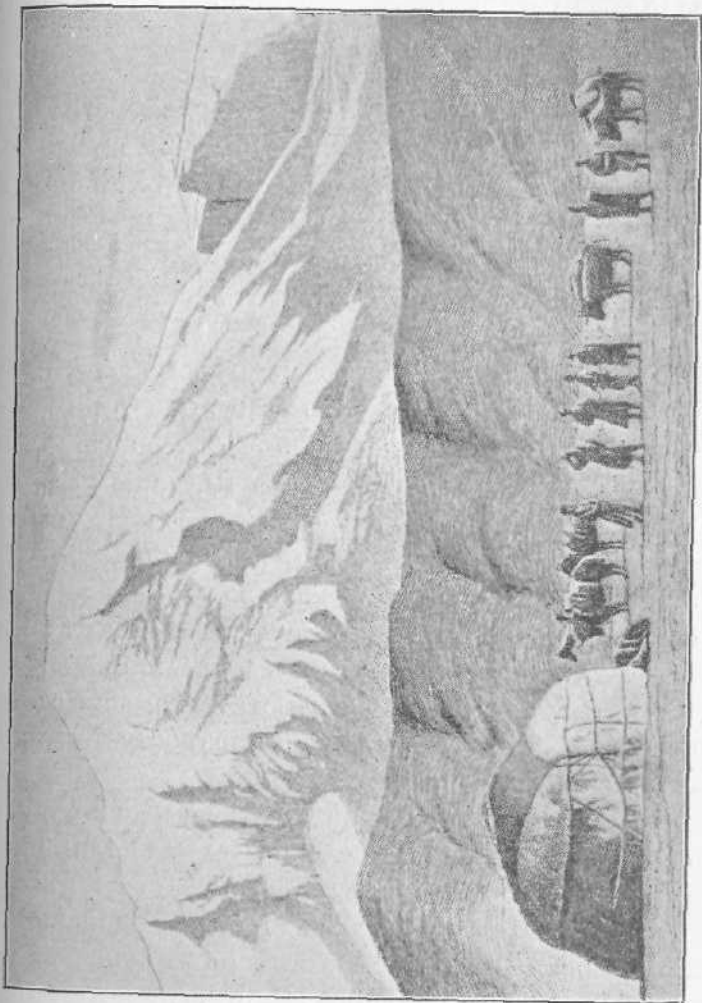
Наконецъ, мы достигли правой боковой морены; тутъ мы нашли на льду много маленькихъ озеръ. Обѣ боковыя морены заходятъ за середину ледяного потока, такъ какъ прикрываемый ими ледъ, защищенный отъ растопляющихъ лучей солнца, дольше не таетъ. Внизу у края ледника намъ предстояло пересѣчь цѣлый рядъ старыхъ конечныхъ моренъ, напоминающихъ крѣпостные валы и прорѣзанныхъ рѣкой.

Стало темно, и мнѣ приходилось слѣдовать по пятамъ за однимъ изъ киргизовъ, чтобы видѣть, куда ступаю. Другой киргизъ подгонялъ яковъ, а третій розыскивалъ одного изъ нихъ, оставшаго и заблудившагося между моренами; нашли его, однако, только на слѣдующій день. Послѣ многихъ мятарствъ и усилій мы таки счастливо добрались до лагеря.

Между прочимъ, въ лѣтнюю программу входила и экскурсія на Памиръ, и такъ какъ теперь нѣкоторые продукты продовольствія, главнымъ образомъ, чай и сахаръ подходили къ концу, то мы и рѣшили соединить научную экскурсію съ фуражировкой и заглянуть на Памирскій постъ. На такую экскурсію должно было пойти не меньше мѣсяца, такъ что раньше

осени намъ не удалось-бы вернуться назадъ къ Мустагъ-атѣ, поэтому мы и задумали предварительно сдѣлать еще одну попытку достигнуть вершины въ два дневныхъ перехода.

15 августа мы отправились по хорошо знакомому пути

Высочайшая вершина Мустагъ-аты; видъ съ запада.
(Съ рисунка автора).

къ мѣсту старой нашей стоянки и, прибывъ туда, несмотря на сильный градъ и вѣтеръ, занялись приготовленіями къ выступленію на слѣдующее утро.

Взявъ съ собою все нужное на два дня, десять яковъ и шестерыхъ киргизовъ, не считая моего вѣрнаго Исламъ-бая, я

теченіи ледяного потока около 400 м. ширины и вначалѣ была удивительно ровна и удобна для перехода.

Постепенно эта гряда камней и глыбъ достигаетъ значительной высоты по сравненію съ поверхностью ледника; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ морена представляетъ еще тонкій слой камней, ледъ проглядываетъ между ними въ видѣ иголь, клинковъ и пикъ. Дѣло въ томъ, что камни всосались въ ледъ, который только и виденъ въ промежуткахъ между ними; это обстоятельство и придаетъ мѣстности кочковатый, бугристый характеръ.

Мы прямо запутались въ этомъ лабиринтѣ моренныхъ уваловъ, ледяныхъ пирамидъ и ущелій. Пересѣкши морену, мы должны были пересѣчь среднее теченіе ледника, и началось полное приключеній странствованіе въ сумеркахъ, быстро смѣнившихся темнотой. Дорога стала такая тяжелая, что мы предпочли слѣзнуться и принялись перепрыгивать черезъ трещины и ручьи. Киргизы гнали яковъ передъ собой, и любо было смотрѣть, съ какой ловкостью тѣ карабкались по крутымъ ледянымъ уступамъ, высотой въ метръ; намъ, чтобы взобраться на нихъ, приходилось вырубать во льду ступеньки.

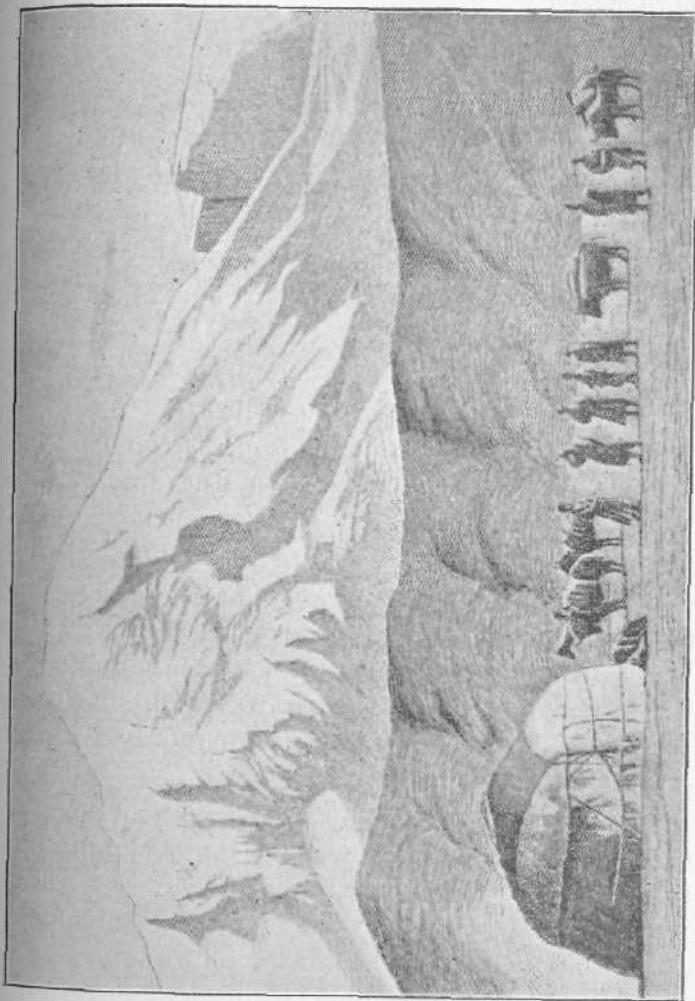
Наконецъ, мы достигли правой боковой морены; тутъ мы нашли на льду много маленькихъ озеръ. Обѣ боковыя морены заходятъ за середину ледяного потока, такъ какъ прикрываемый ими ледъ, защищенный отъ растопляющихъ лучей солнца, дольше не таетъ. Внизу у края ледника намъ предстояло пересѣчь цѣлый рядъ старыхъ конечныхъ моренъ, напоминающихъ крѣпостные валы и прорѣзанныхъ рѣкой.

Стало темно, и мнѣ приходилось слѣдовать по пятамъ за однимъ изъ киргизовъ, чтобы видѣть, куда ступаю. Другой киргизъ подгонялъ яковъ, а третій розыскивалъ одного изъ нихъ, отставшаго и заблудившагося между моренами; нашли его, однако, только на слѣдующій день. Послѣ многихъ мятарствъ и усилій мы таки счастливо добрались до лагеря.

Между прочимъ, въ лѣтнюю программу входила и экскурсія на Памиръ, и такъ какъ теперь нѣкоторые продукты продовольствія, главнымъ образомъ, чай и сахаръ подходили къ концу, то мы и рѣшили соединить научную экскурсію съ фуражировкой и заглянуть на Памирскій постъ. На такую экскурсію должно было пойти не меньше мѣсяца, такъ что раньше

осени намъ не удалось-бы вернуться назадъ къ Муस्ताгъ-атѣ, поэтому мы и задумали предварительно сдѣлать еще одну попытку достигнуть вершины въ два дневныхъ перехода.

15 августа мы отправились по хорошо знакомому пути

Высокая вершина Муस्ताгъ-ата; видъ съ запада.
(Съ рисунка автора).

къ мѣсту старой нашей стоянки и, прибывъ туда, несмотря на сильный градъ и вѣтеръ, занялись приготовленіями къ выступленію на слѣдующее утро.

Взявъ съ собою все нужное на два дня, десять яковъ и шестерыхъ киргизовъ, не считая моего вѣрнаго Исламъ-бая, я

16 августа въ четвертый разъ попытался взойти на Мустагъ-ату, по тому-же склону, по которому мы поднимались 18 апрѣля и 6 августа. Достигнувъ снѣговой линіи, мы отправились по старымъ нашимъ слѣдамъ, служившимъ намъ нѣкоторой гарантіей противъ несчастныхъ случаевъ. Тропу было ясно видно. Она шла зигзагами круто вверхъ, по краю правой стѣны ледниковаго ущелья.

Такъ какъ снѣговой покровъ былъ вначалѣ тонокъ, то наши старые слѣды обратились въ круглыя проталины, въ которыхъ проглядывалъ щебень. Повыше, каждый слѣдъ былъ затянута голубовато-зеленымъ ледкомъ, а еще выше послѣдній былъ запорошенъ снѣжною пылью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тропы оказывалась заметной, но различить ее всетаки было можно. Во все эти десять дней снѣгу здѣсь, слѣдовательно, не выпадало.

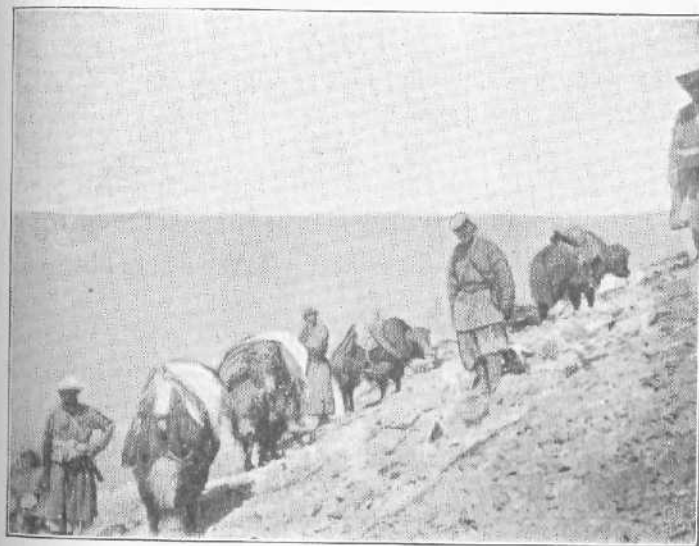
Съ Исламъ-баемъ и однимъ изъ киргизовъ достигъ я того мѣста, гдѣ мы остановились 6-го августа. Остальные потихоньку тащились сзади съ Техимъ-баемъ во главѣ. Когда все были въ сборѣ, мы посоветовались и рѣшили заночевать тутъ, около выглядывавшихъ изъ снѣгу небольшихъ каменистыхъ островковъ. Яковъ привязали къ сланцевымъ глыбамъ и затѣмъ киргизы расчистили, насколько было возможно, отъ щебня, повсюду покрытаго снѣгомъ, мѣстечко для юрты. Послѣдняя была очень миниатюрна; мѣста для сна въ ней хватало всего на троихъ, дымоваго отверстія вовсе не было, конусообразный остовъ ея состоялъ попросту изъ жердей, связанныхъ верхними концами вмѣстѣ.

Какъ мы ни старались уравнивать лопатами почву, юрта всетаки очутилась на покатоности, и ее пришлось прикрѣпить арканами къ двумъ глыбамъ сланца. Вечеромъ въ теченіе часа дулъ слабый вѣтеръ, время отъ времени обдававшій юрту облаками крутящейся снѣжной пыли, набивавшейся во все щели и отверстія нашего убѣжища. Киргизы поэтому обнесли юрту валомъ изъ снѣга.

Сначала мы чувствовали себя хорошо; мы развели большой костеръ изъ терескена и яковаго помета; огонь отлично согрѣлъ насъ, и наши застывшіе члены отошли. Зато юрта наполнилась удушливымъ дымомъ, который бѣлъ глаза и очень медленно выходилъ въ открытое входное отверстіе. Снѣгъ на

полу въ юртѣ растаялъ, но когда костеръ погасъ, все покрылось ледяной корой.

Киргизы начали жаловаться на головную боль, и двое стали проситься назадъ; я разрѣшилъ имъ это тѣмъ охотнѣе, что они, очевидно, не годились для дальнѣйшаго труднаго странствованія. Изъ другихъ болѣзненныхъ симптомовъ, надо отмѣтить неумолчный звонъ въ ушахъ, нѣкоторую глухоту, ускоренный пульсъ, пониженіе температуры тѣла, полную безсонницу (вызванную, вѣроятно, головной болью, которая подъ утро стала нестерпимой) и, наконецъ, приступы одышки.

Отдыхъ яковъ при восхожденіи на Мустагъ-ату.

(Съ фотографіи автора.)

Киргизы стонали всю ночь. Тулупы казались страшно тяжелыми, дышать въ лежачемъ положеніи становилось затруднительно, сердце билось неровными сильными толчками. На чай и хлѣбъ охотниковъ не нашлось, и когда насъ сразу охватила мракъ ночи, въ киргизахъ стало замѣтно глухое неудовольствіе. Они, вѣдь, не больше моего привыкли проводить ночи на высотѣ 20,000 ф., въ 21 разъ превосходящей высоту Эйфелевой башни.

Болѣе величественнаго мѣста стоянки у меня, однако, никогда не было; мы находились на покрытомъ снѣгомъ склонѣ одной изъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ, у подножія

которой лежали окутанные покрываломъ ночи ледниковые мысы, ручьи и озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ на порогѣ одного изъ самыхъ фантастическихъ ледяныхъ царствъ. Стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы свалиться въ зияющую голубую ледяную пропасть, глубиною въ 400 м.

Я ожидалъ живописнаго заката солнца, но онъ не представилъ ничего особеннаго. Солнце сѣло въ облакахъ, озаренныхъ оранжевымъ сіяньемъ, которое горѣло и долго спустя послѣ захода солнца; на этомъ фонѣ горы Памира рисовались рѣзкими темными тѣнями. Вся долина Сары-коль давно лежала окутанная тѣнями, когда солнце еще обливало прощальными лучами вершину Мустагъ-аты.

Скоро и нашъ лагерь погрузился въ темноту; вершина горы еще горѣла съ минуту, словно огненный конусъ вулкана, затѣмъ померкла и она.

Я вышелъ ночью изъ юрты прогуляться и полюбоваться восхожденіемъ полной луны. Мы были недалеко отъ царства безконечнаго простора, начинающагося за вершинами высочайшихъ горъ, и царица ночи сіяла здѣсь такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что съ трудомъ можно было глядѣть на нее. Тихо, величественно плыла она надъ темными крутыми уступами скалъ на противоположномъ берегу ледника. Послѣдній лежалъ въ тѣни, глубоко въ пропасти. Время отъ времени слышался словно глухой выстрѣлъ трескавшагося льда или грохотъ оторвавшейся отъ края ледяного покрова глыбы.

Луна лила серебряный свѣтъ на нашъ лагерь и производила чисто фантастическій эффектъ. Черные силуэты яковъ, съ понуренными головами, рѣзко выдѣлялись на бѣломъ снѣгу, неподвижные и молчаливые, какъ тѣ камни, къ которымъ они были привязаны; время отъ времени слышался только лязгъ ихъ челюстей, или хрустъ снѣга подъ ихъ копытами. Трое киргизовъ, которымъ не хватило мѣста въ юртѣ, развели себѣ огонь между большими глыбами, а, когда онъ погасъ, завернулись въ тулупы и прикурнули вокругъ, подогнувъ колѣни и уткнувъ голову въ снѣгъ, напоминая летучихъ мышей въ зимнее время.

Не смотри на яркій лунный свѣтъ, ориентироваться и различить мѣста въ долинѣ Сары-коль было не легко. Съ трудомъ разглядѣлъ я темные яйлаки: Кемпиръ-кышлакъ, Ямбу-

лакъ и Су-баши, ихъ орошенные ледниковыми ручьями луга и слабо очерченные контуры озера Малаго Кара-кули. Все остальное вплоть до вершинъ горъ Памира сливалось въ общій хаосъ, въ которомъ нельзя было различить ничего.

Самая красивая картина рисовалась въ той сторонѣ, откуда свѣтила луна. Очарованный ею, я стоялъ, какъ прикованный. Никакое перо или кисть не въ состояніи изобразить этой волшебной картины. Самый рельефъ окружающей мѣстности дѣлаетъ ее своего рода архитектурнымъ педивромъ. Здѣсь тянется ущемленный между покрытыми снѣгомъ и льдомъ ска-

Нашъ лагерь на самой высшей точкѣ — 6,300 м.
надъ уровнемъ моря.
(Съ фотографіи автора.)

лами голубоватый ледникъ, тамъ вздымается къ небу пятиглавый великанъ-гора. Скалистая стѣна прямо передъ нами окутаны такимъ мракомъ, что съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается свѣтлый ледяной покровъ, одѣвающій ея вершину, и гдѣ выступаютъ черныя скалы.

Надѣво, на нѣсколько сотъ метровъ выше нашего лагеря, купается въ лунномъ свѣтѣ фирновое кольцо ледника. По его темному гребню на юго-востокъ прыгаютъ окутанные въ бѣлую дымку горныя рѣчки. Легкія облачка, гонимыя слабымъ южнымъ вѣтромъ, группируются около луны кольцами, отли-

вающими цвѣтами радуги, вѣнцами и другими быстро смѣняющимися другъ друга фигурами.

Фантазіи не трудно превратить эти облака въ какіе угодно образы: въ призраки въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, гонящіе другъ друга, въ танцующихъ эльфовъ, играющихъ горныхъ троллей, въ свадебную процессію горныхъ духовъ, въ души умершихъ, уносящихся съ земли въ лучшіе міры. Вотъ какъ будто показался тотъ самый бѣлый верблюдъ, который, по преданію, унесъ дервиша съ вершины Мустагъ-аты, а вотъ сорокъ всадниковъ, помогавшихъ хану Ходжѣ въ битвѣ съ китайцами, вотъ счастливый сказочный городъ Джанайдаръ, основанный на вершинѣ горы еще въ золотой вѣкъ, когда люди не знали никакого горя.

Забывая о холодѣ, стоишь, не въ силахъ оторваться отъ этой чудной фантастической вереницы мелькающихъ, смѣняющихся одинъ другой воздушныхъ образовъ.

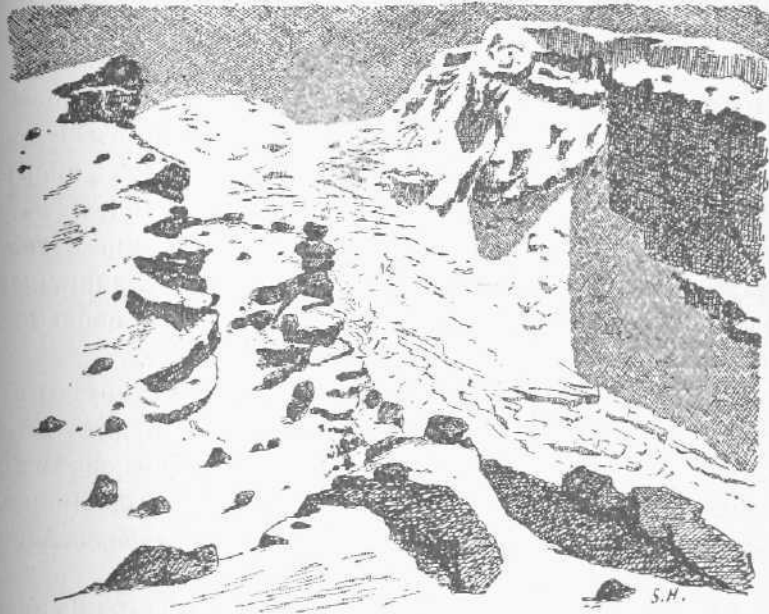
Кругомъ тишина, эхо не откликается между скалистыми стѣнами по ту сторону. Рѣдкій воздухъ не шелохнется, нуженъ обвалъ лавины, чтобы привести его въ сотрясеніе. Виденъ паръ отъ дыханія яковъ, но самаго дыханія не слышно. Они стоятъ неподвижно, не издавая ни звука. Странное ощущеніе овладѣваетъ душой. Какъ-то трудно усвоить себѣ, что подъ твоими ногами лежатъ четыре части свѣта и, что, если-бы провести прямую линію вокругъ земного шара черезъ ту точку, на которой находишься ты, то линія эта срѣзала-бы лишь нѣкоторыя изъ высочайшихъ вершинъ Азіи и Южной Америки. Здѣсь было предверіе безмолвнаго, холоднаго, безграничнаго мірового воздушнаго океана!

Когда я вошелъ въ юрту, Исламъ-бай и Гехимъ-бай молча сидѣли, закутанные въ тулупы, возлѣ тлѣющаго костра. Мы всѣ трое стучали зубами отъ холода, снова развели костеръ, и юрта опять наполнилась ѣдкимъ дымомъ. Когда вечернія наблюденія были закончены, мы закутались въ тулупы и войлочные ковры, огонь погасъ, и только луна любопытно заглядывала во всѣ щели юрты.

Казалось, конца не будетъ этой долгой, тяжелой ночи. Какъ мы ни ежились, упираясь колѣнами въ самый подбородокъ, невозможно было сохранить теплоту тѣла. Холодъ становился все чувствительнѣе, тѣмъ болѣе, что юго-за-

падный вѣтеръ съ часу на часъ усиливался. Никто глазъ не сомкнулъ во всю ночь. Только уже подъ утро я какъ будто впалъ въ дремоту, но то и дѣло пробуждался отъ недостатка воздуха и дѣлалъ судорожныя вдыханія. Люди мои стонали, точно на ложѣ пытки, и не столько отъ холода, сколько отъ все усиливавшейся головной боли.

Наконецъ, взошло солнце, но озаренный имъ новый день оказался для насъ крайне неудачнымъ. Юго-западный вѣтеръ перешелъ почти въ ураганъ, взвивалъ густыя облака мелкаго

Фирновое поле ледника Ямбулакъ.

(Съ рисунка автора.)

снѣга. Киргизы, проведеніе ночь внѣ юрты, чуть не окоченѣли совсемъ и еле втащились въ юрту, гдѣ былъ разведенъ большой костеръ. Всѣ были больны, унылы, никто не говорилъ, никто не ѣлъ. Я даже едва дотронулся до чаю, котораго такъ и не удалось сдѣлать горячимъ. Яки не двигались, точно застыли на своихъ мѣстахъ съ вечера.

Вершина горы была окутана непроницаемой пеленой снѣжныхъ вихрей. Нечего было и думать продолжать сегодня подъемъ; это значило-бы искушать Бога. Намъ пришлось-бы пробираться въ ужасный буранъ по невѣдомой мѣстности,

можетъ быть, усѣянной трещинами, и, чего добраго, заблудиться и погибнуть. Я сразу убѣдился въ невозможности покорить на этотъ разъ горнаго великана, но, вестакн, хотѣлъ испытать своихъ людей, велѣвъ имъ готовиться къ подъему. Никто не вымолвилъ слова, всѣ разомъ встали и начали приготовления, но, видимо, были очень обрадованы, когда я отдалъ приказъ.

Стоило кому нибудь высунуть носъ изъ юрты, чтобы тотчасъ-же живо спрятать его опять. Въ юртѣ, по крайней мѣрѣ, мы были защищены отъ вѣтра, который пронизывалъ до костей сквозь всѣ тулупы, мѣховыя шапки и валенки. Я, однако, крѣпко надѣялся, что вьюга уляжется къ полудню, и можно будетъ продолжать подъемъ. Увы! она все усиливалась, и въ полдень стало ясно, что день пропалъ. Три киргиза должны были заняться уборкой палатки и навьючиваньемъ яковъ, а я, Исламъ и Лехимъ, напяливъ на себя все, что только нашлось подъ рукой, сѣли на яковъ и быстро покатали внизъ по сугробамъ. Яки неслись по крутизнамъ прямо безъ оглядки, ныряли, точно выдры въ сугробахъ, и, не смотря на всю свою тяжелоуѣнность, ни разу не поскользнулись, не упали.

Сидя верхомъ на якѣ, чувствуешь себя ѣдущимъ въ сильныя волны въ валкой ладѣ, и надо ужъ пенять на себя, коли не твердѣ въ колѣняхъ. Часто приходится совсѣмъ опрокидываться назадъ, спиною на спину яка, и балансировать всѣмъ корпусомъ въ тактъ неожиданнымъ, но всегда ловкимъ, увѣреннымъ движеньямъ животного.

Какъ пріятно было, оставивъ за собою послѣднія сугробы снѣга, снова завидѣть нашъ лагерь, лежавшій внизу въ глубинѣ. Тамъ ждали насъ давно желанный обѣдъ и горячій чай, вернувшіе жизнь нашимъ членамъ; затѣмъ мы улеглись каждый въ своемъ углу и заснули крѣпкимъ сномъ. Весь слѣдующій день мы, однако, чувствовали себя, точно выздоравливающіе послѣ продолжительной болѣзни.

Итакъ, я четыре раза неудачно пытался взойти на вершину Мустагъ-аты, но не могу сказать, чтобы это было абсолютно невозможно. Совершить этотъ подъемъ съ того склона, съ котораго пытались мы 11 августа, дѣйствительно невозможно безъ особыхъ приспособленій. Но за крутымъ выступомъ, котораго мы достигли 18 апрѣля, 6 и 16 августа,

не видѣлось — насколько я могъ различить въ бинокль — никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ подъему. Оттуда, имѣя здоровыя легкія, можно добраться до сѣверной вершины, однако, не самой высокой въ группѣ Мустагъ-аты, но соединяющейся съ таковою отлогимъ гребнемъ. Между этими вершинами и подъ ними простирается огромное фирновое поле ледника Ямбулака. Насколько доступна для перехода эта область — другой вопросъ. По всей вѣроятности, она изрѣзана трещинами, а самый фирнъ образуетъ такой мощный покровъ, что переходъ черезъ него занялъ-бы нѣсколько дней. Счастливые обитатели сказочнаго Джанайдара отгородились отъ остального міра неприступными укрѣпленіями.

Чтобы прослѣдить вліяніе разрѣженнаго воздуха на функціи человѣческаго организма, я измѣрялъ на различныхъ высотахъ температуру тѣла и пульсъ у самого себя (29 лѣтъ отъ роду), у сарта Исламъ-бая (43 года) и у кипчакъ-киргиза Лехимъ-бая (40 лѣтъ). Вотъ нѣкоторые результаты этихъ измѣреній:

		Температура.	Пульсъ.	
28 іюня, въ 10 ч. вечера.	{ я	36°С.	98	} 4,100 м.
	{ Исламъ.	36.4°	92	
	{ Лехимъ .	35.6°	66	
29 іюня, въ 10 ч. вечера.	{ я	35.5°	88	} 4,400 м.
	{ Исламъ.	36.3°	92	
	{ Лехимъ .	35.3°	74	
5 августа, въ 9 ч. вечера.	{ я	36°	88	} 4,400 м.
	{ Исламъ.	36.4°	90	
	{ Лехимъ .	36.6°	84	
6 августа, въ 12 ч. пополудни	{ я	35.5°	86	} 5,300 м.
	{ Лехимъ .	35.6°	82	
	{ я	36.2°	94	
{ Исламъ.	35.6°	86		
{ Лехимъ .	35.9°	84		
16 августа, въ 8 ч. вечера.	{ я	35.35°	106	} 6,300 м.
	{ Исламъ.	36.62°	98	
	{ Лехимъ .	36.65°	116	
17 августа, въ 9 ч. вечера.	{ я	36.12°	102	} 4,400 м.
	{ Исламъ.	36.6°	82	
	{ Лехимъ .	36.72°	84	

Хотя таблица эта страдаетъ неполнотой, можно принять за правило, что температура тѣла падаетъ, а пульсъ усиливается по мѣрѣ подъема. Усталость дѣйствуетъ, однако, такъ, что и по переходѣ изъ высшихъ поясовъ въ низшіе пульсъ нѣкоторое время продолжаетъ биться ускоренно.

У меня колебанія температуры тѣла не превышали обыкновенно $\frac{1}{2}^{\circ}\text{C}$, а пульсъ продолжалъ биться довольно ровно; вѣроятно, зависѣло это отъ того, что я тщательно избѣгалъ всякаго лишняго усилія. Люди-же мои, напротивъ, шли иногда пѣшкомъ. Самыя сильныя колебанія замѣчались у киргиза Техимъ-бая. На высотѣ 4,100 м. число ударовъ пульса достигало у него 36, на высотѣ 6,300 м. 116, т. е. на 2,200 м. разницы въ высотѣ явилась разница въ 50 ударовъ.

Неправильные скачки въ таблицѣ объясняются многими побочными обстоятельствами, какъ-то: болѣе или менѣе усиленными движеніями, болѣею или меньшею чувствительностью къ разрѣженности воздуха, случайнымъ нездоровьемъ и т. п. Я, впрочемъ, всегда производилъ измѣренія послѣ довольно продолжительнаго отдыха, когда отдышка, усиленное выдѣленіе пота, ускоренное дыханье и сердцебиеніе, а также усталость уже имѣли время улечься.

Опытъ научилъ насъ, что невозможно въ одинъ день совершить подъемъ на вершину, но мы убѣдились также и въ томъ, что крайне непрактично ночевать на высотѣ 20,000 ф.—такая ночь сильно отзывается на физическомъ и нравственномъ самочувствіи.

Лучшимъ средствомъ достигнуть вершины было бы, безъ сомнѣнія, отправиться яснымъ тихимъ утромъ въ началѣ іюля изъ лагеря на 5,000 м. высоты и совершить подъемъ въ одинъ день. Яками слѣдуетъ пользоваться до послѣдней возможности, а, когда они откажутся идти, продолжать путь пѣшкомъ. Къ сожалѣнію, я не могъ больше повторять своихъ попытокъ отчасти изъ-за поздняго времени года, отчасти изъ-за дурной погоды.

Во всякомъ случаѣ, если хотятъ удачи, подъемъ долженъ начаться изъ долины Сары-коль отъ западной подошвы горы, т. е. съ высоты 12,000—13,000 футовъ; этотъ склонъ не такъ крутъ. Напротивъ, съ востока, юга и сѣвера гора прямо неприступна.

Если-бы на подъемъ отважился бывалый и хорошо подготовленный альпинистъ въ сопровожденіи закаленныхъ и опытныхъ проводниковъ-швейцарцевъ, онъ навѣрное достигъ-бы очень значительной высоты, а, можетъ быть, и сѣверной вершины. Но даже и проводникъ швейцарецъ, какъ-бы онъ ни былъ опытенъ, очутится здѣсь совершенно въ неизвѣстныхъ для него условіяхъ, такъ какъ вершина Мустагъ-аты на 9,000 ф. выше высочайшихъ вершинъ Европы.

Итакъ, прощай, отецъ ледяныхъ горъ, мощный властелинъ великановъ Памира, являющійся узломъ высочайшихъ хребтовъ свѣта и шпиремъ на „крышѣ міра“, точкой, гдѣ Куиь-лунь, Кара-корумъ, Гинду-ку и Тянь-шань протягиваютъ другъ другу руки. Продолжай сіять маякомъ для блуждающихъ по пустынѣ. Посылай освѣжающее вѣяніе съ своихъ снѣжныхъ вершинъ изнывающему отъ лѣтняго зноя въ пустынѣ страннику, и пусть оживляющіе источники, рождающіеся въ твоемъ лонѣ, журчанье которыхъ я слышу сейчасъ, продолжаютъ тысячелѣтія свою отчаянную борьбу съ все душащимъ пескомъ!

XVI.

Новое путешествіе по Памиру.

18 августа послѣдній разъ побывали на ледникѣ Ямбулакъ. Надо было провѣрить положеніе шестовъ, водруженныхъ нами въ ледъ 3 августа.

Оказалось, что они едва едва подвинулись за эти двѣ недели. Чѣмъ ближе къ серединѣ ледника, тѣмъ, однако, передвиженіе ихъ сказывалось замѣтнѣе, доходя даже до 0.304 м. въ день.

Интересное наблюденіе было сдѣлано по близости береговой морены. Ледникъ здѣсь расширяется, а во льду, по ближе къ берегу, образуется встрѣчный потокъ, который по происхожденію и дѣятельности походитъ на прибрежный рѣчной водоворотъ; срокъ времени, нужный вообще для кон-

статированья движенія этого встрѣчнаго потока, является въ сравненіи съ его величиной, однако, очень продолжительнымъ, и нагроможденіе льда, которое должно было-бы явиться слѣдствіемъ водоворота, успѣваетъ отчасти парализоваться разрушающимъ дѣйствіемъ атмосферы.

Внѣшній видъ льда сильно измѣнился. Въ послѣднее наше посѣщеніе ледникъ былъ покрытъ снѣгомъ и крупной; теперь онъ былъ обнаженъ и выставлялъ наружу острые ребра, глубокія впадины, просверленные всосавшимися въ ледъ камнями; идти по леднику было поэтому очень скользко и затруднительно.

На обратномъ пути мы наблюдали явленіе, котораго до сихъ поръ не замѣчали. Около правой береговой морены ледника Ямбулакъ находится глубокая разсѣлина, образовавшаяся отъ землетрясенія и простирающаяся отъ мыса ледника Большого Кемпиръ-кышлака почти до того мѣста, гдѣ были произведены нами измѣренія. Разсѣлина мѣстами ординарная, мѣстами двойная, напоминаетъ формой ровъ; глубина ея доходитъ почти до 5 м., а ширина 15—20 м. Дно разсѣлины усѣяно щебнемъ, пескомъ и землястыми частицами, обрушившимся туда съ теченіемъ времени.

Оба края разсѣлины постоянно имѣютъ одинаковый уровень. Правая-же береговая морена ледника Ямбулакъ обнаруживаетъ рѣзкое пониженіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта разсѣлина проходитъ подъ ней. Киргизы сообщали, что разсѣлина образовалась послѣ сильнаго землетрясенія, бывшаго 18 лѣтъ тому назадъ, еще при жизни Якубъ-бека. Землетрясеніе разразилось въ области Тагармы, Турбулюна и всей западной части группы Мустагъ-ата, но не было замѣтно около Су-баши или Кара-гашъ-давана. Въ береговой моренѣ не произошло, такимъ образомъ, никакихъ измѣненій за всѣ 18 лѣтъ.

То обстоятельство, что землетрясеніе не было замѣтно въ Су-баши, т. е. всего въ 2 часахъ разстоянія, доказываетъ, что землетрясеніе имѣло чисто мѣстный характеръ. Насколько оно отразилось на самомъ ледникѣ, киргизы не могли сказать. На самой поверхности ледника, конечно, не было замѣтно разщелинъ, такъ какъ таковыя, если и были когда, давно уже снова заполнились льдомъ. Между тѣмъ такія трещины

могли-бы доставить отличный случай для изслѣдованія толщины и структуры льда. Землетрясенія не представляютъ обычнаго явленія въ области Мустагъ-аты; лишь разъ въ 3—5 лѣтъ замѣчаются слабые толчки.

Выступая изъ Кашгара въ іюнѣ, я располагалъ посвятить изслѣдованію Мустагъ-аты только 2 мѣсяца. Такого срока оказалось, однако, недостаточно, и я наполовину не успѣлъ закончить своихъ работъ, да и продовольственныхъ запасовъ не хватило. Приходилось ѣхать въ Памирскій постъ добывать все нужное.

Зная, что китайцы зорко слѣдятъ за мной, чуть-ли не считая меня шпиономъ, я не хотѣлъ давать лишней пищи ихъ подозрѣніямъ и рѣшился перейти границу тайкомъ, ночью, въ необерегаемомъ карауломъ пунктѣ и такимъ-же путемъ вернуться обратно. Сопровождать меня должны были только Исламъ-бай, да двое киргизовъ: всѣхъ остальныхъ я отпустилъ. Съ помощью бека Тогдасына мы распространили слухъ, что я направился къ Кара-коруму, южному склону группы Мустагъ-аты.

Вечеромъ 19 августа я отправилъ всѣ свои вещи и коллекціи къ одному изъ моихъ киргизскихъ друзей, старику Іехимъ-баю, который отлично спрягалъ ихъ подъ коврами и кошмами. По возвращеніи изъ Памирскаго поста мы узнали, что китайцы, удивленные моимъ исчезновеніемъ, производили развѣдки по всей мѣстности. Умный Іехимъ-бай счелъ за лучшее препроводить весь мой багажъ въ болѣе надежное упрямое мѣстечко и скрылъ его подъ большой глыбой въ конечной моренѣ ледника Кемпиръ-кышлака, предварительно хорошенько окутавъ сундуки войлоками, чтобы предохранить отъ сырости.

Въ кибиткѣ Іехимъ-бай мы сдѣлали всѣ приготовленія къ бѣгству. Добыли четверку хорошихъ лошадей, упаковали всѣ нужные приборы, кошмы и ковры и продовольствіе на три дня, такъ какъ намъ предстояло ѣхать по совершенно неизвѣстной мѣстности 130 верстъ.

Часа два мы сидѣли возлѣ огня, болтая, распивая чай съ ядовыми сливками и закусывая бараниной. Потомъ, на восходѣ луны, люди навьючили лошадей, и въ 11 часовъ вечера мы, хорошенько закутавшись, такъ какъ дулъ сильный вѣтеръ,

отправились гуськомъ между грядями старыхъ моренъ Му-стагъ-аты.

Часа черезъ два мы спустились въ долину Сары-коль. Отсюда дорога вилась вверхъ, черезъ долину Мусъ-куру, къ перевалу того-же имени, находящемуся въ Сары-кольскомъ хребтѣ, ограничивающемъ Памирское плато съ востока. Какъ разъ тутъ-то внизу, въ долинѣ, намъ и предстояло миновать

Мальчики-киргизы.
(Съ рисунка автора).

опаснѣйшее мѣсто; здѣсь расположенъ китайскій караулъ оберегающій русско-китайскую границу.

Мы ѣхали тихо и медленно и проѣхали такъ близко отъ караула, что киргизы своими соколиными глазами видѣли юрты, но никто не окликнулъ насъ, даже собаки не залаяли, хотя съ нами былъ Джолдашъ. Люди мои сильно труслили и ободрились только, когда мы оставили караулъ далеко позади, — они знали, что если-бы насъ захватили, имъ пришлось-бы отвѣдать китайскихъ бамбуковыхъ палокъ.

Около 4 ч. утра 20 августа мы счастливо достигли перевала Мусъ-куру, гдѣ были сдѣланы нѣкоторыя наблюденія, во время которыхъ насъ захватила вьюга. Отсюда мѣстность медленно понижается къ западу. Мы ѣхали по широкой долинѣ Нагара-кумъ (барабанный песокъ). Дно ея усыпано большей частью мелкимъ желтымъ летучимъ пескомъ, который около склоновъ горъ образуетъ красивыя дюны. Песокъ наносится сюда западными и югозападными вѣтрами, которые почти постоянно бушуютъ надъ Памиромъ. Но они не могутъ переступить порога, образуемаго хребтомъ Сары-коль, и поэтому песокъ накапливается у подошвы хребта.

Область эта совершенно безводна и поэтому необитаема лѣтомъ, но зимою, когда снѣгъ доставляетъ достаточное количество воды, киргизы заходятъ и сюда. Лишь около Сары-булака (желтый источникъ) изъ почвы просачивалось немного воды, благодаря которой здѣсь и образовалась лужайка съ довольно хорошимъ подножнымъ кормомъ. Мы и сдѣлали тутъ привалъ съ 10 до 1 часу.

Къ вечеру добрались до обширныхъ равнинъ Кошъ-агыла, гдѣ почва ровная и твердая, какъ полъ. Росли здѣсь только рѣдкіе кусты терескена, бросавшіе при лучахъ заходящаго солнца длинныя черныя тѣни. Здѣсь мы вступили въ область характернаго плато восточнаго Памира съ его широкими, ровными безводными долинами и низкими, округленными, сильно вывѣтрѣлыми хребтами и кряжами.

Въ сумерки достигли Мургаба, который въ эту пору являлся величественной рѣкой; привалъ сдѣлали на маленькой лужайкѣ на правомъ берегу рѣки, гдѣ и провели ночь прямо подъ открытымъ небомъ.

Нѣсколько словъ о моемъ вѣрномъ Джолдашѣ! Онъ былъ моимъ дорожнымъ товарищемъ и въ этомъ путешествіи по Памиру, переносилъ самыя тяжелыя лишения безъ ронота, неуклонно несъ при насъ ночную сторожевую службу и при этомъ всегда былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Когда мы, бывало, по пути приближались къ какому-нибудь аулу, онъ стрѣлой мчался впередъ и тотчасъ заводилъ драку съ собаками аула. Не смотря на всю его ловкость и увертливость, ему, разумѣется всегда задавали трепку, и тѣмъ не менѣе онъ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго страха

передъ неприятелемъ, хоть-бы послѣдній и былъ вдесятеро сильнѣе его.

Во время этого форсированнаго марша на Памирскій постъ Джолдашъ стеръ себѣ заднія лапы. Люди и спшили ему кожаные чулки, въ которыхъ онъ сталъ похожъ на „Кота въ сапогахъ“. Презабавно было смотрѣть, съ какою осторожностью онъ испытывалъ это диковинное приспособленіе. Сначала онъ перебиралъ только передними лапами, тащась на обѣихъ заднихъ въ присѣсть. Потомъ заковылялъ на трехъ ногахъ, попеременно пуская въ ходъ то ту, то другую изъ заднихъ лапъ, и въ концѣ концовъ вполнѣ убѣдился въ цѣлесообразности обуви, защищавшей заднія лапы отъ новыхъ пораненій.

На слѣдующее утро мы перебрались на лѣвый берегъ Мургаба и продолжали путь вдоль по рѣкѣ къ западу. Наконецъ, мы перешли кулисообразныя скалистыя высоты, которыя выступаютъ въ долину, и тутъ передъ нами вдругъ открылось расширеніе долины, гдѣ впадаетъ въ Мургабъ Акъ-байталъ и гдѣ расположенъ Памирскій постъ.

Мы ѣхали цѣлый день форсированной рысью. Около 5 ч. дня на фонѣ темныхъ горъ обрисовался голубоватый дымокъ, а, спусти часъ, мы въѣзжали во дворъ укрѣпленія.

Все было тихо и безмолвно; не было видно ни одного офицера; только часовой крикнулъ: „кто идетъ?“ Оказалось, что вчера пріѣхалъ въ крѣпость молодой офицеръ изъ Петербурга, и крѣпостные офицеры устроили сегодня въ честь его пикникъ гдѣ-то неподалеку.

Общество, впрочемъ, скоро вернулось съ моимъ старымъ другомъ капитаномъ Зайцевымъ во главѣ. Зато изъ молодыхъ офицеровъ, служившихъ прошлою зимою подъ его начальствомъ, не осталось никого; всѣ ушли съ генераломъ Ионовымъ въ походъ въ Шугнанъ на афганцевъ. Ихъ смѣнили другіе, которымъ предстояло служить подъ командой капитана генеральнаго штаба Скерскаго. Еще, со времени моего пребыванія, въ укрѣпленіи произошли двѣ перемѣны. Въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ, которое одинъ изъ моихъ ферганскихъ друзей называетъ райскимъ уголкомъ, потому что тутъ нѣтъ женщинъ, появилась теперь молодая супруга новаго коменданта, нѣмка по происхожденію, очень симпатичная дама, самымъ любезнымъ образомъ исполнявшая роль хозяйки за столомъ. Конечно, у

всякаго свой вкусъ, но, по моему, теперь крѣпость болѣе заслуживала названія рая, чѣмъ прежде. Затасканные военные сюртуки и нечищенные сапоги уступили мѣсто болѣе тщательному туалету. Смягчающее облагораживающее вліяніе женщины сказывалось во всемъ.

Затѣмъ, въ крѣпости появился оркестръ изъ 12 человѣкъ, который игралъ ежедневно во время обѣда подъ окномъ „офицерскаго собранія“, или „клуба“, какъ называлась теперь зала казино, стѣны котораго были увѣшаны картами Памира и планами крѣпости.

Къ югу отъ Памирскаго поста тянется въ широтномъ направленіи горная цѣпь, отдѣляющая долину Мургаба отъ Аличуръ-Памира и называющаяся Базаръ-дере. Какъ разъ здѣсь горы дѣлаютъ изгибъ къ югу, и Мургабъ жметъ къ скаламъ, также образуя почти правильную дугу; теченіе его здѣсь очень быстрое.

Однажды мы съ капитаномъ Зайцевымъ совершили по рѣкѣ прогулку въ лодкѣ, сдѣланной казаками изъ пропитанной масломъ парусины и деревянныхъ планокъ. Мы сѣли въ нее, пройдя предварительно порядочный конецъ вверхъ по рѣкѣ, и тихонько поплыли внизъ, причемъ приходилось стараться держаться середины теченія, чтобы избѣгнуть предательскихъ мелей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вода сжата въ узкій глубокий протокъ, лодка неслась съ страшной быстротой.

Множество излучинъ, которыя дѣлаетъ рѣка, обуславливаютъ постоянную смѣну панорамъ. То и дѣло впадаешь въ комическое заблужденіе: кажется, что лодка скользитъ прямохонько, а горизонтъ извивается изъ стороны въ сторону. Крѣпость то видна съ правой стороны, то оказывается на лѣвой; въ концѣ концовъ голова идетъ кругомъ.

Вода течетъ около береговъ съ еле слышнымъ журчаньемъ; вообще водная масса течетъ по руслу словно масло, и увлекаетъ лодку, точно скорлупку. Послѣ часовой веселой прогулки мы пристали къ берегу мокрые, какъ лягушки, проплывъ порядочный конецъ внизъ по рѣкѣ, до того мѣста, гдѣ рѣка снова расширяется на небольшомъ протяженіи.

Недалеко отъ Ша-джана, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было возведено первое русское укрѣпленіе, и въ четырехъ

верстахъ отъ нынѣшней крѣпости, долина Мургаба суживается, рѣка также, становясь зато глубже и быстрее. Здѣсь расположенъ киргизскій аулъ изъ шести юртъ. Здѣсь-же находится послѣдній безопасный бродъ черезъ рѣку, которымъ пользуются всѣ, кому нужно въ западный Памиръ.

27 августа я отправился на Япиль-куль; меня любезно сопровождали весь первый день (40 верстъ) капитанъ Зайцевъ и молодой поручикъ. Къ несчастью, киргизы около Ша-джана дали намъ дурной совѣтъ перейти черезъ рѣку въ 10 верстахъ ниже, такъ какъ, по ихъ словамъ, тамъ правый берегъ былъ удобнѣе для ѣзды, и воды въ рѣкѣ было значительно меньше. Когда мы добрались до указаннаго мѣста, одинъ изъ киргизовъ отправился впередъ показать самый бродъ. Посреди рѣки вода, однако, дошла до 120 сантим. глубины; лошадь потеряла опору подъ ногами, и теченіемъ ее понесло внизъ по рѣкѣ. Къ счастью, ей опять удалось попасть на мелкое мѣсто, и она вышла на другой берегъ съ мокрымъ до пояса всадникомъ.

Послѣ того, какъ бродъ перешли еще двое киргизовъ, капитанъ Зайцевъ тоже бросился съ лошадью въ воду и достигъ другого берега, но до того вымокъ при этомъ, что счелъ за лучшее стащить съ себя полные воды сапоги и высушить ихъ и нижнее платье на солнышкѣ. У меня не было никакой охоты искупаться, поэтому я дождался трехъ верблюдовъ, навьюченныхъ нашими пожитками, взобрался на самого высокаго изъ нихъ и перебрался сухимъ.

Затѣмъ, мы продолжали путь и въ сумерки достигли устья долины Агалхаръ, гдѣ разбили лагерь въ защитѣ торчащей изъ земли скалы. Зайцевъ захватилъ съ собою полный обѣдъ и пару бутылокъ краснаго вина, и мы весело поужинали при свѣтѣ пестрыхъ китайскихъ фонарей и ярко горящаго костра. Было произнесено много болѣе или менѣе подходящихъ къ случаю рѣчей, снѣго, хоть не совсѣмъ вѣрно, множество пѣсенъ и даже цѣлыхъ оперъ, будившихъ, однако, крайне негармоничное эхо между скалъ. Къ счастью, другихъ слушателей, кромѣ насъ самихъ, да киргизовъ, не было; послѣдніе стояли вокругъ и глядѣли на насъ съ изумленіемъ, вѣроятно, опасаясь — не повыскачили-ли у насъ въ пути изъ головъ кое-какіе винтики. Лишь далеко за полночь пѣніе уступило мѣсто пріятнымъ сновидѣніямъ.

На слѣдующій день мы остановились въ Агалхарѣ, гдѣ капитанъ Зайцевъ съ успѣхомъ сѣялъ ячмень, пшеницу и сажалъ рѣпу и редиску, не смотря на то, что мѣсто это находится на высотѣ 11,000 ф. Въ теченіе дня я нанесъ на карту часть теченія рѣки къ западу. Проведя вмѣстѣ еще одинъ веселый вечеръ, мы разстались рано утромъ 2 августа; мои русскіе друзья вернулись на Памирскій постъ, а я съ моими людьми продолжалъ путь по долинѣ Агалхаръ.

Въ теченіе двухъ дней мы перевалили черезъ хребетъ Базаръ-дере, въ которомъ открыли новый перевалъ на высотѣ 4,869 м. и назвали его переваломъ Зайцева. Значенія большого онъ не имѣетъ, такъ какъ труднопроходимъ: подъемъ очень крутъ, и оба склона покрыты мелкимъ сланцевымъ щебнемъ, по которому лошадямъ трудно ѣхать. Едва замѣтная тропинка черезъ перевалъ свидѣтельствовала, что имъ пользуются только дикія козы, да архары.

По южную сторону хребта мѣстность медленно понижается, переходить въ Мусъ-джилгу и затѣмъ въ широкую продольную долину Аличуръ, лежащую почти на 2,000 ф. выше долины Мургаба. Въ ней разбросано 120 киргизскихъ кибитокъ. Еще два дня пути, и мы были въ Сюме на восточномъ берегу Япиль-куля. По дорогѣ перешли черезъ р. Акъ-балыкъ (бѣлая рыба), иначе называемую Балыкъ-мазаръ (рыбная святня); около сѣвернаго берега долины изъ земли бьютъ ключи, образующіе бассейны въ три метра глубины и едва въ 20 м. въ діаметрѣ; въ темно-синей, прозрачной водѣ, имѣющей температуру 4° С, водится множество большихъ (1 ф. длиною) жирныхъ рыбъ съ черной спиной.

Онѣ живо заинтересовали насъ съ кулинарной точки зрѣнія, и мы сдѣлали долгій привалъ у бассейна, чтобы наловить ихъ. То обстоятельство, что у насъ не было съ собою никакихъ рыболовныхъ снарядовъ, разумѣется, мало смущало насъ. Съ помощью бичевки, крючка отъ часовой цѣпочки и кусочка баранины мы скоро выловили три рыбы. На почвкѣ въ Босалѣ киргизы поджарили ихъ на яковомъ маслѣ, и у насъ заранѣе текли слюнки. Но рыбы оказались несъѣдобными, имѣли противный терпкій вкусъ. Одному Джолдашу онѣ пришлось по вкусу, но ему пришлось раскаяться въ своей жадности, — должно быть, разстроилъ себѣ желудокъ и вылъ всю ночь.

На лѣвомъ берегу р. Аличуръ намъ попалась одинокая могила, обнесенная каменной оградой. Здѣсь погребены семь афганскихъ солдатъ, павшихъ два года тому назадъ въ бою съ русскими. Тутъ-же валялись лохмотья кошмъ и шесты отъ кибитокъ, въ которыхъ они жили. Шесты наполнили нашъ запасъ топлива, хотя Іехимъ и протестовалъ противъ ограбленія могилы.

Ночь на 2 сентября мы провели въ рабатѣ Сюме, который представляетъ три гумбеза (башенки ульеобразной формы), возведенные ханомъ Абдуллахомъ, а на слѣдующее утро мы побывали на бившемъ неподалеку горячемъ сѣрномъ источникѣ температуры 60.6° , а также прошли взглянуть на „тамга-ташъ“ (камень-печать), говорившій, что было время, когда китайцы считали себя господами Памира. На верхней сторонѣ камня есть углубленіе, въ которое была прежде вставлена каменная плита съ надписью, увезенная въ Петербургъ.

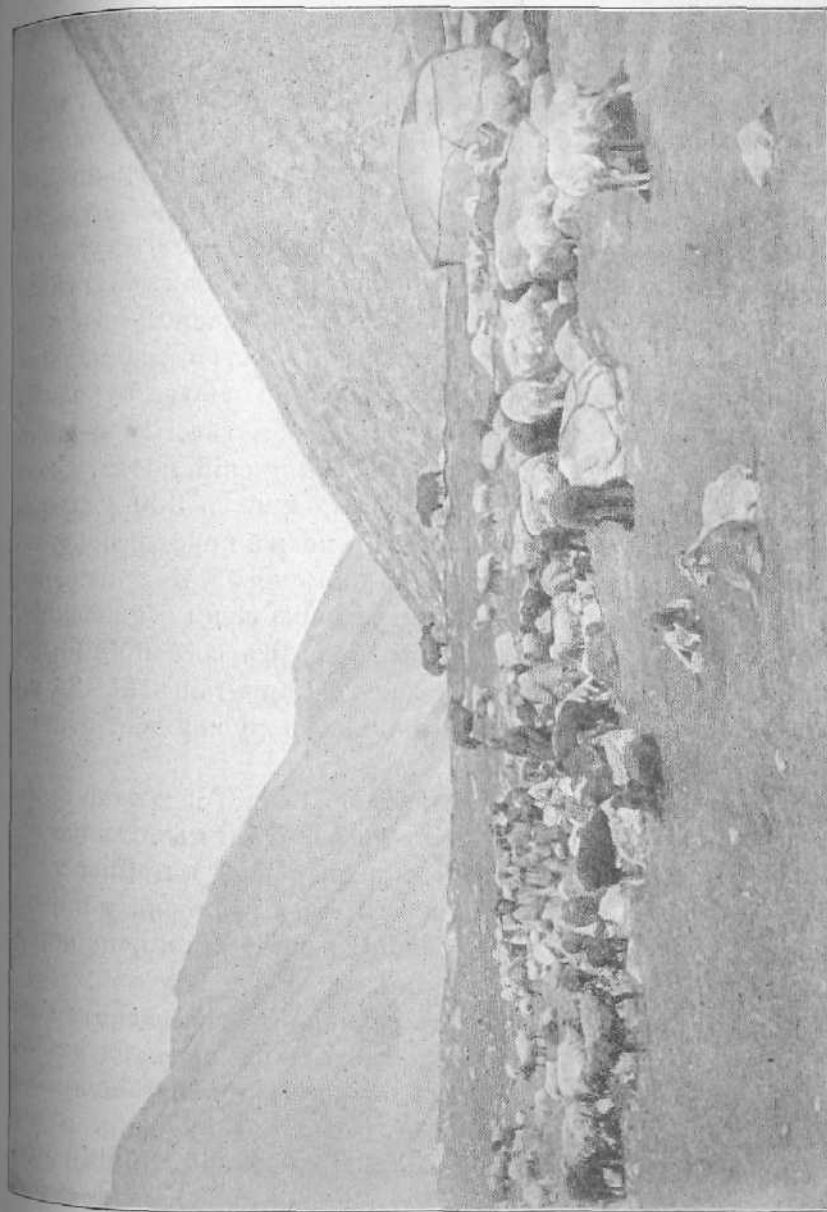
Затѣмъ мы отправились на западъ по сѣверному берегу Япиль-куля, расположенному на высотѣ 3,799 м. Долина Аличуръ суживается здѣсь такъ, что ширина озера не превышаетъ 3 килом., длина-же его равняется 23 килом. Вода въ немъ голубовато-зеленая, но не такая прозрачная, какъ въ Маломъ Кара-кулѣ; температура ея равнялась 18° . Мы ѣхали по самому берегу, сложенному изъ сильно вывѣтрѣлаго гранита; изъ осыпающагося щебня образовался около озера мощный увалъ, уголъ паденія котораго равнялся 33° .

По обѣимъ берегамъ идутъ поперечныя долины съ рѣками. Самая большая долина Чонъ-Марджанай съ рѣкой того же имени, притокъ воды въ которой равнялся 3 куб. м. въ секунду; впадала она въ озеро нѣсколькими рукавами, образующими дельту.

На небольшой низкой косѣ Кемпиръ-чокъ мы сдѣлали привалъ. Разостлавъ кошмы на землѣ между густыми, но уже высохшими и потерявшими листву кустами, мы сварили себѣ чаю и принялись за свой простой ужинъ. Громадный костеръ изъ вѣтвей кустарника далеко освѣщаль окрестность. Я занесъ въ дневникъ событія дня, огонь сталъ потухать, и мы, завернувшись въ тулупы, заснули подъ монотонный плескъ озера.

3 и 4 сентября былъ изслѣдованъ западный берегъ Япиль-куля, въ высшей степени интересная мѣстность. На южномъ

берегу возвышался отрогъ мощной горной цѣпи, отдѣляющей Япиль-куль отъ Шугнана и носящей здѣсь общее названіе

Киргизское кочевье въ долинѣ Сары-коль.
(Съ фотографіи автора).

Кара-корума. Гребень хребта на западномъ берегу озера, гдѣ вытекаетъ изъ него рѣка Гунтъ, покрытъ снѣгомъ. Здѣсь

замѣтны слѣды бывшаго тутъ нѣкогда мощнаго ледника, который и загорюдилъ долину своими моренами.

Яшилъ-куль оказывается, слѣдовательно, одинаковаго происхожденія съ Малымъ Кара-кулемъ. Воды долины Алчуръ собираются въ этотъ водоемъ прежде, чѣмъ перейти черезъ порогъ моренъ, и затѣмъ подъ именемъ Гунта прорѣзываютъ узкую крутую и дикую долину и впадаютъ въ р. Пянджъ. Морены состоятъ изъ мощныхъ глыбъ гранита, и переходъ черезъ нихъ очень труденъ.

Я сначала очень удивился увидавъ, что притокъ воды въ Гунтѣ, сливущемъ такой-же большой рѣчкой, какъ Мургабъ, равняется всего 8 куб. м. въ секунду, но скоро нашелъ объясненіе этому явленію. Главная часть водной массы просачивается подъ самой мореной, подъ которой ясно и слышно ея журчанье.

Черезъ Аличурскій Памиръ и перевалъ Найза-ташъ (4,155 м.) я вернулся еще разъ на Памирскій постъ. Сюда дошелъ слухъ, что бекъ Тогдасынъ получилъ 300 ударовъ за то, что не донесъ Джанъ-дарыну о моемъ переходѣ черезъ границу, и что бекъ лежитъ теперь при смерти. Опасаясь, что китайцы секвеструютъ оставленные мною вещи и коллекціи, я поспѣшилъ, сердечно распростившись съ гостепріимными русскими офицерами, черезъ перевалъ Сары-ташъ (4,434 м.) къ Мустагъ-атѣ, и 16 сентября мы благополучно достигли ея западнаго склона.

Тутъ мы узнали, что слухъ насчетъ бека Тогдасына былъ невѣренъ. Старикъ былъ здоровъ и веселъ и въ тотъ же вечеръ навѣстилъ насъ. Насчетъ моихъ вещей китайцы такъ ничего и не узнали, несмотря на всѣ свои развѣдки у киргизовъ, бывшихъ у меня въ услуженіи; вещи были хорошо припрятаны въ скалахъ подъ глыбами.

За время нашего отсутствія зима подвинулась гигантскими шагами. Снѣговой покровъ горъ значительно спустился внизъ; весь Сарыкольскій хребетъ былъ покрытъ тонкой бѣлой пеленой; горныя рѣчки сузились въ крохотные ручейки, и вся природа точно готовилась погрузиться въ долгій зимній сонъ. Мустагъ-ата вздымалась надъ нами ледяная, холодная, грозная, и у насъ пропала уже всякая охота атаковать великана.

Вмѣсто того, мы направились на югъ, вдоль подошвы горы, съ цѣлью закончить лѣтнія картографическія работы.

20 сентября мы предприняли новую экскурсію по леднику Чумъ-каръ-кашка, чтобы отыскать жерди, водруженные нами 13 августа. Измѣненіе ихъ положенія указывало на крайне незначительное поступательное движеніе ледника. Наиболѣе замѣтно сказывалось оно посрединѣ ледяного потока (0,043 м. въ день). Вѣроятно, такая медленность есть общее свойство ледниковъ Мустагъ-аты и зависитъ главнымъ образомъ отъ долгой зимы, значительной инсоляціи и сильнаго испаренія.

Ледникъ Чумъ-каръ-кашка является характернымъ пунктомъ границы. Питаемая имъ рѣка течетъ въ озеро М. Кара-куль и въ Кашгаръ, тогда какъ всѣ воды, вытекающія южнѣе, на-

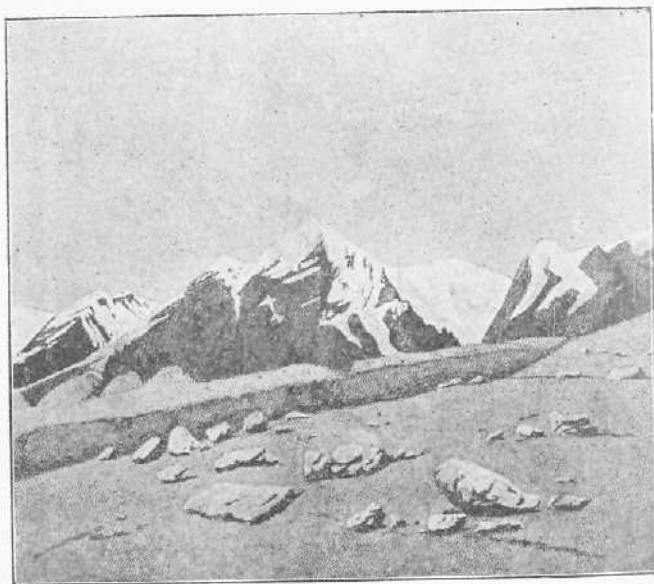
Западная часть о. Яшилъ-куль.
(Съ рисунка автора).

правляются въ Яркендъ-дарью. Всѣ эти рѣчки и ручьи, которые мы переѣзжали во время нашего дальнѣйшаго движенія, вырыли себѣ довольно глубокия русла въ нижнихъ округленныхъ склонахъ группы Мустагъ-аты, покрытыхъ продуктами процесса вывѣтриванья и старыми моренами, и усѣянныхъ отдѣльными гнейсовыми глыбами; лужайки же здѣсь встрѣчаются лишь изрѣдка.

На западѣ изъ подъ щебня во многихъ мѣстахъ выступаютъ острые верхушки скалъ и изъ огромнаго ущелья выйдутъ ледникъ Кокъ-сель. Конечная морена его громаднхъ размѣровъ, и вытекающая изъ него рѣка принимаетъ притоки со всѣхъ сторонъ. Мы замѣтили, что чѣмъ дальше мы подвиг-

гаемся къ югу, тѣмъ меньше становятся самыя ледники и тѣмъ больше старыя морены, что могло зависѣть отъ того, что идущіе къ югу ледяные потоки проявляли прежде болѣе усиленную дѣятельность, нежели идущіе къ сѣверу.

21 сентября мы описали большой кругъ вдоль подошвы группы Мустагъ-аты къ OSO и на востокъ къ леднику Саръ-агыль, а 22 сентября дальше мимо ледниковъ Шиверъ-агыль и Гердумбашъ; оба они недоступны вслѣдствіе непроходимости окружающихъ ихъ моренныхъ грядъ, по которымъ не перебраться даже якамъ. Массивъ горы съ этой стороны предста-

Кара-корумъ, южная часть группы Мустагъ-аты.

(Съ рисунка автора).

вляется какъ-бы разорваннымъ, — весь въ зубцахъ, скалы и выступы на каждомъ шагу. Ледники здѣсь имѣютъ короткое протяженіе, часто обрываются еще раньше, чѣмъ успѣютъ выступить изъ ущелья; нижніе склоны Мустагъ-аты носятъ характеръ давняго мореннаго ландшафта, съ цирками, уступами, валунами и озерами. Еще ниже они мало-по-малу переходятъ въ равнину Тагарма.

Два слѣдующихъ ущелья называются Кара-корумъ. Въ нихъ нѣтъ ледниковъ, но у подошвы много старыхъ моренъ, сильно изрытыхъ водами; вся мѣстность усеяна гигантскими

валунами прекраснаго сѣраго гнейса и небольшими камнями кристаллическаго сланца; между ними держится множество зайцевъ. Вся эта мѣстность носить названіе Кара-корума и оправдываетъ свое прозвище.

Подъ копецъ мы направились къ NO, вступили въ долину р. Тегерменъ-су и сдѣлали привалъ на берегу рѣки, гдѣ нашлось прекрасное мѣстечко на травѣ, между кустами. Здѣсь мы пробыли до 23 сентября. Минимальный термометръ далъ за ночь $-1-5^{\circ}$, показывая, что мы спустились въ нижніе пояса. Притокъ воды въ рѣкѣ равнялся въ 4 ч. дня 2 куб. метр. въ секунду; температура воды $+8.3^{\circ}$; самая вода была прозрачна, чиста и свѣтла.

Моимъ намѣреніемъ было обойти вокругъ Мустагъ-аты, слѣдуя около самой ея подошвы, а затѣмъ отъ Тегерменъ-су продолжать путь къ сѣверу и сѣверо-западу, назадъ къ озеру М. Кара-куль. Къ сожалѣнію, по словамъ киргизовъ, это было невозможно, такъ какъ восточные склоны, представляющіе хаосъ крутыхъ и зубчатыхъ гребней, были непроходимыми даже для пѣшеходовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я предпринялъ развѣдочную экскурсію до истоковъ рѣки и убѣдился, что киргизы правы.

Оставалось поэтому одно — обогнуть горную группу по старому пути черезъ Гыджакъ и Улугъ-рабатъ. 30 сентября мы и очутились снова на хорошо знакомомъ восточномъ берегу Малаго Кара-куля.

XVII.

На Маломъ Кара-кулѣ.

На этотъ разъ мы пробыли на Маломъ Кара-кулѣ съ конца сентября до 9 октября. Намъ нужно было отдохнуть, да и нечего было спѣшить съ этой значительной высоты въ долины; кромѣ того, я хотѣлъ путемъ промѣра глубины провѣрить свои выводы относительно образованія озера, сдѣланные мной въ первое посѣщеніе этой мѣстности.

Неподалеку находился аулъ изъ 6 кибитокъ. Я и привлекъ къ совѣщанію относительно способа промѣра глубины озера всѣхъ мужскихъ обитателей аула, бека Тогдасына и еще нѣсколькихъ изъ нашихъ киргизскихъ друзей. Лодки, разумѣется, негдѣ было достать; да и понятіе-то о лодкѣ вообще имѣлъ только одинъ изъ всѣхъ киргизовъ, видѣвшій таковую на верховьяхъ Аму-дарьи. Другіе-же и не знали вовсе, что это за штука такая и какъ ее сдѣлать. Матеріала для лодки также негдѣ было взять, — во всей долині Сары-коль растутъ только шесть тощихъ березокъ около Каинды-мазара, да и тѣхъ нельзя было трогать, не совершивъ святотатства. До ближайшей-же рощи было около 15 миль пути.

Единственнымъ матеріаломъ подъ рукой являлись слегка выгнутыя жерди, служащія для остова юрты, да шкуры животныхъ. Но какъ смастерить изъ этого лодку, не могъ придумать и умнѣйшій изъ киргизовъ. Тогда я сдѣлалъ изъ палочекъ и промасленнаго холста небольшую модель лодки съ парусомъ, рулемъ и килемъ; модель эта, къ большому удовольствію киргизовъ, отлично плавала по озеру.

Но бекъ Тогдасынъ заявилъ, что если смастерить такую лодку въ большихъ размѣрахъ, то прогулка въ ней навѣрняка будетъ стоить мнѣ жизни, и совѣтовалъ лучше подождать заморозковъ, когда озеро станетъ, чего надо было ожидать, по его словамъ, недѣль черезъ шесть. Уже теперь температура падала ночью до -10° , и маленькія береговыя лагуны каждое утро подергивались тонкимъ ледкомъ, который таялъ къ полудню. На Кара-куль же сильное волненіе не давало водѣ застыть, и кромѣ того въ теченіе всѣхъ девяти дней нашего пребыванія на озерѣ съ утра до вечера дулъ по направленію къ Булюнъ-кулю сильный южный вѣтеръ. Но мы не унывали: я уже слыхалъ и раньше шумъ волнъ и предпочиталъ потягаться съ богомъ вѣтровъ, чѣмъ дожидаться, пока озеро замерзнетъ.

Я велѣлъ разбить юрту всего въ 2 метрахъ разстоянія отъ самаго берега, чтобы поближе слышать музыку волнъ, а рядомъ съ юртой устроилъ и верфь, на которой мы стали сооружать лодку. Гибкія жерди связывались и переплетались крѣпкими бичевками, и черезъ нѣсколько часовъ остовъ

лодки былъ готовъ; въ длину онъ равнялся всего двумъ метрамъ, а въ ширину 1 метру.

Лошадь, околѣвшая наканунѣ, да одна овца ссудили намъ шкурами для обтяжки остова. Воздвигнута была и мачта съ краснымъ, какъ огонь, парусомъ; затѣмъ съ каждой стороны около бортовъ прикрѣпили по два надутыхъ козьихъ бурдюка, да около кормы одинъ, — корма уже начала было подозрительно погружаться. Весла соорудили тоже изъ жердей, расщепленныхъ на одномъ концѣ на подобіе двузубыхъ вилъ; между зубьями-же натянули козью кожу.

Рулемъ служила попросту укрѣпленная на кормѣ лопата.

3 октября эта своеобразная лодка была спущена. По правдѣ сказать, она не дѣлала чести шведскому судостроительству; судно нашему совершенно не доставало правильной округленности формъ, чѣмъ такъ славятся наши катера. Своими кривыми, косыми боками оно напоминало скорѣе поломанную коробку изъ подъ сардинокъ; когда-же его спустили на воду, и оно закачалось около берега на своихъ надутыхъ бурдюкахъ, то походило на какое-то допотопное животное.

Бекъ Тогдасынъ прибылъ раннимъ утромъ поглядѣть на чудовище. Остановившись въ почтительномъ разстояніи, онъ скорчилъ невыразимо комичную гримасу, обозначавшую, должно быть: „Такъ вотъ какія бываютъ лодки! Не ожидалъ!“ Ироническая-же улыбка, смѣнившая затѣмъ удивленное выраженіе, выражала, вѣроятно, слѣдующую мысль: „А, по моему, такъ это прескверный паромъ!“ Но онъ тактично промолчалъ, а я кусалъ губы, чтобы не разсмѣяться. Позже я пригласилъ его прокатиться вмѣстѣ, онъ согласился послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, и на дѣлѣ оказалось, что онъ далеко не такъ боялся воды, какъ всѣ его сородичи.

Въ день спуска судна къ намъ съѣхались и ближніе и дальніе киргизы, а за мореннымъ уваломъ укрылось съ десяткомъ киргизокъ въ большихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ. Я спросилъ стариковъ, какъ они думаютъ, удержался ли бы отъ смѣху самъ Джанъ-дарынъ, если бы мы погрузили его на наше судно и покатали по озеру, и старики чуть не лопнули со смѣху.

Однимъ словомъ, событіе это явилось поистинѣ сенса-

ционнымъ, самымъ необычайнымъ „тамаша“, и слухъ о немъ быстро распространился по всему восточному Памиру. На обратномъ пути, далеко отъ Кара-куля, насъ не разъ спрашивали въ киргизскихъ аулахъ, гдѣ мы останавливались ночевать, правда-ли, что одинъ чужеземецъ, у котораго были крылья, взлеталъ на самую Мустагъ-ату и потомъ леталъ черезъ озеро. Молла Исламъ понемногу сложилъ по этимъ рассказамъ цѣлую пѣсню и распѣвалъ ее по вечерамъ подъ аккомпаниментъ „гыджека“ (скрипки), и, пожалуй, пѣснь этой суждено по правамъ легенды, перейти въ грядущія поколѣнія.

„Выпадаютъ въ жизни минуты“ — увѣряютъ нѣкоторые остроумные писатели; и мнѣ представился случай убѣдиться въ этомъ: для меня дѣйствительно „настала минута“, когда наше судно было спущено на воду. Киргизы слѣдили, затаивъ дыханье, за всѣми его движеніями и не мало дивились моему храбрости, когда я сѣлъ въ лодку и прокатился по озеру, несмотря на сильный вѣтеръ. Но опасности не было никакой, судно прочно держалось на бурдюкахъ, и бекъ Тогдасынъ такъ разошелся, глядя на меня, что составилъ мнѣ компанію на слѣдующій пробный рейсъ.

Никогда чистыя, голубыя волны не плескались о борта болѣе жалкаго судна, которое чувствовало себя на водѣ въ своей стихіи не больше кошки или курицы. Оно нисколько не гордилось тѣмъ, что было первымъ судномъ на Кара-куль и на такой значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Напротивъ, оно боязливо качалось на рѣзвыхъ волнахъ, которыя словно играли съ нимъ, и, хотя остовъ его былъ обтянутъ лошадиной, овечьей и козьей шкурами, дѣлало самыя неуклюжіе повороты, притомъ именно тогда, когда меньше всего ожидали этого.

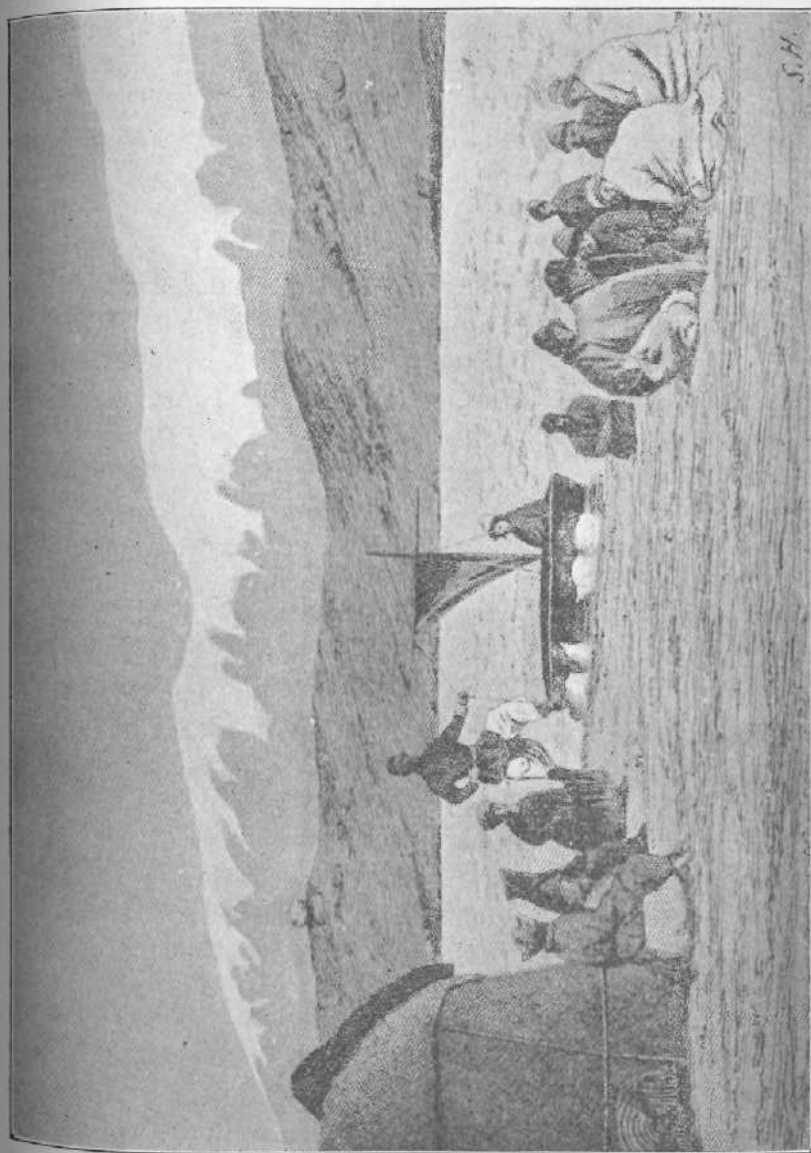
Да, это былъ настоящій „Свенъ Духва*)“ между локтами, „бравшій и направо и налево, но всегда наперекоръ командѣ“ и совершенно невѣдавшій, что такое лавировать.

Лодка наша соглашалась идти и на сѣверъ и на югъ, но только съ попутнымъ вѣтромъ, иначе преспокойно поверны-

*) Герой одной изъ пѣсней Рунеберга.

вала туда, куда дулъ вѣтеръ, словомъ, была настоящимъ якомъ по упрямству.

И такъ какъ все время дулъ южный вѣтеръ, то намъ

Нашъ лагерь и лодка на берегу Малаго Кара-куля.
(Съ рисунка автора).

оставалось только каждый разъ перетаскивать лодку на южный берегъ и затѣмъ уже, плывя по вѣтру, производить промѣръ. Впервые этотъ способъ былъ примѣненъ 4 октября;

лодку на лошади перевезли по мелкой водѣ на южный берегъ; тамъ я усѣлся въ нее съ Магометомъ Турды. Вѣтеръ былъ не сильный, но холодный, и я поэтому надѣлъ тулупъ.

Мы были еще не особенно далеко отъ берега, какъ налетѣлъ шквалъ и развелъ сильное волненіе. Мы убрали парусъ и крѣпко схватились за борта, такъ какъ лодка прыгала, словно взбѣсившаяся лошадь. Положеніе было критическое, лодка быстро очутилась на серединѣ озера, и до обоихъ береговъ было далеко.

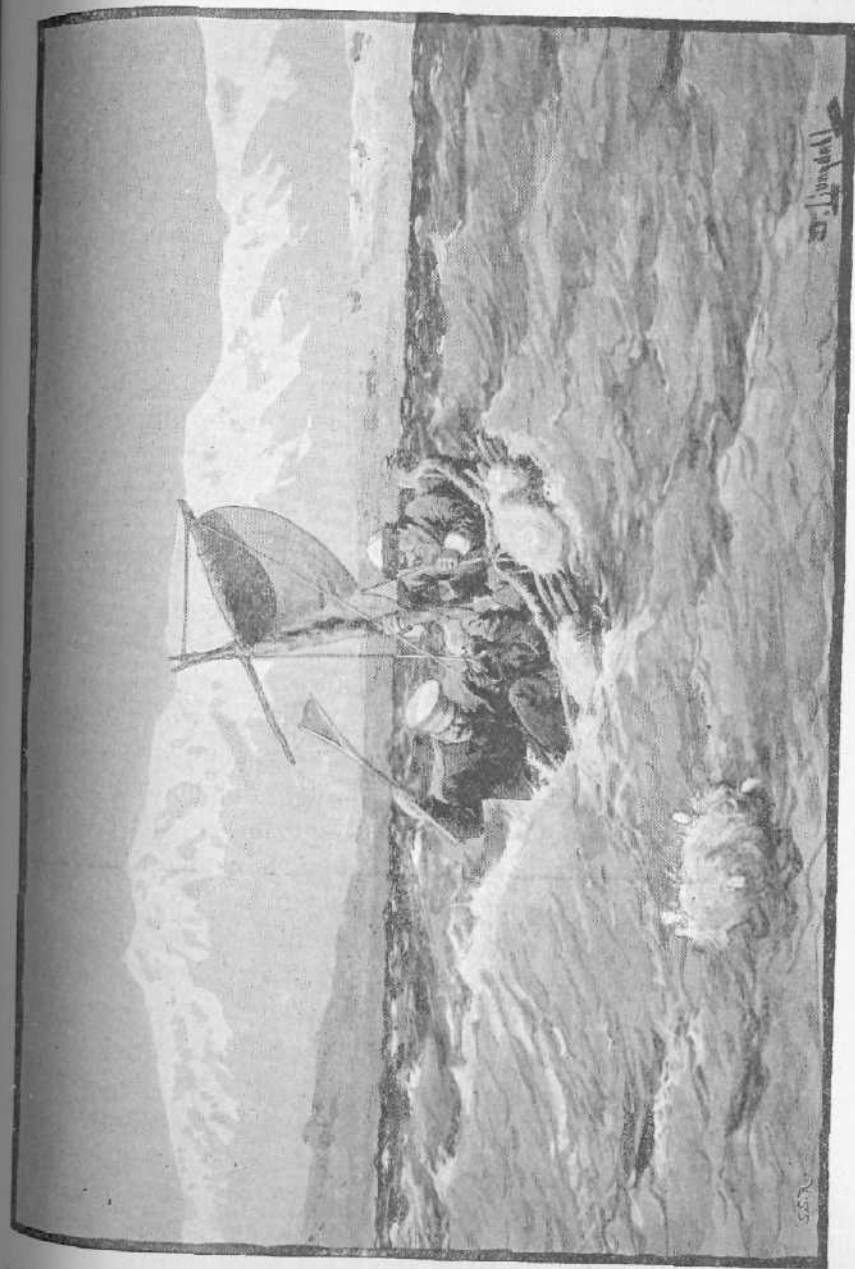
Я правилъ „рулемъ“; вдругъ корма нырнула въ волны, вода наполовину наполнила лодку и основательно вымочила насъ. Оказалось, что бурдюкъ, поддерживавшій корму, оторвался и поплылъ себѣ по волнамъ одинъ. Каждая новая волна, настигавшая насъ, обдавала насъ новымъ душемъ, хотя я и старался лопатой разрѣзать волны, а киргизъ изо всѣхъ силъ вычерпывалъ воду.

Положеніе становилось серьезнымъ, особенно въ виду того, что оба остальные бурдюка быстро худѣли, — воздухъ выходилъ изъ нихъ со свистомъ. Лодка накренилась на бокъ. Волны лѣзали въ нее со всѣхъ сторонъ, словно бѣшеные морскіе тролли въ бѣлыхъ шапкахъ.

Я сильно опасался, какъ-бы и остальные четыре бурдюка не оторвались и не уплыли, или какъ-бы изъ нихъ не вышелъ весь воздухъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ добраться до берега, и я уже измѣрялъ глазами разстояніе, соображая, смогу-ли я проплыть его.

Настроеніе наше, конечно, не выигрывало отъ того, что Магометъ Турды началъ испытывать приступы морской болѣзни. Онъ былъ блѣденъ, и бы сказалъ, какъ полотно, не будь онъ такъ желтъ отъ загара. Вѣднѣякъ раньше понятія не имѣлъ о томъ, что такое кататься въ лодкѣ и что такое морская болѣзнь, и поэтому не въ шутку воображалъ теперь, что пришелъ его послѣдній часъ.

Киргизы, и пѣшіе и конные, собрались на ближайшемъ къ намъ берегу и ждали съ минуты на минуту, что лодка потонетъ. Намъ, однако, посчастливилось продержаться съ нею на водѣ и добраться до мелкаго мѣста у берега. Тутъ у насъ гора свалилась съ плечъ. Промокшіе насквозь, но здоровые и невредимые мы, наконецъ, очутились на берегу, поспѣшили

Опасное плаваніе по Малому Кара-кулю.
(Съ рисунка Л. Лонгвалля).

въ лагерь и велѣли развести большой костеръ, чтобы высушиться.

Итакъ, первая-же научная экскурсія на лодкѣ потерпѣла
Свѣтъ Годинъ.

фіаско. Единственнымъ ея результатомъ было открытіе, что летучій песокъ, пожалуй, въ меньшей степени, нежели ледниковый илъ, способствуетъ обмеленію бассейна озера. Илъ наносится ручьями, вытекающими изъ ледниковъ, лишь въ теченіе лѣта, а вѣтры, наносящіе песокъ, дуютъ круглый годъ; песокъ, наносимый зимою на ледъ, впрочемъ, сметается съ него безслѣдно. Во время нашего перваго плаванія по озеру, насъ окутывало иногда цѣлыми облаками песку, такъ что береговъ почти не было видно. Къ вечеру вѣтеръ улегся, но вода все еще была мутная, и на зубахъ у насъ такъ и хрустѣло, когда мы ѣли за ужиномъ вѣчный супъ изъ баранины.

Въ теченіе слѣдующихъ дней, намъ удалось безъ особыхъ приключеній провести три хорошія промѣрныя линіи. 8-го мы отплыли отъ западной части южнаго берега. Въ этотъ день мы нарочно выѣхали попозднѣе, выжидая, чтобы вѣтеръ немного утихъ, и медленно поплыли по озеру, не ставя паруса, чтобы не помѣшать точности промѣра. Часъ проходилъ за часомъ, стало смеркаться и уже стемнѣло, пока мы успѣли выгрести на мелкое мѣсто; до сѣвернаго берега намъ оставалось какихъ нибудь сотни двѣ метровъ.

На мгновеніе наступило полное безвѣтріе, но вслѣдъ за тѣмъ съ силой задулъ сѣверный вѣтеръ и погналъ лодку, какъ скорлупку, на середину озера. Въ перспективѣ было цѣлое озеро и цѣлая ночь. Мало толку было, что мы работали веслами изо всѣхъ силъ, — вѣтеръ бралъ верхъ и насъ все несло на середину. Пока не взошелъ мѣсяцъ, было совершенно темно; на берегу Исламъ-бай, обезпеченный нашимъ долгимъ отсутствіемъ, развелъ большой костеръ, служившій намъ маякомъ. Сѣверный вѣтеръ продолжался, къ счастью, недолго, и къ полуночи мы съ помощью веселъ добрались таки до нашего лагеря.

Большимъ преимуществомъ здѣшняго фарватера являлась невозможность столкновенія въ темнотѣ съ другимъ судномъ. Мы были полными хозяевами на Кара-куль, и лодкѣ нашей открывался полный просторъ на озерѣ, имѣвшемъ въ длину 3 килом., а въ ширину — на южномъ концѣ 3 килом., на сѣверномъ 1 кил. и на серединѣ $1\frac{1}{2}$ килом.

Посмѣявшись надъ нашимъ славнымъ судномъ, надо всетаки и похвалить его. Меня очень огорчило, что, по окон-

чаніи навигаціи за выполненіемъ всѣхъ работъ и наступленіемъ неблагоприятной погоды, пришлось разобрать нашу увеселительную яхту на части и вернуть матеріалы по принадлежности вмѣсто того, чтобы цѣликомъ доставить ее въ Сѣверный музей, гдѣ она, безъ сомнѣнія, привлекла-бы общее вниманіе. Какъ-бы то ни было, наша лодка научила киргизовъ, что за штука такая лодка, хотя и не внушила особенно высокаго понятія о шведскомъ навигаторскомъ искусствѣ.

Итакъ, мы составили себѣ полное представленіе о глубинѣ Кара-куля, произведя 103 промѣра; кривыя глубинъ и были нанесены на карту. Максимумъ глубины оказался въ южной половинѣ бассейна, а именно 24 м.; въ средней части глубина колебалась между 15—20 м. Вдоль всего южнаго берега, гдѣ впадаютъ въ озеро ледниковые ручьи, послѣдними нанесенъ круто спускающійся въ озеро конусъ изъ ила, тогда какъ гряды моренъ сѣвернаго берега имѣютъ пологій скатъ.

Въ сѣверо-западномъ углу озера, гдѣ находится верховье рѣки Кара-куля, изъ воды высовываются небольшія эрратическія гнейсовыя глыбы. Линія, соответствующая глубинѣ 1 метра, вьется всего въ двухъ метрахъ разстоянія отъ юго-западнаго берега, хотя на немъ высятся крутыя скалы, тогда какъ вдоль всего сѣвернаго берега линія эта убѣгаетъ на 200 — 400 метр. въ озеро. Близехонько отъ середины западнаго берега лежитъ островокъ Киндикъ-мазаръ, гдѣ высиваются весной яйца массы дикихъ гусей. Тутъ мы нашли также двѣ небольшія мелководныя бухты и нѣсколько подводныхъ песчаныхъ мелей, образовавшихся съ завѣтренной стороны выступающихъ въ озеро группъ скалъ.

Что-же до цвѣта озера, то мы замѣтили, что въ глубокихъ мѣстахъ оно отливаетъ темносинимъ цвѣтомъ, въ мелкихъ свѣтло-зеленымъ, а въ мѣстахъ, покрытыхъ водорослями, темно-фіолетовымъ.

Киргизы увѣряли, что въ озерѣ не водится никакой рыбы, и въ самомъ дѣлѣ я нашелъ всего одну маленькую мертвую, плававшую поверхъ воды. Рыбка принадлежала къ той-же породѣ, какъ и сохраненный мною экземпляръ изъ близъ лежащаго Басыкъ-куля, и была, вѣроятно, занесена сюда какой нибудь птицей.

Вода въ Кара-куль прѣсная и годится для питья; темпе-

ратура ея во время нашего пребыванія колебалась около берега между 12—13 градусами тепла, а на серединѣ озера, на днѣ, имѣла 8°.

Въ озеро впадаетъ множество прозрачныхъ ручейковъ, и вблизи ихъ устьевъ на льду озера почти всю зиму бываютъ полыньи. Кара-куль замерзаетъ въ серединѣ ноября, а трогается ледъ въ серединѣ апрѣля.

Киргизы говорили, что ледъ на озерѣ бываетъ гладкій, блестящій, какъ зеркало, — вѣтеръ сметаетъ съ него каждую порошинку снѣга. Кромѣ того они увѣряли, что сквозь ледъ видны „лѣса и луга“ (водоросли) на днѣ озера и что отраженія звѣздъ горятъ зимними ночами во льду такъ-же ярко, какъ сами звѣзды на сводѣ небесномъ.

За работой жизнь наша текла мирно, спокойно, какъ и въ предыдущее наше посѣщеніе. По окончаніи трудового дня, я иногда въ бурную погоду ходилъ на берегъ, садился на камень и старался вообразить себѣ, что это родныя волны ударяютъ о родные берега, и во мнѣ пробуждались тысячи воспоминаній о родинѣ. Я, словно пилигримъ, сидѣлъ тогда въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ храмовъ, воздвигнутыхъ самой природой; у порога этого храма стояли на стражѣ одѣтые снѣгами горные великаны. У ногъ ихъ лежало дивное озеро, заключенное въ оправу горъ, какъ драгоценный камень чистѣйшей воды.

Несправедливо было-бы назвать Кара-куль безжизненнымъ озеромъ. Во время моихъ топографическихъ работъ на берегахъ, я часто вспугивалъ цѣлыя семейства почтенныхъ дикихъ гусей или утокъ, которые мирно покрякивали въ прибрежномъ тростникѣ, а при нашемъ приближеніи подымались и улетали на озеро. По ночамъ мы часто слышали крикъ дикихъ гусей, сзывавшихъ гусенятъ, или летавшихъ надъ нашей юртой. Нѣкоторымъ семействамъ приходилось дѣлиться съ нами своими членами, чтобы внести нѣкоторую перемену въ наше черезчуръ однообразное меню.

Самыя-же красивыя картины представляло отраженіе въ волнахъ Кара-куля перемѣнъ, происходившихъ въ атмосферѣ. Картины эти приковывали взоръ, были такъ богаты красками и столь разнообразны, что можно было воображать себя переносимымъ изъ одной части свѣта въ другую въ теченіе ка-

кихъ нибудь двухъ-трехъ минутъ. Встанетъ, наприимѣръ, солнце на чистѣйшемъ лазурномъ небѣ, въ воздухѣ стоитъ тишина, Мустагъ-ата вырисовывается ясно и отчетливо всеми

Хаза-Гюль, молодая замужняя женщина-киргизка.

(Съ рисунка автора).

своими контурами, голубые тона снѣжнаго покрова выступаютъ съ неподражаемой красотой, темные склоны прибрежныхъ горъ отражаются въ прозрачной зеркальной поверх-

ности озера, и на всей природѣ лежитъ отпечатокъ праздничнаго, торжественнаго спокойствія. Вдругъ съ сѣвера приносятся сначала бѣлыя, потомъ темныя облака, небо Памира пріобрѣтаетъ стальной зимній цвѣтъ, и въ одно мгновеніе весь небесный сводъ заволакивается; подымается вѣтеръ, сначала дующій порывами, потомъ непрерывно, бѣшенно; озеро у береговъ становится зеленаго морского цвѣта, а дальше темно-фіолетоваго, по краямъ же окаймляется бѣлыми полосами пѣны, и волны яростно бьются о берега.

Черезъ часъ буря унимается, но за ней слѣдуетъ градъ, а затѣмъ ливень; вѣтеръ стихаетъ совсѣмъ, озеро становится сѣрымъ отъ дождевыхъ брызгъ, теряя свои свѣжіе яркіе цвѣта; дождь тяжело барабанитъ по туго натянутой крышѣ юрты. Обыкновенно, такая буря проходитъ быстро и безслѣдно, но почти регулярно каждый вечеръ черезъ перевалъ Караташъ и долину рѣки Ики-бель-су проносится восточный вѣтеръ и окутываетъ ландшафтъ густымъ туманомъ, въ которомъ скрывается изъ глазъ все, кромѣ самыхъ ближайшихъ предметовъ.

Разъ мы возвращались съ экскурсіи на Ики-бель-су, и вдругъ рѣчная долина стала наполняться густымъ туманомъ. Мустагъ-ата мало-по-малу заволакивалась и, наконецъ, исчезла совсѣмъ. Туманъ стоялъ сначала низко, и конусъ Мустагъ-аты сіялъ надъ верхнимъ слоемъ тумана ослѣпительнымъ блескомъ, словно облитый электрическимъ свѣтомъ. Солнце сѣло, стало смеркаться, туманъ расплывался все шире и шире, но верхніе пояса горной группы, обыкновенно сіяющіе серебромъ, еще горѣли пурпурными и желто-огненными тонами.

Мало-по-малу освѣщенные солнцемъ мѣста все уменьшались, тѣни съ завидной легкостью взбирались по крутизнамъ; одно мгновеніе горѣла надъ темнымъ моремъ тумана одна послѣдняя вершина, затѣмъ погасла и она; еще нѣсколько минутъ конусъ горы рисовался на темномъ фонѣ свѣтлымъ силуэтомъ, потомъ тоже погрузился во мракъ.

Ночь рисовала новыя картины. Когда туманъ снова рѣдѣлъ, на темно-синемъ небѣ, усеянномъ блестящими звѣздами, всплывалъ блѣдный холодный мѣсяцъ и отбрасывалъ отъ склоновъ горъ длинныя тѣни, выступавшія тѣмъ рѣзче, что съ ними чередовались ярко свѣтлыя мѣста и выступы. Могильная

тишина овладѣвала окрестностью; прислушаться, такъ можно было, кажется, различить бѣненіе собственнаго сердца.

Не безъ грусти покинулъ я это маленькое прекрасное горное озеро, на которое привыкъ смотрѣть почти, какъ на свою собственность, за время своего пребывания на его гостепрїимныхъ берегахъ; мы провели здѣсь много мирныхъ, обильныхъ наблюденьями дней! Покинули мы его 9 октября. Былъ бѣшенный южный вѣтеръ; волны пѣли свою обычную грустную, убаюкивающую пѣню, которую никогда не устанешь слушать, но скоро она замерла вдали, а мы еще разъ направили свой путь къ ледяному царству Мустагъ-аты.

XVIII.

Среди киргизовъ. Возвращеніе въ Кашгаръ.

Прежде, чѣмъ повѣствовать о возвращеніи съ Памирскаго нагорья въ Кашгаръ, позволю себѣ посвятить нѣсколько словъ киргизамъ, среди которыхъ я прожилъ столько времени.

Я уже далъ описаніе „байгъ“, играющихъ такую важную роль въ ихъ однообразной жизни. Вообще же интересы жизни киргизовъ сосредоточиваются на скотоводствѣ, да на связанныхъ съ этимъ перекочевкахъ съ мѣста на мѣсто. Лѣто киргизы проводятъ въ яйлакахъ (лѣтнія кочевья), расположенныхъ на склонахъ Мустагъ-аты и горъ Памира; въ кышлаки-же, или зимнія стоянки, расположенныя въ долинахъ, они возвращаются, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ и становится холодно.

Каждый аулъ состоитъ большею частью изъ семействъ, принадлежащихъ къ одному роду, и у cadaго аула есть свои опредѣленные яйлаки и кышлаки, на которые никакой другой аулъ уже не имѣетъ права посягнуть безъ общаго на то согласія.

На другой день послѣ рожденія ребенка всѣ родственники являются съ поздравленіемъ. Закалываютъ барана, сзываютъ

гостей и совершаютъ моленіе. На третій день мулла даетъ ребенку соответствующее дню его рожденія имя, беря его изъ книги, въ которой каждый день отмѣченъ особымъ именемъ. Къ этому имени прибавляется имя отца ребенка и слово „оглы“, т. е. сынъ, напр. Кенче-Сатовалды-оглы.

Когда молодой киргизъ захочетъ жениться, родители высматриваютъ ему подходящую невѣсту, которую онъ и долженъ волей-неволей взять. Последняя, напротивъ, можетъ отказаться отъ брака, если женихъ ей не понравился, хотя и тутъ въ большинствѣ случаевъ дѣло вполнѣ въ рукахъ родителей. Если же женихъ сирота, онъ самъ выбираетъ себѣ невѣсту. Каждый женихъ обязанъ внести родителямъ невѣсты „калымъ“, или выкупъ. Богатые киргизы платятъ до 10—12 ямбъ (1 кит. ямба стоитъ 80—90 рублей), бѣдные пару лошадей, или яковъ. Родители поэтому всегда ищутъ для дочерей „баевъ“, т. е. богатыхъ жениховъ, а для сыновей некрасивыхъ и бѣдныхъ невѣстъ, за которыхъ не потребуютъ большого калыма. За красивыхъ, молодыхъ дѣвушекъ берется всегда очень большой калымъ.

Въ области Мустагъ-аты проживала въ 1894 г. одна замѣчательная красавица киргизка Невра Ханъ, къ которой сваталось множество жениховъ изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ. Но отецъ ея требовалъ такой несообразный калымъ, что она все еще сидѣла въ дѣвкахъ, хотя ей и было уже 25 лѣтъ. Одинъ молодой киргизъ, смертельно влюбленный въ нее, просилъ меня ссудить его требуемой суммой, родители жениха и невѣсты тоже пытались склонить меня къ этому, но, конечно, напрасно.

Когда дѣло слажено, самая помолвка можетъ быть отложена на неопредѣленное время, пока не будетъ выплаченъ весь калымъ сполна. Какъ только это сдѣлано, сооружаютъ новую юрту и сзываютъ гостей на свадьбу. Гости угощаютъ бараниной, рисомъ и чаемъ; мулла читаетъ жениху и невѣстѣ наставленіе о ихъ взаимныхъ обязанностяхъ, устраивается байга, все надѣваютъ лучшіе свои халаты, невѣсту тоже наряжаютъ въ пухъ и прахъ. Если женихъ изъ другого аула, свадьбу играютъ въ аулѣ невѣсты, откуда затѣмъ все гости провожаютъ новобрачныхъ въ ихъ новое жилище.

Когда киргизъ умираетъ, тѣло его омывають, облачаютъ

въ чистыя бѣлыя одежды, обвертываютъ холстомъ и войлоками и, какъ можно скорѣе, относятъ на кладбище. Яма выкапывается въ метръ глубины; отъ нея идетъ въ бокъ горизонтальный ходъ, въ который тѣло и всовывается. Затѣмъ могила закапывается и прикрывается камнемъ, или небольшимъ куполомъ на четырехугольной подставкѣ, если погребенный былъ „баемъ“, т. е. богатымъ человѣкомъ. Родственники навѣщаютъ могилу до сорокового дня.

Имущество киргизской семьи обыкновенно не велико, и при перекочевкахъ для перенесенія его достаточно нѣсколькихъ яковъ. Наиболѣе громоздкой частью его является самая юрта — деревянный остовъ ея и толстыя кошмы — сѣдла и попоны, постельныя принадлежности и ковры. Затѣмъ идетъ хозяйственная утварь: главнѣйшій предметъ — „казанъ“, т. е. большой желѣзный котелъ, фарфоровыя чашки (чине и піале), плоскія деревянные блюда (табакъ), желѣзные или мѣдные кувшины и котелки съ ручками и крышками (кунганы и чугуны), деревянные чашки (чечукъ) и крынки (челекъ). Кромѣ того, въ зажиточной юртѣ нѣтъ недостатка и въ прочихъ предметахъ домашняго обихода, какъ-то ткацкихъ станкахъ, корытахъ, ситахъ, топорахъ, мѣшкахъ для зерна и муки, колыбеляхъ, музыкальныхъ инструментахъ, треножникахъ для котла, щипцахъ и проч.

Большая часть этихъ предметовъ покупается въ Кашгарѣ, Янги-гиссарѣ, или Яркентѣ; кромѣ того, среди киргизовъ водятся и свои кузнецы и столяры. Деревянный матеріалъ для юрты привозятъ изъ долинъ, граничащихъ съ восточными склонами Мустагъ-аты, такъ какъ въ самой сарыкольской области нѣтъ деревьевъ.

Въ каждой кибиткѣ существуетъ особое отгороженное отдѣленіе, „ашъ-хана“ (кладовая), гдѣ хранятся молоко, сливки и другіе съѣстные припасы. Любимый напитокъ киргизовъ — „айранъ“ вскипяченное молоко съ водой, которому даютъ скиснуть; питье это, особенно лѣтомъ, дѣйствуетъ освежающе. „Каймакъ“ густыя прѣсныя яковыя сливки превосходнаго качества, желтаго цвѣта и миндальнаго вкуса; „кюгъ“ — обыкновенное молоко. Все молочные продукты сохраняются въ козихъ бурдюкахъ.

Питаются киргизы главнымъ образомъ яковымъ моло-

комъ и бараниной. Разъ или два въ недѣлю закалываютъ барана, и все населеніе аула плотно наѣдается. Всѣ собираются въ юрту и усаживаются вокругъ огня, надъ которымъ варится въ котлѣ мясо; затѣмъ куски дѣлятся между присутствующими. Каждый вынимаетъ ножъ и срѣзаетъ съ своей порціи куски мяса до самой кости. Последнюю затѣмъ раздробляютъ, чтобы добраться до мозга, считающагося самымъ лучшимъ лакомствомъ. Какъ передъ трапезой, такъ и послѣ происходитъ омовеніе рукъ. По окончаніи ея всѣ проводятъ рукой по бородамъ и въ одинъ голосъ восклицаютъ: „Аллаху экберъ!“ (Господь великъ!) Пять установленныхъ кораномъ ежедневныхъ молитвъ аккуратно читаются старшиною въ каждомъ аулѣ.

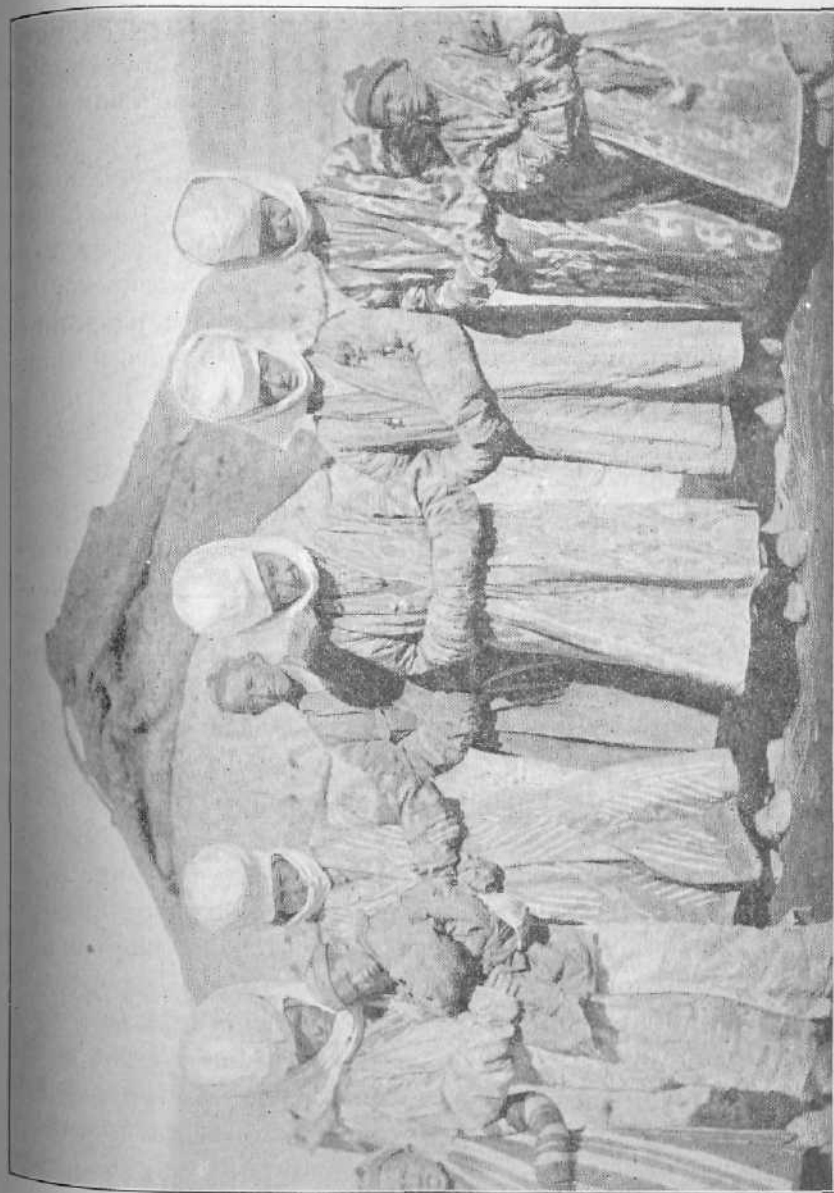
Въ ежедневномъ обиходѣ самый тяжелый трудъ выпадаетъ на долю женщинъ. Онѣ ставятъ и снимаютъ кибитку, ткнутъ ковры и ленты, вьютъ веревки, сучатъ нитки, доятъ коровъ-яковъ и козъ, ходятъ за овцами, за дѣтьми и ведутъ все хозяйство. Стада стерегутъ необыкновенно большія, злыя собаки, питающіяся отбросами.

Мужчины въ сущности ничего не дѣлаютъ; сидятъ большею частью день денской вокругъ огня, или много, много пригоняютъ яковъ съ горныхъ пастбищъ; часто ѣздятъ въ гости къ сосѣдямъ, покушать и мѣнять скотъ. Зимой-же почти съ утра до вечера сидятъ и бесѣдуютъ вокругъ костра изъ яковаго навоза въ то время, какъ сваружки снѣгъ крутить вокругъ юрты и воетъ буря.

Такъ мирно и однообразно протекаетъ жизнь киргизовъ; одинъ годъ похожъ на другой, проходитъ въ тѣхъ же занятіяхъ и перекочевкахъ. Старится киргизъ только подъ бременемъ годовъ, видитъ, какъ дѣти его уходятъ и основываютъ свои семьи, видитъ, какъ сѣдѣетъ его борода, и, наконецъ, отправляется на вѣчный покой возлѣ ближайшей могилы святого, у подножія покрытыхъ снѣгами горъ, въ области которыхъ онъ и его родичи прожили свою бѣдную радость, но и безпечальную жизнь.

Мое долгое пребываніе въ ихъ средѣ было поэтому интереснымъ перерывомъ однообразія ихъ жизни. Имъ еще никогда не случилось раньше видѣть такъ близко „ференги“ (европейца), сопутствовать ему, наблюдать за всѣми его не-

понятными работами. Они въ толкѣ не могли взять, затѣмъ мнѣ непременно нужно было посѣтить каждый ледникъ, за-

Замужнія женщины-киргизки изъ Мургабскаго аула.
(Съ фотографіи автора).

чѣмъ я все срисовывалъ, а иногда даже выламывалъ камни изъ горъ и пряталъ себѣ въ ящички; имъ все окружающее казалось такимъ простымъ, естественнымъ и неинтереснымъ!

Понятія ихъ о внѣшнемъ мірѣ очень скудны. Они знаютъ только, зато превосходно, область, въ которой кочуютъ, дороги черезъ Памиръ и въ западные города восточнаго Туркестана; весь остальной міръ для нихъ — хаосъ. О Россіи, Англіи, Китаѣ, Персіи, Канджухѣ, Кашмирѣ, Тибетѣ, Индостанѣ, Большомъ Кара-кульѣ, Лобъ-норѣ и Пекинѣ они знаютъ по наслышкѣ.

Только отъ странствующихъ купцовъ или изъ ближнихъ городовъ доходятъ до нихъ иногда новости шумнаго свѣта, но мало интересуютъ ихъ, не затрагивая непосредственно ихъ самихъ и ихъ жизни. Для нихъ земля — плоскость, окруженная водой, и солнце ходитъ вокругъ земли; какъ ни старайся внушить имъ истинныя понятія, они ничего не могутъ взять въ толкъ и преспокойно отвѣчаютъ, что, по крайней мѣрѣ, ихъ область стоитъ неподвижно.

Старые киргизы часто рассказывали мнѣ о своемъ житиѣ-бытѣ, и рассказы ихъ всегда были очень интересны и поучительны, даже по самому языку. Жизнь одного старика киргиза бека Булата изъ области Рангъ-куль, является, на примѣръ, настоящею эпопеею.

Во время правленія Якубъ-бека онъ 12 лѣтъ занималъ въ Тагармѣ должность юзь-баши (сотникъ). Послѣ смерти Якубъ-бека въ 1878 г. Кашгаромъ овладѣли китайцы, а два года спустя, пришелъ изъ Маргелана въ Ташъ-курганъ Хакимъ-ханъ-Тюря съ тысячею людей, и бекъ Булатъ съ братомъ и 500 сарыкольцами примкнули къ нему. Несмотря на недѣльную осаду, таджики, обитатели Ташъ-кургана, не сдались. На подавленіе возстанія двинулось большое китайское войско, и Хакимъ-ханъ-Тюря послалъ въ Ташъ-курганъ киргиза Абдуррахмана-датху въ качествѣ парламентаря, но таджики умертвили его. Тогда Хакимъ-ханъ-Тюря направился со своими людьми къ Чакыръ-агылу у начала долины Гезъ. Пока они стояли тамъ, къ брату бека Булата, Куруши-датхѣ былъ присланъ гонецъ отъ китайцевъ съ извѣщеніемъ, что всѣ киргизы, участвовавшіе въ возстаніи, будутъ преданы казни, если не выдадутъ Хакима. Тогда Куруши покинулъ своего предводителя и ушелъ на Малый Кара-куль. Здѣсь онъ получилъ приказъ присоединиться къ китайцамъ и напастъ на Хакима около Мужки. Послѣдній, преслѣдуемый

китайцами, бѣжалъ черезъ Кызыль-артъ, потерявъ много людей.

Предводителемъ уцѣлѣвшихъ киргизовъ сталъ бекъ Булатъ; когда-же и эти остатки были разсѣяны, онъ отправился въ Рангъ-кулю, братъ-же его былъ взятъ китайцами въ плѣнъ и обезглавленъ въ Кашгарѣ. Опасаясь такой-же участи, бекъ Булатъ бѣжалъ къ Акъ-байталу, гдѣ его нагнали и взяли въ плѣнъ 50 преслѣдовавшихъ его китайцевъ, которые затѣмъ отправили его съ семействомъ въ Турфанъ. Тамъ онъ жилъ въ изгнаніи 9 лѣтъ.

Бекъ Турфанскій, магометанинъ, предоставилъ ему, однако, свободу и возможность безпрепятственно заниматься торговлей. Затѣмъ, въ виду того, что онъ все время велъ себя смирно, китайскія власти разрѣшили ему вернуться на родину. Кромѣ того, китайцы, оцѣнившіе его дѣловитость, предложили ему бекство въ восточномъ Памирѣ, но онъ отказался, говоря, что не хочетъ служить людямъ, убившимъ его брата. Послѣ того, въ Памиръ вступили русскіе, и старый бекъ Булатъ живетъ теперь въ бѣдности и не у дѣлъ около Рангъ-куля.

Мы часто бесѣдовали съ нимъ далеко за полночь, при свѣтѣ голубыхъ огоньковъ, перебѣгавшихъ по углямъ костра, слабо освѣщавшаго внутренность юрты, едва позволяя различать рѣзкія черты сидящихъ на кошмахъ киргизовъ.

Не знаю, скучали-ли обо мнѣ киргизы, когда мы разстались; сердца у нихъ жесткія, невосприимчивыя къ сердечнымъ чувствамъ. Суровая, бѣдная, скупая природа, окружающая ихъ и доставляющая имъ впечатлѣнія, не способна воспитать въ нихъ подобныя чувства. Но велѣдъ мнѣ раздавалось много дружескихъ „хошъ“ (прощай), „худа іолъ версунъ“ (съ Богомъ!) и „Аллаху экберъ“, и долго стояли киргизы на берегу Кара-куля, провожая удивленными взглядами мой караванъ. Пожалуй, многіе задавали себѣ вопросы: „Откуда онъ явился къ намъ, куда отправился и что ему нужно было здѣсь?“

9 октября мы отправились въ аулъ Тюя-курукъ (3,884 м.), а на слѣдующій день черезъ долину Ики-бель-су, притокъ воды въ которой упалъ до 2 куб. м. и которая мало напоминала теперь пѣнящуюся рѣку, видѣнную нами лѣтомъ.

Около мощнаго ледника Кокъ-сель мы направились къ

западу; дорога пошла зигзагами въ гору по правой сторонѣ долины. Вечеромъ мы остановились въ аулѣ Турбулюнѣ, жители котораго собирались въ скоромъ времени отправиться на зимовку къ Малому Кара-кулю. Около Турбулюна зима бываетъ очень суровая, бураны обычное явленіе, и постоян-

Дѣвочка-киргизка изъ Сары-кода.
(Съ рисунка автора).

ными обитателями являются здѣсь только волки, лисницы да медвѣди.

11 октября, когда мы были въ аулѣ, разбушевался страшный вѣтеръ, и киргизы жгли факель за факеломъ, подымая ихъ къ дымовому отверстию и восклицая „Аллаху экберъ!“, чтобы отвратить вѣтеръ. При особенно сильныхъ порывахъ вѣтра они всё вскакивали и крѣпко схватывались за юрту, которая была кромѣ того укрѣплена веревками и шестами.

Мы всетаки сдѣлали экскурсію на Кара-джилгу, гдѣ разстилались сочныя пастбища и гдѣ водились горныя козы, и архары. Исламъ-бай застрѣлилъ на ледникѣ одного архара, но, къ сожалѣнію, животное упало въ трещину и достать его не удалось.

12 октября мы перебрались черезъ пользующійся дурной славою переваль Мерки-бель. Западный склонъ, по которому мы подымались, былъ не особенно крутъ, но снѣговой покровъ достигалъ 40 сантим. глубины. Это очень своеобразный переваль. Самый гребень его очень широкъ, куполообразенъ и покрытъ тонкимъ ледянымъ покровомъ, по которому мы проѣхали 2 километра. Примыкающія къ нему горы относительно низки; по правую сторону (на югъ) сплошь покрыты льдомъ, по лѣвую же (на сѣверъ) вздымаются оголенные, или покрытыя рѣдкими клоками снѣга, черныя кристаллическія породы.

Восточный склонъ перевала необычайно крутъ, и покрытъ мореной, состоящей изъ громадныхъ отторженцевъ и сланцевыхъ плитъ съ острыми углами и краями. Лошади тутъ безпрестанно спотыкались, и мы предпочли идти пѣшкомъ. Къ счастью, у насъ были на этотъ разъ наняты вьючные яки. Мало-по-малу склонъ сталъ болѣе отлогимъ, и мы благополучно достигли долины Мерки, гдѣ расположились въ одинокой юртѣ на высотѣ 3,593 метровъ.

Въ теченіи слѣдующихъ дней мы быстро подвигались къ равнинамъ Туркестана. Въ долинахъ восточныхъ склоновъ шель снѣгъ, а 13-го дулъ также сильный вѣтеръ, и мы весь день ѣхали въ облакахъ крутящагося снѣга. Рѣка долины Мерке, принимающая цѣлую серію притоковъ изъ маленькихъ боковыхъ долинъ, энергично пролагаетъ себѣ путь въ конгломератахъ, по которымъ намъ часто приходилось ѣхать. Самое дно рѣки загромождено гнейсовыми и сланцевыми глыбами. Около Сугета (3,015 м.), гдѣ мы разбили лагерь, растутъ ивы; отсюда и названіе мѣстности (сугеть—ива). Тутъ, среди снѣжнаго моря, разбито нѣсколько юртъ; старшина аула, Тогда-Магометъ-бай, принялъ насъ очень любезно.

14-го мы двинулись въ аулъ бека Магомета-Тогда Чата; бекъ — старшина восточныхъ киргизовъ. По пути мы миновали Кара-ташъ-джилгу съ рѣкой, текущей съ перевала Кара-ташъ. На слѣдующій день мы перевалили черезъ

незначительный перевалъ Гыджакъ-бель (3,975 м.) съ округленными мягкими формами, сложенный изъ желтой скользкой глины, или мелкаго сланцеваго щебня. Мѣсто нашей дневной стоянки носило оригинальное названіе Сарыкъ-кызъ (желтая дѣвушка).

Оставивъ 16-го устье долины Кинколь на право, мы снова очутились на знакомомъ трактѣ и вечеромъ остановились въ Игизъ-ярѣ въ томъ-же караванъ-сараѣ, въ которомъ останавливались въ первый разъ. То-то славно было освободиться отъ всѣхъ своихъ неудобныхъ, тяжелыхъ зимнихъ одѣяній, ставшихъ излишними въ этомъ тепломъ воздухѣ, и отвѣдать за обѣдомъ плодовъ, кашгарскаго хлѣба и яицъ.

19 октября я опять сидѣлъ въ своей комнатѣ въ домѣ консула Петровскаго въ Кашгарѣ, гдѣ накопились для меня за лѣто цѣлыя горы писемъ и газетъ.

Наступило время желаннаго отдыха, которому я и отдался, пользуясь обществомъ моего благороднаго друга, консула. Долгими осенними вечерами мы бесѣдовали съ нимъ, какъ и прежде, обсуждая различные важные азіатскіе вопросы и задачи.

Я не стану долго задерживать вниманіе читателя на моихъ Кашгарскихъ воспоминаніяхъ, хочу только привести нѣсколько изъ нихъ. Первой моей работой было разобрать собранные мною на Мустагъ-атѣ образцы горныхъ породъ и снабдить ихъ ярлычками, а также привести въ порядокъ фотографическіе снимки. Затѣмъ, я написалъ нѣсколько научныхъ сообщений о лѣтнихъ работахъ.

Въ началѣ ноября мы получили новости изъ Европы. Тайный совѣтникъ Кобеко, инспектировавшій русскій Туркестанъ, продолжилъ свой маршрутъ къ намъ. Это былъ очень симпатичный и начитанный человекъ, и недѣля, проведенная въ его обществѣ, промелькнула незамѣтно.

Я никогда не забуду вечера 6 ноября, когда мы сидѣли за чаемъ вокругъ большого стола, бесѣдуя подъ аккомпаниментъ шумящаго самовара о политикѣ и о будущемъ восточнаго Туркестана. Вдругъ вбѣжалъ безъ доклада запыхавшійся курьеръ-казакъ и подалъ Кобеко телеграмму съ послѣдней телеграфной станціи Гульча. Телеграмма принесла вѣсть о смерти государя Александра III.

Всѣ встали и перекрестились; на глазахъ выступили слезы, и могильная тишина долго не нарушалась никѣмъ. Конечно, было извѣстно, что здоровье Государя въ послѣднее время было неудовлетворительно, но никто не подозрѣвалъ, чтобы положеніе его было такъ серьезно и кончина такъ близка. Поэтому горестная вѣсть поразила всѣхъ, какъ громомъ. Въ какіе нибудь 5 дней она проникла въ сердце Азіи.

По закону солдаты тотчасъ-же должны были принести присягу новому Государю, но въ Кашгарѣ не было православнаго священника, и потому сочли за лучшее дожидаться приказа отъ ближайшихъ властей. Кобеко только прочелъ вслухъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ передъ 58 казаками самую телеграмму; казаки выслушали ее съ опущенными, обнаженными головами. На слѣдующій день къ консулу явились даотай и цзянь-далой засвидѣтельствовать свое соболѣзнованіе. Ихъ пестрые парадныя одѣянія, гонгонги, барабаны, зонтики и флаги — вся пышность ихъ шумнаго появленія составила такой рѣзкій контрастъ съ царствовавшей въ консульствѣ тихой скорбью.

Рѣзкіе, климатическіе переходы, которымъ я подвергался въ этой кочевой жизни, наградили меня лихорадкой, разыгравшейся въ ноябрѣ мѣсяцѣ настолько серьезно, что я слегъ на мѣсяцъ въ постель. Другую бѣду навлекло на меня посѣщеніе русской бани, куда меня проводили двое казаковъ и Исламъ-бай.

Я уже пробылъ тамъ довольно долго, когда казаки рѣшили, что будетъ съ меня, вошли и нашли меня безъ чувствъ. Въ печкѣ лопнула какая-то труба, и я угорѣлъ. Меня немедленно перенесли въ мою комнату, гдѣ я понемногу пришелъ въ себя, но голова болѣла страшно еще дня два.

Вотъ и Рождество пришло. Рождество! сколько грусти, воспоминаній, тоски и надеждъ связано съ однимъ этимъ словомъ! Въ сочельникъ шелъ легкій снѣгъ, тотчасъ-же таявшій и испарявшійся въ сухомъ воздухѣ, не успѣвая даже выбѣлнить землю. На улицахъ и площадяхъ слышался звукъ колокольчиковъ, но это были караванные колокольчики, которые звонятъ тутъ круглый годъ. И здѣсь на небѣ горѣли звѣзды, но не тѣмъ волшебнымъ блескомъ, какимъ горятъ на нашемъ

сѣверномъ зимнемъ небѣ. Въ окнахъ жилищъ виднѣлись кое-гдѣ огоньки, но это были не елочныя свѣчки, а свѣтильники съ кунжутнымъ масломъ, столь-же примитивные, какъ и во времена Спасителя.

Можно-ли было выбрать болѣе подходящее время для визита шведскому миссіонеру Гѣгбергу, прибывшему съ семьей въ Кашгарь этимъ лѣтомъ? Я и отправился къ нему послѣ обѣда въ сопровожденіи англійскаго агента Мэкэртнея и патера Гендрикса, захвативъ съ собою маленькіе подарки дочкѣ хозяина. Были прочитаны тексты изъ евангелія, пропѣты рождественскіе псалмы подъ аккомпаниментъ органа, а вечеромъ я и Гендриксъ отправились къ Мэкэртнею, гдѣ ждалъ насъ пуншъ и другое рождественское угощеніе. Незадолго до полночи патерь ушелъ: онъ спѣшилъ въ свое одинокое жилище, чтобы встрѣтить полночь за обѣдней, служимой въ одиночествѣ. Вѣчно, вѣчно одинокъ!

5 января 1895 г. въ Кашгарь прибылъ англичанинъ Георгъ Литледаль въ сопровожденіи своей отважной супруги и родственника г. Флетчера. Мы провели въ ихъ обществѣ много пріятныхъ часовъ. Литледаль необычайно симпатичный человѣкъ, мужественный, но безъ всякой претенціозности; меня особенно радовало, что въ лицѣ его я познакомился съ однимъ изъ отважнѣйшихъ и умнѣйшихъ путешественниковъ по Азій. Самъ онъ смотрѣлъ на свои путешествія весьма критически, отличаясь большой скромностью. Онъ чистосердечно признавался, что путешествуетъ ради удовольствія, охоты, спорта, предпочитая богатую разнообразіемъ жизнь путешественника лондонскимъ обѣдамъ и ужинамъ. Тѣмъ не менѣе путешествіемъ своимъ, начатымъ въ 1895 г. онъ неизгладимыми буквами вписалъ свое имя въ списокъ путешественниковъ-піонеровъ, рядомъ съ именами своихъ знаменитыхъ соотечественниковъ Юнгусбэнда и Боуэра.

Въ серединѣ января, англичане покинули Кашгарь; поѣздъ ихъ, состоявшій изъ четырехъ большихъ, убранныхъ коврами арбъ, представлялъ очень живописную картину. Въ Черченѣ Литледаль снарядилъ большой караванъ, съ которымъ и прошелъ Тибетъ съ сѣвера на югъ.

Въ это-же время узнали мы о печальной судьбѣ Дотрейля де Рина, убитаго минувшимъ лѣтомъ около Тамъ-будды.

Четверо изъ его людей вернулись въ Кашгарь и привезли вѣсть о его смерти.

Наступило и русское Рождество, 12 днями позже нашего, и консульство снова ожило. Казаки утромъ въ первый день

Дѣвочка-киргизка изъ Турбулуна.

(Съ рисунка автора).

праздника разбудили меня заунывнымъ пѣніемъ, а у консула состоялся большой вечеръ.

Для меня было большой радостью найти въ этотъ пріѣздъ въ Кашгарь земляковъ. Миссіонеръ Гѣгбергу прибылъ сюда съ женой, маленькой дочкой, одной шведской миссіонершей и крещенымъ персомъ, мирзой Жозефомъ. Со стороны миссіонера

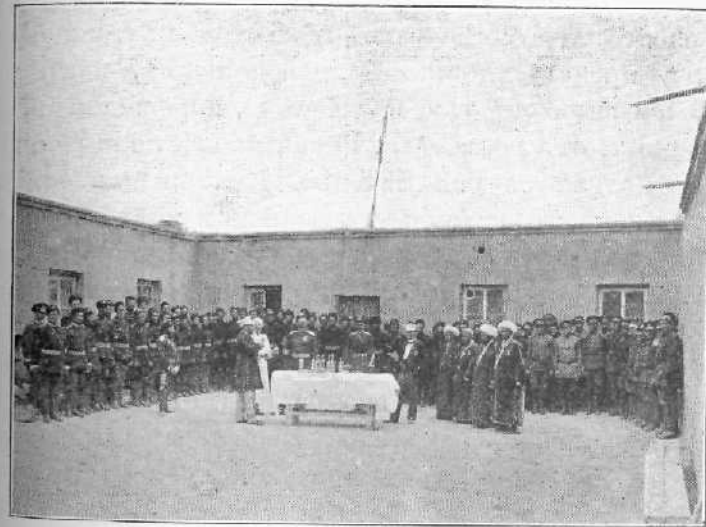
было рисковано прѣхать съ двумя дамами, такъ какъ магометане приняли ихъ за его женъ, и то обстоятельство, что мирза Жозефъ женился затѣмъ на шведкѣ-миссіонершѣ, сильно и надолго повредило успѣху миссіи Гѣгберга. Въ глазахъ кашгарцевъ мирза Жозефъ все оставался магометаниномъ, а магометанамъ, по закону пророка, запрещается жениться на невѣрныхъ.

Я охотно обошелъ-бы молчаніемъ все толки и неудовольствіе, возбужденныя этимъ бракомъ, если-бы случай этотъ не служилъ печальнымъ примѣромъ того, какъ легко представители миссіонерскаго общества иногда относятся къ возложенной на нихъ отвѣтственности. Въ заключеніе, нѣсколько словъ о самомъ миссіонерствѣ. Репрессалии европейскихъ государствъ въ отвѣтъ на убійство въ Китаѣ миссіонеровъ, по моему, большая несправедливость, потому что разъ миссіонеры отваживаются на такое рискованное дѣло, они сами и должны нести за то отвѣтственность и быть готовыми на все случайности. И развѣ возможно распространять христіанство съ помощью казней и кровопролитія? Враги христіанства, еще со временъ Перона, старались подобными средствами противиться распространенію христіанства и то тщетно, само-же христіанство никогда не нуждалось въ помощи насилія. Правда, что за смерть миссіонеровъ мстятъ не какъ за смерть христіанъ, а только какъ за смерть европейцевъ, но насиліе и кровопролитіе во всякомъ случаѣ отзовутся неблагоприятно на результатахъ дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. Народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, имѣютъ и различныя религіозныя потребности, и кто-же можетъ утверждать, что китайцы или магометане созрѣли теперь для христіанства?

А вотъ этого-то обстоятельства многіе изъ современныхъ часто мало образованныхъ миссіонеровъ и не могутъ понять. Не имѣя серьезной научной подготовки, не ознакомившись съ сущностью религіи народа, среди котораго хотять дѣйствовать, не сообразивъ, что народъ этотъ, какъ часто бываетъ, старше по происхожденію ихъ собственнаго и болѣе успѣе въ закоренѣть въ своихъ обычаяхъ и нравахъ, такіе миссіонеры легкомысленно бросаются въ неизвѣстную страну, берутся за дѣло, о трудностяхъ котораго не имѣютъ и понятія. Между

тѣмъ, если не взвѣситъ предварительно всехъ трудностей и препятствій, то никакое благочестіе и никакая вѣра въ дѣло не спасутъ отъ бѣды.

Беря за образецъ перваго миссіонера, апостола Павла, они не раздумываютъ, что онъ трудился на почвѣ, богато воздѣланной наукой и искусствомъ, гдѣ человѣческій духъ уже созрѣлъ для воспріятія высшей религіи, такъ какъ наиболѣе развитыя классы общества уже стали сомнѣваться въ старыхъ богахъ. И, если посравнить съ результатами дѣятельности Павла результаты дѣятельности сотни тысячъ миссіонеровъ

Консулъ Петровскій, Адамъ Игнатьевичъ, казаки и ихъ офицеры, авторъ и туземецъ-переводчикъ при консульствѣ.

(Съ фотографіи г. Люша, секретара консульства).

на протяженіи новѣйшаго времени, то первая возсіяетъ еще болѣшимъ блескомъ.

Причина громадной разницы между дѣятельностью Павла и современныхъ миссіонеровъ лежитъ, конечно, и въ самомъ образѣ дѣйствій апостола. Онъ странствовалъ съ мѣста на мѣсто, подобно дервишамъ востока, жилъ своимъ трудомъ, оставался неимущимъ и неженатымъ, что облегчало ему непосредственныя сношенія съ народомъ и изученіе чужихъ языковъ, а также дѣлало его независимымъ отъ всякихъ миссіонерскихъ обществъ, отъ добротныхъ пожертвованій и проч.

Кромѣ того, онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ репрессаліямъ противъ гонителей христіанства.

Я еще ни разу не слышалъ ни объ одномъ миссіонерѣ, который-бы въ наше время слѣдовалъ принципамъ жизни апостола Павла. Для этого нужна большая любовь къ дѣлу, истинное безкорыстіе, готовность пожертвовать всѣми благами цивилизаціи и комфорта.

Но, даже если-бы они и шли по стопамъ апостола, дѣло ихъ не могло-бы увѣнчаться такимъ-же успѣхомъ, по причинѣ упомянутыхъ религіозныхъ и социальныхъ препятствій, которые не должны никого удивлять. Для правовѣрнаго мусульманина посягательство на его вѣру со стороны самодовольнаго чужеземца представляется несправедливымъ, какъ посягательство на самое дорогое наслѣдство, перешедшее къ нему, мусульманину, отъ родителей. Главныя азіатскія религіозныя ученія не поддаются уничтоженію. Духовныя и социальныя теченія имѣютъ въ исторіи свое время и мѣсто, и отклонить ихъ, или остановить нельзя, какъ нельзя остановить приливъ въ морѣ. Худы, или хороши они, они непременно возьмутъ свое.

Миссіонерство слишкомъ отвѣтственное и важное дѣло, чтобы закрывать глаза на его слабыя стороны. Со всѣмъ уваженіемъ къ миссіонерамъ, которые безъ страха дѣйствуютъ въ простотѣ душевной, какъ христіане временъ Павла, каждую минуту ожидавшіе пришествія Христова, нельзя не замѣтить непрактичности и неустойчивости ихъ дѣятельности, разъ она не основывается на благоразуміи.

Что до нашихъ шведскихъ миссіонеровъ въ Кашгарѣ, я скажу, что всѣ они необычайно солидные и достойные люди, съ которыми очень пріятно встрѣчаться, что, къ сожалѣнію, бывало не часто, такъ какъ они жили за городомъ въ жилищахъ, практически устроенныхъ по азіатскому образцу. Гёгбергъ умно разсудилъ, что было-бы опасно немедленно начать миссіонерскую проповѣдь, и вмѣсто того занялся изготовленіемъ разныхъ полезныхъ предметовъ домашняго обихода и ремеслами, полезными для кашгарцевъ. Такъ онъ сдѣлалъ чудесную машину для обработки сырца, изготовлялъ прялки, мѣхи и т. д. къ большому удивленію и восхищенію населенія.

Встрѣчи съ Гёгбергомъ и его женою всегда были мнѣ

пріятны, такъ какъ и они, подобно другимъ миссіонерамъ, съ которыми я сталкивался, были очень любезны и гостепріимны и смотрѣли въ будущее свѣтлымъ взоромъ. Нельзя не питать уваженія къ людямъ, которые убѣжденно борятся за торжество своей вѣры.

ХІХ.

Въ Маралъ-баши и Лайлыкъ.

Въ 11 час. утра, 17 февраля, я въ сопровожденіи Исламъ-бай, миссіонера Іоганна и Хашимъ-ахуна, выступилъ изъ Кашгара и направился на востокъ, въ Маралъ-баши. Караванъ нашъ состоялъ изъ двухъ большихъ арбъ, на высокихъ колесахъ съ желѣзными шинами; каждую арбу тащила четверка лошадей. Первая арба, въ которой ѣхалъ я съ Іоганномъ, имѣла соломенный верхъ, а внутри была выложена шкурами; заднее отверстіе тунелеобразнаго кузова мы также зашнуровали кошмой, чтобы, по возможности, уберечься отъ дорожной пыли. На дно арбы мы набросали ковровъ, подушекъ и тулуповъ, такъ что сидѣть было мягко и удобно, хотя экипажъ нашъ и кидало по неровной дорогѣ изъ стороны въ сторону, точно лодку въ бурю, а грохотъ раздавался такой, что впору было оглохнуть.

Владѣльцы арбъ также ѣхали съ нами, и каждый экипажъ имѣлъ такимъ образомъ своего возницу, который то сидѣлъ прѣшкомъ рядомъ съ лошадьми, то приманивался на середину съ своимъ длиннымъ кнутомъ въ рукахъ и посвистывалъ. Въ другой арбѣ ѣхали Исламъ-бай и Хашимъ; въ ней-же помѣщался весь мой багажъ. Обѣ собаки наши, Джоланъ и Хамра, были привязаны сзади моей арбы.

Съ грохотомъ и скрипомъ повлекли насъ арбы по большой дорогѣ, вдоль лѣвой стѣны города, къ „Песочнымъ воротамъ“ — Кумъ-дервазе, откуда намъ осталось еще почти два часа пути до Янги-шара, китайскаго Кашгара. Тамъ произошло съ нами комическій эпизодъ. Какой-то китайскій